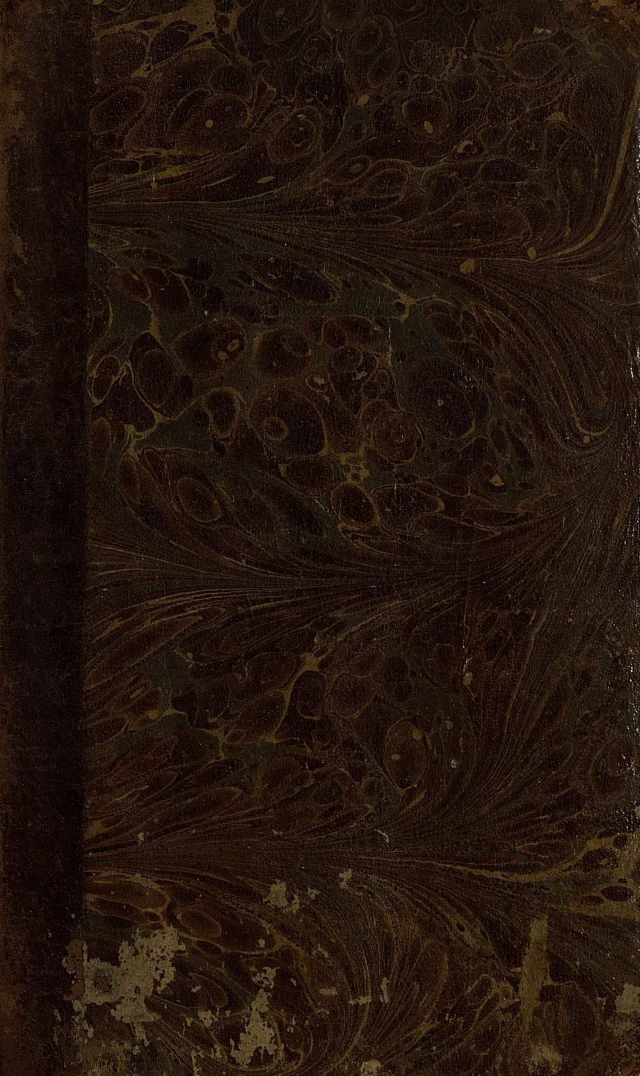

Роллен, Шарль

ч. 4. стр. 113.

Триумфъ Помпея.

ч. 4. стр. 124.

Возвращеніе Цицерона.

РОЛЛЕНЬ
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА,

ИЛИ

НАЧЕРТАНІЕ
ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ,

содержащее въ себѣ Исторію Египтянъ, Персовъ, Грековъ, Римлянъ и многихъ другихъ народовъ, представляющее полезные примѣры добродѣтели и спасительные уроки для сердца и разума юныхъ читателей, съ политическими и нравоучительными размышленіями.

. . . . . Pueris dant crustula blandi
Doctores. . . .
Hor. *Art. Poet.*

Съ 32 гравирован. картинами,

и съ присовокупленіемъ жизни и портрета Г. РОЛЛЕНЯ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РИМСКОЙ ИСТОРІИ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1822.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Мая 15 дня, 1822 года. Книгу сію разсматривалъ Адъюнктъ и Кавалеръ

ИВАНЪ СНЕГИРЕВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Четвертой части.

Стран.

Стран.

РОЛЛЕНЪ

ДЛЯ

ЮНОШЕСТВА.

РИМСКАЯ ИСТОРІЯ.

РАЗРУШЕНІЕ КАРѲАГЕНЫ.

(606 года отъ основанія Рима).

Сенатъ Римской различными благоговѣйными обрядами, принеся богамъ благодареніе за взятіе Карѳагены Сципіономъ, сыномъ Павла Эмилія, отправилъ десять чиновниковъ въ Африку, дабы совокупно съ Сципіономъ учредить въ оной правленіе и порядокъ. Первымъ ихъ стараніемъ было разрушить до основанія все, что послѣ долговременной осады осталось отъ древняго Кар-

ѳагена. Римъ тогда уже былъ обладателемъ почти цѣлаго свѣта, но онъ еще опасался и имени Карѳагены. Римляне именемъ всего народа запретили съ ужасными заклинаніями, чтобы впредь не жить и не селиться тамъ, а особливо въ частяхъ города, называемыхъ Бирзою и Мегарою; вѣроятно за исключеніемъ пристани, которая для нихъ была весьма полезна. Впрочемъ всякому позволялся входъ въ Карѳагену. Сципіонъ не негодовалъ на то, что смотрѣли на плачевныя развалины города, который осмѣлился оспоривать могущество Рима. Сенаторы опредѣлили еще, чтобъ тѣ города, которые въ сію войну держали сторону непріятелей, были всѣ истреблены, и земли ихъ отданы союзникамъ Римскаго народа. Въ особенности они подарили жителямъ Утики всю землю, лежавшую между Карѳагеною и Гиппоною. На всѣ остальныя области наложили дань и составили изъ нихъ провинцію, при-

надлежавшую Римской Имперіи, которая называлась Африканскою (*).

ВЗЯТІЕ И РАЗРУШЕНІЕ КОРИНѲА РИМЛЯНАМИ.

(606 года отъ основанія Рима.)

Послѣ пораженія Ахеянъ Метелломъ, консулъ Муммій, пришедъ къ Коринѳу, завладѣлъ имъ, не взирая на сопротивленіе жителей, которые дерзнули вступить съ нимъ въ бой. Онъ вошелъ силою въ городъ и отдалъ его на разграбленіе. Всѣ мущины, въ ономъ находившіеся, лишены жизни; а женщины и дѣти проданы. Побѣдитель отобравъ въ особливое мѣсто статуи, картины и драгоцѣнныя вещи, дабы отослать оныя въ Римъ, велѣлъ зажечь всѣ зданія

(*) Сія провинція была отдѣлена отъ Имперіи Римской Гензерикомъ въ пятомъ вѣкѣ.

и городъ объятъ былъ пламенемъ нѣсколько дней. Неосновательно думаютъ, что тогда золото, серебро и мѣдь слившись вмѣстѣ составили новый драгоцѣнный металлъ. Потомъ стѣны были разбиты и разрушены до основанія. Все сіе исполнено по повелѣнію Сената въ наказаніе за неистовство Коринѳянъ, которые нарушили народное право, поступивъ худо съ послами Римскими.

Такимъ образомъ погибъ Коринѳъ въ томъ же году, въ которомъ Карѳагена взята и разрушена. Десять чиновниковъ, отправленныхъ отъ Сената для совокупнаго съ Консуломъ распоряженія дѣлами Греціи, уничтожили во всѣхъ городахъ народное правленіе; и постановили въ оныхъ судей изъ богатѣйшихъ гражданъ, коимъ доставили они свои законы и свою свободу. Греція присоединилась тогда къ провинціямъ Римскимъ, подъ именемъ Ахаіи, и управляема была преторомъ.

БОГАТАЯ ДОБЫЧА, ПОЛУЧЕННАЯ ВЪ КОРИНѲѢ; КАРТИНЫ И СТАТУИ ДОРОГОЙ ЦѢНЫ. НЕВѢЖЕСТВО КОНСУЛА МУММІЯ.

За проданную добычу, полученную въ Коринѳѣ, взяли значительную сумму. Между картинами находилось изображеніе Бахуса, коей красоты Римляне не умѣли цѣнить. Полибій находившись тогда въ семъ городѣ, съ соболѣзнованіемъ смотрѣлъ, какъ воины употребляли ее вмѣсто стола играя въ кости. Картина сія продана царю Атталѣ за сто тысячь рублей на наши деньги. Плиній говоритъ о другой картинѣ того же живописца, которую сей же Аттала купилъ за сто талантовъ. Сокровища сего Государя были неизчерпаемы, что вошло и въ пословицу. Консулъ Муммій удивленный толь дорогою цѣною, назначенною за сію картину, употребилъ свою власть, дабы

противъ общаго согласія, удержать ее, не взирая на жалобы Атталы; онъ думалъ, что въ ней находилась какая нибудь неизвѣстная ему сила: и такъ сія картина была отослана въ Римъ, и поставлена во храмѣ Цереры, куда знатоки приходили удивляться въ ней высокому искусству художника. Она погибла въ семъ храмѣ во время пожара.

Муммій былъ великій воинъ и человѣкъ добродѣтельный, но безъ познаній, безъ вкуса къ произведеніямъ живописи и ваянія; онъ не полагалъ никакого различія между картинами и статуями, ниже зналъ цѣну произведеніямъ великихъ художниковъ. Онъ сіе обнаружилъ въ слѣдующемъ случаѣ. Многія картины и статуи величайшихъ художниковъ отъ него препоручено было отвезти въ Римъ. Никогда не была толико невознаградима потеря таковой посылки, состоявшей изъ произведеній сихъ великихъ Геніевъ, кои равно какъ полководцы и законодатели способствуютъ къ прославленію вѣка своего и въ позднѣйшемъ

потомствѣ. Однакожъ Муммій препоручилъ сіи драгоцѣнности съ строгимъ приказаніемъ, что ежели которыя изъ статуй, картинъ и прочихъ драгоцѣнностей въ дорогѣ утратятся или попортятся, то должно доставить другія на свой щетъ. . . .

ПОХВАЛА И ХАРАКТЕРЪ ВИРІАТА.

Виріатъ, которой изъ простаго пастуха и разбойника сдѣлался полководцемъ Лузитанскимъ (*) и осмѣлился сражаться съ Римскими воинами, силою генія своего вознаградилъ недостатокъ породы. Онъ имѣлъ неустрашимое мужество, чудесную проницательность, совершенное знаніе въ воинской наукѣ, чрезвычайную способность къ военнымъ хитростямъ, и терпѣніе въ тяжкихъ трудахъ, кои укрѣпили его тѣло, и пріучили его къ суровой жизни. Къ симъ по-

(*) Португальскимъ.

хвальнымъ качествамъ онъ присоединялъ умѣренность, человѣколюбіе и правосудіе. Какія бы сокровища ни имѣлъ въ рукахъ своихъ, онъ никогда не желалъ обогащаться. Одерживалъ многочисленныя побѣды надъ Римлянами, и всегда оставался таковымъ, каковъ былъ въ первыхъ сраженіяхъ: тѣ же оружія, то же одѣяніе, та же наружность во всемъ. Никакія празднества, никакія увеселенія, ниже брачныя забавы не производили ни малѣйшей перемѣны въ жизни его. За столомъ всегда онъ находился стоя, ѣлъ только хлѣбъ и простую пищу, оставляя другимъ роскошныя яства. Отъ сей воздержной и единообразной жизни до самой кончины сохранилъ онъ здравіе тѣла, твердой и дѣятельной духъ, добродѣтель и славу, неподверженныя нареканію.

ВЗЯТІЕ НУМАНЦІИ ВЪ ИСПАНІИ СЦИПІОНОМЪ ВТОРЫМЪ АФРИКАНСКИМЪ.

(619 года отъ основанія Рима).

Жители города Нуманціи, осажденные Сципіономъ, отъ долговременной осады до такой ужасной крайности доведены были, что нашли себя принужденными питаться мясомъ себѣ подобныхъ, и въ отчаяніи своемъ забыли чувства человѣчества. Слабые дѣлались добычею сильнѣйшаго, который не страшился умерщвлять и пожирать своихъ сограждан, дабы продлить на нѣсколько минутъ нещастную жизнь.

Скудость, голодъ, болѣзнь, и всѣ нещастія, вмѣстѣ соединенныя, обезобразили ихъ лица, наружность, и напечатлѣли въ нихъ толь свирѣпый и яростный видъ, что они казались болѣе привидѣніями, а не людьми. Наконецъ въ этотъ самый

день Сципіонъ приказалъ имъ выдать всѣ свои оружія. Они съ униженіемъ просили у него отсрочки. Сципіонъ далъ имъ сроку на два дни. Многіе рѣшились умереть свободными въ отечествѣ еще свободномъ, умертвивъ самихъ себя. Ретогенъ, богатѣйшій и сильнѣйшій изъ гражданъ, имѣлъ въ городѣ самый прекрасный домъ; онъ зажегъ его и собравъ всѣхъ любящихъ свободу, далъ имъ мечи, дабы на единоборствѣ умерщвлять другъ друга, и умереть мужественно. Убивъ самаго себя, онъ кончилъ сію безчеловѣчную церемонію. На третій день оставшіеся жители пришли къ назначенному мѣсту. Сципіонъ выбралъ изъ нихъ только пятьдесятъ человѣкъ для тріумфа своего, всѣхъ прочихъ продалъ, и разрушивъ до основанія городъ раздѣлилъ земли сосѣдямъ.

Всякаго тронетъ плачевная участь толь мужественныхъ людей, коихъ все преступленіе по видимому состояло въ томъ, что они не хотѣли быть подъ властію честолюбивой республики, воз-

намѣрившейся предписывать законы вселенной. Досада и духъ мщенія, казалось, заставили Римлянъ разрушить Нуманцію, или можетъ быть, варварскою политикою хотѣли они показать, что всякой городъ, или народъ, которой будетъ имъ упорно сопротивляться, долженъ ожидать неизбѣжнаго и совершеннаго разрушенія.

ИЗОБРАЖЕНІЕ СЦИПІОНА ВТОРАГО АФРИКАНСКАГО.

Сципіонъ, разрушитель Карѳагены, былъ сынъ славнаго Павла Эмилія, которой побѣдилъ Персея, послѣдняго царя Македонскаго; сынъ Сципіона великаго Африканскаго усыновилъ его и прозвалъ Эмиліаномъ. Онъ поддержалъ славу свою всѣми великими качествами, кои могутъ возвеличить судію и воина. Во всю жизнь его не примѣтили въ немъ ничего инаго, кромѣ похвальныхъ дѣяній, сладкихъ раз-

говоровъ и нѣжныхъ чувствованій. Особенно онъ отличился чрезвычайнымъ уваженіемъ къ ученымъ, превосходнымъ вкусомъ въ изящныхъ наукахъ и во всякомъ родѣ знаній. Никто лучше его не умѣлъ располагать временемъ, ниже пользоваться досугомъ. Распредѣливъ часы для оружія и книгъ, для трудовъ военныхъ въ полѣ и для безмолвныхъ занятій въ кабинетѣ, или пріучалъ тѣло свое къ усталостямъ воинскимъ, или обогащалъ умъ свой науками; и тѣмъ показалъ, что изящныя знанія болѣе всего могутъ усовершенствовать человѣка, въ какомъ бы онъ званіи ни былъ.

Упражненія въ охотѣ, въ которой находилъ онъ чрезвычайное удовольствіе, весьма много укрѣпили тѣло его и сдѣлали способнымъ къ перенесенію жестокихъ трудностей Но онъ тѣмъ вящшую заслужилъ похвалу, что всегда имѣлъ сильное отвращеніе отъ распутствъ, царствовавшихъ тогда между молодыми людьми въ Римѣ. Онъ былъ вознагражденъ въ полной мѣрѣ за добровольное лише-

ніе себя удовольствій, ибо наслаждался во всю свою жизнь крѣпкимъ и сильнымъ здоровьемъ.

Попеченія Корнеліи о воспитаніи дѣтей своихъ, Гракховъ.

Корнелія, дочь великаго Сципіона побѣдителя Аннибала, оставшись по смерти мужа своего съ двенадцатью дѣтьми, управляла домомъ своимъ съ благоразуміемъ и скромностію. Во время вдовства своего она лишилась почти всѣхъ своихъ дѣтей; у ней остались только одна дочь Семпронія, которую она отдала за мужъ за втораго Сципіона Африканскаго, и два сына Тиверій и Кайй, коихъ воспитала съ такимъ раченіемъ, что они получивъ отъ рожденія превосходныя дарованія и отличныя способности, болѣе обязаны воспитанію, нежели природѣ. Извѣстенъ

благородный отвѣтъ ея одной Кампанійской женщинѣ весьма богатой, а болѣе тщеславной, которая во время своего посѣщенія, разклавъ предъ Корнеліею свои алмазы и драгоцѣнныя вещи, просила настоятельно, чтобъ и она показала ей свои. Корнелія искуснымъ образомъ завела разговоръ о другомъ, дожидаясь возвращенія сыновъ своихъ, ходившихъ въ публичную школу. Какъ скоро они вошли въ комнату своей матери, то Корнелія, указывая на нихъ, сказала женщинѣ Кампанійской: « *вотъ мои драгоцѣнности.* »

Гракхи много отличались отъ молодыхъ Римлянъ тогдашняго времени даромъ краснорѣчія, и примѣтно было, что они тѣмъ обязаны особеннымъ стараніямъ Корнеліи, своей матери, которая держала при нихъ самыхъ лучшихъ учителей, бывшихъ тогда въ Римѣ, дабы научить ихъ Греческому языку, изящнымъ наукамъ и всѣмъ извѣстнымъ тогда знаніямъ. Сама она очень чисто говоря на своемъ природномъ языкѣ, старалась не

столько къ образованію ихъ тѣла, сколько къ образованію ихъ слога. Цицеронъ и Квинтиліанъ съ похвалою упоминаютъ объ ихъ письмахъ.

ПОХВАЛА СЦИПІОНУ ВТОРОМУ АФРИКАНСКОМУ.

Сципіонъ вторый Африканскій, который несчастливо умеръ за сопротивленіе заговору Гракховъ, можетъ быть почтенъ самымъ совершеннымъ героемъ Римскимъ. Будучи простымъ воиномъ и полководцемъ, подчиненнымъ и военачальникомъ, онъ равно отличалъ себя въ военное время. Къ неустрашимому мужеству, къ великимъ предпріятіямъ присоединялъ онъ твердость въ соблюденіи дисциплины, которая болѣе споспѣшествовала его побѣдамъ, нежели самая сила оружія. Онъ, не обнажая меча, умѣлъ сражаться и побѣждать.

Въ управленіи гражданскими дѣлами онъ показалъ себя толь же великимъ. Движимый любовію къ отечеству, приверженный ко благу общему, онъ предпочиталъ сему всѣ другія побудительныя причины. Онъ оправдалъ это высшими понятіями, постоянствомъ, величіемъ души и презрѣніемъ всякихъ опасностей; и за все сіе получилъ смерть.

Чтожъ сказать о его домашнемъ и частномъ поведеніи? какое великодушіе, какое благородство чувствованій! какая простота въ соединеніи съ возвышеніемъ щастія и генія! онъ былъ щедръ и благотворителенъ, былъ добрымъ сыномъ, попечительнымъ отцемъ, вѣрнымъ другомъ, былъ ласковъ безъ слабости, и твердъ безъ строгости.

Сципіонъ любилъ науки; и родясь съ великою душею и непоколебимымъ духомъ, получилъ отъ нихъ великую пользу. Онъ искалъ въ нихъ не столько пріятнаго, сколько полезнаго; не столько служащаго для украшенія ума, сколько для улучшенія нравовъ. Чувствуя, сколь

былъ обязанъ наукамъ, онъ имѣлъ истинную къ нимъ приверженность, и посвятивъ себя онымъ съ юности, всегда сохранялъ къ нимъ любовь свою, даже во времена величайшихъ занятій.

Къ симъ неоцѣненнымъ выгодамъ, которыя онъ получилъ отъ познанія изящныхъ наукъ, должно присовокупить, что посредствомъ ихъ онъ пріобрѣлъ даръ краснорѣчія, столь необходимой въ Республикѣ, въ которой общественныя дѣла рѣшались совокупнымъ совѣщаніемъ Сената и народа. Цицеронъ столько же уважалъ краснорѣчіе его, сколько краснорѣчіе Лелія, и изображаетъ его чертами совершенно приличными великому человѣку; онъ приписываетъ ему величіе, важность и силу мыслей, благородство и возвышенность чувствованій.

И такъ Сципіонъ одинъ вмѣщалъ въ себѣ всѣ качества воина и гражданина, добродѣтельнаго и любезнаго. Удивительно то, что исторія не находитъ въ толь прекрасной жизни его никакого недостатка; она хвалитъ его безъ исключе-

нія; и все его поведеніе не представляетъ ничего такого, чтобы требовало защиты.

Какой прекрасный образецъ для занимающихъ первыя мѣста военныя или гражданскія въ государствѣ. Они не могутъ сказать, что ученіе и упражненіе въ наукахъ не сопряжено съ ихъ должностями. Сіе предложеніе, служащее только извиненіемъ невѣжеству, лѣности и расточительности, опровергнуто безчисленнымъ множествомъ примѣровъ, а наипаче примѣромъ Сципіона. Коль стыдно будетъ нынѣ молодому человѣку вступить въ знатную должность безъ знанія словесности древней, и отечественной! Ежели со всѣхъ сторонъ мы видимъ восходившихъ на возвышенныя мѣста людей отличныхъ своимъ просвѣщеніемъ, если царская власть принимаетъ только въ общественныя должности подданныхъ просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ; то нынѣшнему юношеству необходимо употреблять всѣ старанія на пріобрѣтеніе изящныхъ и полезныхъ знаній, которыя обратятъ на него вниманіе и уваженіе Правительства.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ МАРІЯ.

Марій, толь славный своими побѣдами и изгнаніями, былъ счастливый воинъ, рожденный отъ родителей бѣдныхъ и неизвѣстныхъ. Мѣстомъ его рожденія была одна деревня, зависящая отъ города Арпины. Родители воспитали его соотвѣтственно своему состоянію. Они доставали себѣ пищу трудами своими, и самъ онъ въ первыя лѣта своей юности обработывалъ землю какъ поденщикъ. Онъ заключалъ въ себѣ всё хорошее и всё дурное, что получить можно отъ деревенскаго воспитанія. Онъ всегда былъ грубъ, но трезвъ, строгъ, трудолюбивъ и заботливъ; онъ презиралъ богатства и удовольствія, и искалъ единственно славы. Онъ забывалъ законы правоты, искренности и признательности, когда дѣло касалось до его состоянія, или исполненія его предпріятій. Въ немъ

шолько была одна сшрасшь, досшигнушь высочайшей сшепени, и для сего онъ всѣмъ жершвовалъ. Онъ въ первой разъ былъ на сраженіи при осадѣ Нуманціи подъ предводишельсшвомъ Сципіона Эмиліана. Сей великій человѣкъ, имѣвъ проницашельный взоръ и справедливое сужденіе, ошличалъ юнаго Марія ошъ прочихъ воиновъ. Сципіонъ замѣшилъ въ немъ ошважносшь и мужесшво, когда Марій при его глазахъ убилъ непріяшеля. Въ послѣдсшвіи онъ привязалъ его къ себѣ похвалами и награжденіемъ почесшями. Увѣряюшъ шакже, чшо однажды во время ужина спросилъ нѣкшо сего полководца, кшо по смершн засшупишъ мѣсшо его, шогда онъ сказалъ, шрепля по плечу Марія: *можешъ бышь онъ.* Сіе слово Сципіоново приняшо было Маріемъ вмѣсшо оракула, и возродило въ немъ смѣлосшь всшупишь на поприще почесшей.

Онъ сперва былъ военнымъ шрибуномъ, пошомъ народнымъ въ 633 году ошъ основанія Рима. Саллюсшій говоришъ

что во всѣхъ низшихъ чинахъ велъ онъ себя такъ, что показывалъ достойнымъ высшихъ. Сіе доказалъ онъ наипаче во время своего трибунства, въ теченіи котораго обнаружилъ важность, твердость и надмѣнность выше настоящаго состоянія своего и имущества. Послѣ трибунства онъ домогался сперва въ курульные Едили, потомъ въ народные; но ему было отказано. Наконецъ онъ принятъ въ число преторовъ, и названъ послѣднимъ изъ шести избранныхъ преторовъ. Въ слѣдующемъ году послали его въ Испанію для преслѣдованія нѣкоторыхъ разбойниковъ. Спустя нѣсколько лѣтъ Метеллъ сдѣлалъ его своимъ помощникомъ во время войны Нумидійской. Это было началомъ его величія. Въ сей должности онъ заслужилъ всеобщее уваженіе и удивленіе. Его честолюбію недоставало только консульства и главнаго начальства надъ Африканскимъ войскомъ; обожавшій его народъ наградилъ его и тѣмъ и другимъ.

РОЖДЕНІЕ И ХАРАКТЕРЪ СУЛЛЫ.

Сулла, сей знаменитый соперникъ Марія, который наполнилъ Римъ кровію и убійствомъ, и послѣ такихъ жестокостей, отказавшись отъ Диктаторства, жилъ и умеръ спокойно, былъ изъ дому Корнеліевъ, обильнаго великими людьми, и почестьми Республики. Отъ отца своего получилъ онъ въ наслѣдство весьма малое имущество и провелъ молодость свою въ бѣдномъ состояніи; но ежели счастіе худо наградило его имуществомъ, то природа одарила его геніемъ для пріобрѣтенія славы.

Онъ съ прилежаніемъ изучился Греческой и Латинской словесности, и совершенное имѣлъ объ ней понятіе; былъ человѣкъ великаго духа, любилъ удовольствіе, но славу еще болѣе. Въ свободное время предавался увеселеніямъ и забавамъ; однакожъ такъ, что дѣла

у него текли безостановочно. Онъ былъ краснорѣчивъ, привлекателенъ, снисходителенъ, крайне скрытенъ и умѣлъ искусно притворяться; любилъ дарить и щедрость всякаго рода ему была прiятна, особливо деньги раздавалъ онъ съ излишествомъ. Всегда былъ счастливъ, и даже можетъ почесться счастливѣйшимъ изъ смертныхъ до самой побѣды, которая кончила междоусобную войну; но никогда заслуга не была ниже его счастiя, и современники его не могли рѣшить, какого онъ достоинъ имени: *храбраго* или *счастливаго*. Но послѣ сей эпохи, пагубной для его добродѣтели, онъ совершенно перемѣнился; и никогда можетъ быть ядовитое счастiе не производило сильнѣйшихъ дѣйствiй.

РОСКОШЬ ОРАТОРА КРАССА.

Въ то время, какъ славный ораторъ Крассъ былъ Ценсоромъ, товарищъ его Домицій упрекалъ его въ томъ, что онъ имѣлъ въ Римѣ великолѣпнѣйшій домъ; болѣе же охуждалъ шесть деревъ, распростиравшихъ на оный густую тѣнь. Надобно думать, что тѣнь въ Римѣ была весьма дорога, или деньги были очень дешевы, потому что Домицій полагалъ цѣну симъ деревамъ въ тридцать милліоновъ сестерцій, то есть, въ пять сотъ тысячь рублей на наши деньги. Домъ Красса также былъ украшенъ шестью прекраснѣйшими мраморными колоннами, которыя могли почитаться предосудительною роскошью для частнаго дома въ такое время, когда мраморными колоннами не украшали публичныхъ зданій.

Все прочее было у него въ такомъ же вкусѣ. Наипаче привлекалъ вниманіе бу-

фетъ, убранной серебряною посудою дорогой цѣны. Въ особенности онъ имѣлъ два стакана работы славнаго художника Ментора, которые были inакъ драгоцѣнны, что самъ владѣтель не смѣлъ пить изъ оныхъ.

Макровій повѣствуетъ о семъ Крассѣ, что когда угорь, котораго онъ кормилъ въ своемъ садкѣ, умеръ; то онъ имѣлъ слабость носить по немъ трауръ. Изъ сего примѣра видно, сколь далеко простиралась въ Римѣ роскошь, и сколь далеко нравы удалились отъ прежней простоты. Чтобы сказалъ Катонъ, если бы онъ былъ современникомъ Красса? Съ какою твердостію началъ бы обвинять его въ Сенатѣ и предъ народомъ?...— а упреки Домицiя не произвели никакого дѣйствiя.

НАЧАЛО И УЖАСНЫЯ СЛѢДСТВІЯ НЕНАВИСТИ МЕЖДУ МАРІЕМЪ И СУЛЛОЮ.

(664 годъ отъ основанія Рима.)

Въ консульство Суллы вражда между имъ и Маріемъ усилилась до чрезвычайной степени. Едва было не дошло дѣло до битвы за подарокъ, присланный Бокхомъ, Царемъ Мавританскимъ, народу Римскому. Онъ состоялъ въ побѣдоносныхъ статуяхъ, трофеяхъ, сопровождаемыхъ золотою группою, которая изображала Югурту, выданнаго Суллѣ Бокхомъ. Сіи статуи были поставлены въ Капитоліи, отъ чего возродилась въ Маріѣ зависть. Ему хотѣлось снять статуи съ мѣстъ своихъ, а Сулла тому воспротивился.

Уже друзья того и другаго собрались къ своимъ начальникамъ, и готовы были вступить въ бой; но вдругъ союзниками

объявлена была война (*), которая принудила ихъ соединиться противъ общихъ враговъ. Сей пламень, не совсѣмъ еще погашенный, снова возгорѣлся, какъ скоро опасность миновалась. Новый предмѣтъ возбудилъ жадность въ двухъ начальникахъ противныхъ сторонъ, то есть: кому принять главное начальство въ войнѣ противъ славнаго Митридата. Сулла былъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и оказалъ великія услуги во время войны противъ союзниковъ, и будучи Консуломъ, былъ вождемъ Римскаго войска. Марій имѣлъ отъ роду около семидесяти лѣтъ, былъ тяжелъ и толстъ; изнуренный недугами старости онъ отрекся за нѣсколько времени предъ симъ отъ предстоявшей войны, коея трудностей не могъ перенесть. Желаніе Суллы во всемъ было сообразно съ раз-

---

(*) Сію войну называли союзною, потому что она происходила между Римлянами и союзными народами Италійскими за Римское право гражданства, котораго они домогались, а Сенатъ отказалъ имъ.

судкомъ. Марій имѣлъ побужденіемъ своимъ только честолюбіе и жадность.

Не взирая на домогательства Марія, Сулла получилъ отъ Сената начальство надъ войскомъ, назначеннымъ на войну противъ Митридата, съ такимъ повелѣніемъ, чтобъ ему отправиться тогда, когда покоритъ нѣкоторые отряды Самнитянъ, находившихся еще въ городѣ Нолѣ и его окрестностяхъ. Онъ уже прибылъ къ своему войску и помышлялъ выгнать сей остатокъ мятежниковъ; какъ вдругъ получилъ извѣстіе о возмущеніяхъ, произведенныхъ въ Римѣ Маріемъ и трибуномъ Сульпиціемъ противъ его товарища, слѣдовательно и противъ него самаго. И такъ онъ принужденъ былъ возвратиться, оставивъ однакожъ свое войско въ Кампаніи. Его возвращеніе было знакомъ къ сильнѣйшимъ возмущеніямъ. Въ то время, какъ онъ хотѣлъ обратить рѣчь свою къ народу, напалъ на него и его товарищей Сульпицій съ своими лазутчиками, и Сулла

едва успѣлъ скрыться въ домѣ Марія; послѣ чего онъ возвратился къ своему воинству въ Кампанію, и рѣшился идти противъ Рима. Въ первой разъ тогда увидѣли, что консулъ Римской ведетъ воинство противъ своего отечества. Вышедшіе къ нему на встрѣчу трибуны Марія были побиты каменьями. Впрочемъ главные чиновники, служившіе подъ начальствомъ Суллы, всѣ его оставили, будучи не въ состояніи обратить оружія противъ своихъ согражданъ. Марій и Сульпицій за смерть двоихъ трибуновъ показали свое мщеніе надъ друзьями Суллы, оставшимися въ Римѣ; но дѣла Марія отъ того не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ.

Сулла велъ съ собою шесть легіоновъ, тридцать тысячь пѣхоты, и пять тысячь конницы. Когда онъ входилъ, какъ непріятель, то и принятъ былъ отъ жителей непріязненно; ибо кромѣ воиновъ, коихъ Марій могъ собрать въ скорости, весь народъ влезши на кровли бросалъ множество каменьевъ и чере-

ницъ на войско Суллы, которое не могло подаваться впередъ. Тогда Сулла велѣлъ зажигать домы, и самъ первой взявъ факелъ подалъ примѣръ своимъ воинамъ.

Марій, не имѣвъ силъ къ сопротивленію, убѣжалъ въ Капитолію, откуда ушелъ съ Сульпиціемъ, предоставивъ побѣду Суллѣ. Сей сдѣлавшись обладателемъ города, спасъ его отъ грабежа, возстановилъ власть Сената, унизивъ власть народа, объявилъ Марія, Сульпиція и десятерыхъ сенаторовъ врагами Республики. Сульпицій скоро попался въ руки шпіоновъ измѣною слуги. Голова его принесена была въ Римъ, и выставлена на возвышенномъ мѣстѣ.

Таковы были начала тѣхъ кровопролитныхъ сценъ, которыя наносятъ стыдъ исторіи Римской до конца Республики. Легко было предвидѣть, что сіи безпрерывныя ссоры между Сенатомъ и народомъ, между трибунами и консулами, должны были кончиться междоусобіемъ, когда явились два честолюбивые началь-

ника, завистливые и непріязненные одинъ къ другому, соединяющіе съ высокими талантами блескъ важныхъ побѣдъ. И такъ наступаетъ минута, въ которую сей гордый Римъ, раздирая свою внутренность собственными руками, за униженіе свое и нещастія обращаетъ мщеніе на побѣжденныхъ народовъ! Всякой удивится здѣсь могуществу и правосудію Божескому, наказующему рано или поздо цѣлыя царства за ихъ беззаконія. Какіе разительные уроки даетъ намъ Божество, когда попустивъ народу сдѣлаться обладателемъ свѣта, предаетъ потомъ его собственнымъ неистовствамъ, и не возбраняетъ обращать противъ самаго себя тѣ самыя стрѣлы, кои онъ употреблялъ на покореніе государствъ!

БѢГСТВО МАРІЯ.

По выходѣ изъ Рима всѣ сопровождавшіе Марія разошлись по разнымъ мѣстамъ, и онъ съ сыномъ своимъ удалился въ деревню, близь Ламедія. Онъ имѣлъ намѣреніе пробраться къ морю и выѣхать изъ Италіи, потому что ему не льзя было долго скрываться въ своемъ убѣжищѣ, не бывъ узнаннымъ. Онъ пришелъ въ Остію. Тамъ нашелъ корабль, приготовленной однимъ изъ его друзей и вошелъ въ него съ зятемъ своимъ Граніемъ. Сперва плыли они вдоль берега при весьма благополучномъ вѣтрѣ; но вскорѣ поднялась буря, море взволновалось, и мореходцы не имѣвъ возможности болѣе плыть, принуждены были выдти на берегъ съ своими спутниками. Не знали, какія принять мѣры, и въ какую сторону идти. Ничто имъ не благопріятствовало; на сушѣ боялись быть пойманы; на морѣ свирѣпствовала буря.

встрѣтиться съ человѣкомъ было для нихъ опасно; не встрѣчаться ни съ кѣмъ значило имѣть недостатокъ въ нужнѣйшемъ, ибо у нихъ не было съѣстныхъ припасовъ, и уже начинали чувствовать голодъ. Въ сей крайности увидѣвъ пастуховъ, они просили какого нибудь себѣ вспоможенія; но сіи бѣдные люди имъ не могли ничего дать. Однакожъ узнавъ Марія, совѣтовали ему немедленно спасать себя, потому что недавно видѣли проѣхавшихъ всадниковъ, искавшихъ его. И такъ онъ своротилъ съ большой дороги и пошелъ въ дремучій лѣсъ, гдѣ провелъ ночь весьма безпокойно. Въ такомъ несчастномъ положеніи онъ еще бесѣдовалъ съ товарищами своими о седьмомъ консульствѣ, котораго всегда надѣялся достигнуть.

Между тѣмъ, какъ они скитались по берегу моря, въ небольшомъ разстояніи отъ Минтурны, города лежавшаго близь залива Лирискаго, примѣтили отрядъ всадниковъ къ нимъ ѣхавшихъ. Въ ту же самую минуту плыли два купеческіе ко-

рабля, что представлялось имъ единственнымъ средствомъ ко спасенію въ толь великой опасности. Надобно было поспѣшить къ морю. Они бросились въ воду и старались вплавь достигнуть кораблей. Марій былъ старъ и тяжелъ; двое слугъ съ трудомъ могли его вынести на корабль, какъ въ продолженіи сего времяни прочіе на другомъ кораблѣ уже прибыли въ Энарію.

Всадники пріѣхавъ на берегъ, кричали матросамъ выдать Марія, или бросить его въ море. Марій со слезами просилъ помилованія у начальниковъ корабля, которые, подумавъ нѣсколько времени, отвѣчали всадникамъ, что не отдадутъ Марія. Онъ почиталъ себя въ безопасности; но великодушіе спасшихъ ему жизнь не долго продолжалось. Страхъ овладѣлъ ими. Приставъ къ землѣ, они предложили ему сойти съ корабля и успокоиться нѣсколько минутъ на берегу. Марій, который ничего не могъ предвидѣть, согласился на это. Отнесли его на берегъ, положили на траву,

и во время его отдохновенія, когда онъ ни о чемъ не думалъ, какъ только объ угрожавшемъ ему несчастіи, увидѣлъ вдругъ, что поднятъ былъ якорь и корабль отплылъ отъ берега.

Въ какомъ тогда находился онъ огорченіи, когда остался на берегу одинъ безъ помощи, безъ защиты, безъ призрѣнія? однакожъ онъ не пришелъ въ отчаяніе, всталъ, и такъ какъ Лирисъ въ семъ мѣстѣ составлялъ заливъ, онъ переходилъ съ невѣроятною усталостію чрезъ рвы, наполненные водою, чрезъ трясину, и наконецъ достигъ хижины бѣднаго дровосѣка. Онъ упалъ ему въ ноги и заклиналъ его спасти человѣка, который ежели избѣгнетъ опасности, то вознаградитъ его сверхъ чаянія. Дровосѣкъ отвѣчалъ ему: ежели онъ имѣетъ только нужду въ отдохновеніи, то можетъ найти оное въ его хижинѣ; но если укрывается отъ преслѣдователей, то онъ покажетъ ему безопаснѣйшее убѣжище. Марій согласился на сіе послѣднее предложеніе; дровосѣкъ повелъ его къ болоту

въ яму, въ которой и закрылъ его листьями, тростникомъ и прутьями. Ему недоставало времени долго размышлять о своемъ положеніи, ибо скоро услышалъ онъ великой шумъ, происходившій у хижины. Всадники встрѣтясь съ дровосѣкомъ, спрашивали его, и угрожали ему за то, что онъ скрылъ общественнаго врага, осужденнаго на смерть Сенатомъ Римскимъ. Марій не имѣлъ никакихъ средствъ. Онъ вышелъ изъ своего убѣжища, раздѣлся, и бросился въ мутную и тинистую воду; но и тутъ не могъ спастися. Преслѣдователи тотчасъ подбѣжали къ нему, и, вытащивъ его изъ воды нагаго въ грязи, накинули ему на шею веревку, и немедленно отвели въ Минтурны, гдѣ представили его въ судъ. Судьи до разсмотрѣнія дѣла сего, отдали его въ домъ одной женщины, которая не взирая ни на что, старалась утѣшать и ободрять его.

Не долго разбирали дѣло его; судьи рѣшились повиноваться даннымъ имъ повелѣніямъ; но не сыскалось ни одного

гражданина, который бы хотѣлъ исполнить толь жестокое приказаніе. Чужеземецъ, родомъ Галлъ, или Кимвръ, присланный убить Марія, вошелъ въ его комнату съ обнаженнымъ мечемъ. Постеля, на которой отдыхалъ сей великой человѣкъ, поставлена была въ темномъ углу. Увидѣвъ палача Марій бросилъ на него сверкающій взоръ и вскричалъ ему ужаснымъ голосомъ: *нещастный! ты ли осмѣливаешся убить Марія!* слова сіи поразили какъ громовымъ ударомъ воина; онъ убѣжалъ и кинувъ мечь свой, сказалъ: *не могу убить Марія!*

Сей примѣръ не только удивилъ, но привелъ въ жалость жителей Митурны. Они сожалѣли, что менѣе имѣли чувствительности, нежели сей палачь, толпою вошли въ домъ, въ которомъ находился Марій, повели его къ морю, и посадили на корабль, для него приготовленный. По претерпѣніи нѣкоторыхъ опасностей, онъ приплылъ въ Африку, въ которой сынъ его былъ

облагодѣтельствованъ Гіемпсаломъ, царемъ Нумидійскимъ.

Какъ скоро Марій сошелъ съ корабля, то увидѣлъ чиновника, шедшаго къ нему отъ провинціальнаго претора, который сказалъ грознымъ голосомъ, что преторъ запретилъ ему вступать въ предѣлы Карѳагенскіе. Удивленіе, негодованіе и горесть привели Марія въ такое смущеніе, что онъ долгое время не могши произнести ни одного слова, пристально смотрѣлъ на пришедшаго къ нему съ такою вѣстію. Наконецъ чиновникъ принудилъ Марія дать слѣдующій отвѣтъ Претору: *поди*, сказалъ онъ ему, *извѣсти пославшаго тебя, что ты видѣлъ Марія среди развалинъ Карѳагенскихъ*. Сей отвѣтъ былъ важнымъ урокомъ въ непостоянствѣ дѣлъ человѣческихъ, ибо онъ свидѣтельствовалъ о разрушеніи одного изъ сильнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, и о низверженіи перваго изъ Римлянъ. Исторія никогда, можетъ быть, не представляла примѣра толь высокаго, и толь

печальнаго, какой являютъ дымящіяся развалины соперника Рима, служившаго убѣжищемъ сему великому Марію, который поразилъ безчисленныя войска Кимвровъ и шесть разъ былъ удостоенъ Консульской Тоги.

ВОЗВРАЩЕНІЕ МАРІЯ ВЪ ИТАЛІЮ. ССЫЛКИ. СМЕРТЬ ЕГО.

Спустя нѣсколько времени по прибытіи Марія въ Африку, Консулъ Цинна тайный его сообщникъ, который бывъ лишенъ Консульства пронырствами своихъ враговъ, удалился въ Кампанійское войско, склонилъ его на свою сторону, вызвалъ сего славнаго изгнанника и отдалъ ему начальство надъ симъ войскомъ въ качествѣ Проконсула. Они не замедлили послѣдовать примѣру Силлы, приказавъ идти своимъ полкамъ къ Риму, въ который вошли безъ всякаго почти сопротивленія. Тогда сто-

лица міра предана была всѣмъ ужасамъ войны. Вороты были заперты, чтобы никто не могъ спастись бѣгствомъ, и подъ видомъ отыскиванія враговъ Марія, воины разсѣялись по всѣмъ мѣстамъ, Полчища невольниковъ, освобожденныхъ Маріемъ и составлявшихъ его гвардію, производили ужасныя неистовства. Величайшее множество гражданъ преданы смерти, женщины поруганію, домы грабежу. Всякой богачь почитался врагомъ Марія. Однимъ словомъ, съ Римомъ поступлено было какъ съ городомъ, взятымъ приступомъ. Побѣдители, жаждавшіе крови и мщенія, кромѣ знаменитыхъ гражданъ, преданныхъ смерти, учинили ужасное кровопролитіе надъ людьми низшаго званія.

Одно слово, одинъ знакъ, поданный Маріемъ, стоилъ жизни тѣмъ, кои находились предъ нимъ, такъ, что наконецъ Сенаторъ Анхарій подошедъ къ нему и не получивъ отвѣта на свое привѣтствіе, былъ немедленно умерщвленъ. Всѣ, которые приходили поздравлять

Марія, и которыхъ онъ не благодарилъ, были убиваемы невольниками, въ его гвардіи служившими, такъ что самые друзья приближались къ нему съ трепетомъ. Онъ не удовольствовался толикимъ кровопролитіемъ. Товарищъ его Цинна, утомясь убійствомъ, возвратился; но Марій не щадилъ никого, если только имѣлъ на него малѣйшее подозрѣніе. Пять дней и пять ночей продолжалось въ городѣ кровопролитіе, сопровождаемое грабежемъ домовъ и беззаконными насиліями, и сіе зрѣлище сдѣлалось предметомъ ужаса. Между тѣмъ, какъ головы убитыхъ выставлены на публичныхъ мѣстахъ, тѣла были разбросаны по улицамъ, гдѣ попирали ихъ ногами; ибо запрещено было предавать оныя погребенію.

Вся Италія равнымъ образомъ чувствовала бѣшенство Марія. Большія дороги и города наполнены были его воинами, которые слѣдовали по стопамъ бѣжавшихъ или отыскивали скрывшихся. Не многіе успѣли тогда спастись. Нещастные не

находили, ни друзей, ни вѣрныхъ родственниковъ, и почти всѣмъ имъ измѣнили тѣ самые, у коихъ они искали себѣ безопаснаго убѣжища.

Единая смерть могла остановить неистовства безчеловѣчнаго старца; скоро она и его постигла. Счастливое его состоянiе не заглушало въ немъ безпокойствъ, которыя наводилъ на него страхъ возвращенiя Суллы, воевавшаго съ великимъ успѣхомъ противъ полководцевъ Митридата. Столь ужасный мститель приводилъ въ трепетъ Марiя, который даже не могъ скрывать своей боязни. Однажды послѣ ужина, разговаривая съ своими друзьями, онъ приводилъ на память всѣ приключенiя своей жизни, блистательное счастiе и страшныя злоключенiя, и присовокупилъ, что несвойственно благомыслящему человѣку, послѣ толикихъ испытанiй, снова предаваться превратностямъ счастiя.

Сiи мысли терзали его и причиняли ему несносную безсонницу. Онъ выду-

малъ средство, которое не сообразно было ни съ достоинствомъ консульства, полученнаго имъ въ седьмой разъ, ни съ его лѣтами; онъ началъ употреблять излишнія яствы, и проводилъ ночь въ пьянствѣ съ своими друзьями. Отъ сихъ излишествъ кровь у него разгорячилась до чрезвычайности. Онъ впалъ въ сильную горячку, и въ сумасшествіи своемъ твердилъ только о войнѣ съ Митридатомъ. Безчеловѣчный Марій умеръ отъ сей болѣзни 13го Генваря 666 года отъ основанія Рима.

ЮНОСТЬ И ХАРАКТЕРЪ ПОМПЕЯ.

Помпей по великимъ своимъ качествамъ заслужилъ отъ Римлянъ общее уваженіе въ такое время, когда Республика потрясаема была заговорами Марія и Суллы. Онъ былъ благоразуменъ и скроменъ, искусенъ въ воинской наукѣ, одаренъ отъ природы привлекательнымъ краснорѣчіемъ, имѣлъ харак-

теръ твердой, обращеніе ласковое и свободное; со всякимъ говорилъ учтиво, и за заслугу благодарилъ наилучшимъ образомъ, умѣлъ давать безъ пышности и получать съ важностію. Физіономія его была пріятна и величественна. Его живой и совершенно любезный видъ показывалъ благородныя и высокія чувствованія. Каждое движеніе, каждый взглядъ его были прелестны; въ немъ находили сходство съ статуею Александра, и дали ему имя сего великаго завоевателя; чѣмъ онъ былъ весьма доволенъ.

КАЗНИ И УБІЙСТВА, СОВЕРШЕННЫЯ СУЛЛОЮ.

(670 года отъ основанія Рима).

Сулла заключивъ миръ съ Митридатомъ, надъ которымъ онъ одержалъ многія побѣды, возвратился въ Италію, гдѣ нашелъ Римскія и союзныя войска,

расположенныя для прегражденія ему входа въ городъ. Онъ выигралъ надъ ними многія сраженія. Послѣдняя побѣда его была надъ Самнитами, почти у воротъ Рима, въ которыя входилъ онъ за нѣсколько дней прежде. Сія побѣда, уничтожившая всѣхъ враговъ его, произвела въ нравахъ его совершенную перемѣну, и вдохнула въ него склонность къ поноснѣйшимъ и гнуснѣйшимъ жестокостямъ. Первый поступокъ, которымъ онъ ознаменовалъ свое мщеніе, состоялъ въ убійствѣ отъ шести до семи тысячь плѣнныхъ, здавшихся ему на честное слово. Всѣхъ оставшихся послѣ Марія воиновъ Сулла преслѣдовалъ съ жестокосердіемъ. Сверхъ того тѣ, которые имѣли какое нибудь довѣріе, отрекались отъ своей власти и своихъ мнѣній, отъ частныхъ враговъ своихъ или даже отъ тѣхъ, коихъ имѣніемъ желали завладѣть. Среди толикихъ ужасовъ нѣкоторые изъ Сенаторовъ въ полномъ собраніи спросили Суллу, какой будетъ конецъ симъ злоключеніямъ, и

желали, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, обнаружилъ осужденныхъ на казнь. Это то я и сдѣлаю, отвѣчалъ онъ имъ. Такимъ образомъ начались сіи ужасныя казни, которыя насъ приводятъ нынѣ еще въ трепетъ по прошествіи столь многихъ вѣковъ.

На другой день Сулла, не посовѣтовавшись ни съ однимъ чиновникомъ, велѣлъ прибить въ публичномъ мѣстѣ реэстръ, составленной изъ восмидесяти именъ, въ заглавіи коихъ были два консула, Карбонъ, и сынъ великаго Марія, потомъ Сципіонъ и Нарбанъ, отправлявшіе должность Консуловъ въ предыдущемъ году, послѣ Серторій, и наконецъ тѣ, которые болѣе замѣчены были между врагами побѣдителя. Въ слѣдующій день новый реэстръ составленъ былъ изъ двухъ сотъ двадцати именъ, и въ третій изъ равнагожъ числа. Сулла обратйвъ рѣчь свою къ народу о семъ предметѣ, сказалъ, что онъ тѣхъ осудилъ на смерть, коихъ вспомнилъ, и ежели имена другихъ при-

дупъ ему на память, то онъ и ихъ осудитъ также; притомъ присовокупилъ, что никому не проститъ изъ враговъ своихъ, и поступитъ съ крайнею строгостію со всѣми тѣми, которые оказали услугу противной сторонѣ, какимъ бы то ни было образомъ.

Видно, сколь велико должно быть число осужденныхъ. Ихъ отыскивали въ Римѣ и во всей Италіи. Вмѣнялось въ преступленіе носить оружіе служившимъ при прежнихъ консулахъ, платить подати, помогать совѣтами, съѣстными припасами или деньгами. Связи дружества или гостепріимства, сообщеніе въ дѣлахъ достаточны были къ осужденію. Послѣ сего легко понять, что число виновныхъ простиралось до четырехъ тысячь семи сотъ человѣкъ, изъ коихъ двѣ тысячи было Сенаторовъ и всадниковъ.

Указъ объ изгнаніи сострадание и человѣколюбіе вмѣнялъ въ преступленіе и смертную казнь опредѣлялъ всякому, кто приметъ изгнанника, не исключая

ни брата, ни отца, ни сына. Напротивъ, обѣщано было убійцамъ два таланта въ награду за убійство, даже когда слуга убьетъ своего господина, или сынъ своего отца.

Осужденіе на смерть было не въ одномъ Римѣ; оно распространилось по всѣмъ городамъ Италіи. Не было убѣжища ни въ храмахъ, ни въ хижинахъ, ни въ отеческихъ домахъ. Мужья умерщвляемы были въ объятіяхъ женъ своихъ, а дѣти въ объятіяхъ матерей своихъ. Число принесенныхъ на жертву мщенію не равнялось съ числомъ изгнанныхъ по причинѣ ихъ богатства. Часто самые убійцы говорили, что такой-то подвергся осужденію за прекрасной домъ, другой за обширные сады, третій за великолѣпныя бани.

Послѣ толикаго кровопролитія, Сулла принялъ титулъ *счастливаго*, хотя не было и тѣни счастія въ такихъ безчеловѣчныхъ жестокостяхъ. Напротивъ того, какое должно быть угрызеніе совѣсти и безпокойство сердца,

толь зверскаго и толь злодейскаго! Онъ хотелъ назваться счастливымъ; но разсудокъ и внутреннее убежденіе, предназначенное намъ отъ невидимаго правосудія, заставляютъ насъ верить, что человекъ сделавшись виновнее, делается несчастнее. И какое было бы различіе между добродетелію и порокомъ, ежели бы порокъ могъ также съ упованіемъ желать счастія, которое состоитъ въ спокойствіи сердца и совести? Въ оправданіе Небеснаго провиденія, надобно было, чтобъ душа толь кровожаждущаго злодея предана была страшнымъ мученіямъ. Сія самая хитрость назвать себя *счастливымъ*, служитъ сильнейшимъ доказательствомъ, что онъ хотелъ себя обнаружить совсемъ въ другомъ виде.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЦИЦЕРОНА.

(671 года отъ основанія Рима).

Цицеронъ родился 13 Генваря 646 года отъ основанія Рима въ Арпинѣ, городѣ зависящемъ отъ Вольсковъ. Онъ происходилъ отъ знатной фамиліи, и предки его издавна были всадниками Римскими, изъ рода въ родъ. Наименованіе Цицерона досталось ему по одному изъ предковъ его, у коего на концѣ носа былъ знакъ, похожій на горошину. Когда вступилъ Цицеронъ на поприще почестей, то друзья его совѣтовали ему оставить сіе наименованіе, которое казалось имъ нѣсколько безчестнымъ; но онъ отвѣчалъ съ юношескою смѣлостію, что сіе наименованіе почитаетъ благороднѣе наименованія *Катула*, которое значитъ щенка.

Цицеронъ въ публичныхъ школахъ столько отличался своимъ высокимъ

дарованіемъ, что часто отцы соучениковъ его ходили въ классы, дабы увидѣть сіе возникающее чудо, коему приписывали толь удивительныя похвалы: Тѣ, которые имѣли глупое и грубое тщеславіе, не одобряли дѣтей своихъ, что они отдавали особенную честь своему юному товарищу, ставили его выше себя, и вездѣ уступали ему первое мѣсто.

Сперва онъ прилѣпился къ поэзіи, и даже старался успѣть въ оной, но извѣстно, что лишенъ былъ сего дара. Будучи рожденъ съ геніемъ ко всему способнымъ, онъ избралъ философію, правовѣдѣніе и краснорѣчіе; сіе было цѣлію всѣхъ его изученій. Его привязанность къ философіи обратилась даже въ страсть. Онъ слѣдовалъ своей наклонности тѣмъ съ большимъ рвеніемъ, что плачевное состояніе города, раздираемаго мятежами Марія и Суллы, потомъ угнѣтаемаго тиранскою властію Карбона и Цинны, казалось навсегда истребило и законы и упражненіе въ судовѣдѣніи.

Впрочемъ онъ не теряя совершенно изъ виду своего предмѣта, прилѣпился особеннымъ образомъ къ діалектикѣ; такъ какъ и все краснорѣчіе есть ясная и пространная діалектика. Стоики особеннымъ образомъ упражнялись въ сей части философіи, и онъ взялъ себѣ въ учители философа сей секты, по имени *Деодота*, который провелъ всю жизнь свою съ нимъ, и во время владычества Цесарева, умеръ въ его домѣ.

Что касается до правовѣдѣнія, то учителями и наставниками его были два Сцеволы, одинъ прорицатель, а другой жрецъ, два величайшіе правовѣдца, и добродѣтельнѣйшіе мужи въ Республикѣ. Такимъ образомъ онъ обогащая умъ свой всѣми изящными познаніями, не забывалъ упражненій, свойственныхъ краснорѣчію, и всякой день сочинялъ что нибудь полатынѣ, а чаще погречески; онъ старался также имѣть обхожденіе со всѣми знаменитыми ораторами, и внимательно слушалъ ихъ, когда они защищали какое нибудь дѣло предъ судьями, или го-

ворили рѣчи на публичныхъ мѣстахъ предъ народнымъ собранiемъ. Сею неусыпностiю приуготовилъ онъ себя къ судопроизводству такъ, что выходилъ на каѳедру, не для того, чтобъ показать тамъ свое искусство, какъ то дѣлали другiе; но открывалъ богатые плоды ученiя, трудами прiобрѣтеннаго.

Послѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ дѣлъ имъ защищаемыхъ, въ несчастное время прибѣгнули къ нему въ дѣлѣ Росцiя, за которое ни одинъ ораторъ не хотѣлъ взяться. Онъ ходатайствовалъ по сему дѣлу во второе консульство Суллы съ великою твердостiю, хотя ему было отъ роду только двадцать семь лѣтъ.

Цицеронъ былъ чрезмѣрно худощавъ и слабаго сложенiя, шею имѣлъ весьма длинную и тонкую такъ, что крайне опасались, дабы трудолюбiе не разстроило толь нѣжнаго его здоровья, а особливо, когда онъ съ жаромъ защищалъ дѣло, тогда сильно напрягалъ голосъ, непеременяя онаго съ начала до конца. И такъ друзья его и врачи совѣтовали

ему оставить сіе убійственное занятіе. Однакожъ онъ не соглашался съ ихъ мнѣніемъ, а понималъ, что ежели бы умѣрялъ себя, то сказалъ бы только о томъ лучше; послѣ сего онъ отправился въ Азію обучаться умѣреннѣйшему и скромнѣйшему способу выраженія, и укрощать живость свою. Онъ видѣлъ всѣхъ отличнѣйшихъ философовъ и славнѣйшихъ ораторовъ того времени какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Азіи; но особеннымъ образомъ прилѣпился къ философу Аполлонію Молону, отъ коего уже онъ бралъ уроки въ Римѣ, и который былъ вмѣстѣ и великой законовѣдецъ, и великой риторъ. Сей искусный учитель оказалъ важныя услуги превосходному ученику своему. Цицеронъ предавался влеченію своего генія, и показывалъ иногда болѣе плодовитости, нежели правильности. Аполлоній научилъ его уменьшать свои восторги, сколько бы они удачны ни были, и не отступать отъ своего предмета. Такимъ образомъ, по прошествіи двухъ

лѣтъ, нашъ юный ораторъ возвратился въ Римъ не только искуснѣйшимъ въ ораторскомъ искусствѣ, но почти совершенно перемѣнившимся: тонъ голоса его сдѣлался умѣреннѣе, слогъ обработаннѣе и тѣлодвиженія скромнѣе.

Цицеронъ для усовершенствованія себя въ сей послѣдней части подружился съ славнымъ актёромъ Росціемъ, который зналъ совершенно свое искусство.

Удивительное природное дарованіе, стараніемъ обработанное, доставило Цицерону такую славу, которая помрачила всѣхъ ораторовъ, исключая Гортензія, долгое время спорившаго съ нимъ о первенствѣ: однако онъ скоро восторжествовалъ надъ сужденіями тѣхъ, кои, соблюдая еще остатки древняго Римскаго невѣжества, издѣвались надъ Греческими науками, и почитали его самаго за Грека, и за человѣка, образованнаго въ ихъ школахъ. Онъ своими успѣхами счастливо отмстилъ за толь несправедливое нарѣканіе.

Неусыпныя старанія, употребленныя Цицерономъ для образованія себя въ истинномъ краснорѣчіи, служатъ превосходнымъ и великимъ урокомъ для молодыхъ людей, готовящихся на служеніе государству, гдѣ имъ нужно будетъ говорить въ публичномъ собраніи. Они должны знать, что самая труднѣйшая изо всѣхъ наукъ есть наука убѣждать и умягчать сердца. Ежели ни въ какомъ искусствѣ безъ труда не льзя получить успѣховъ и славы: то тѣмъ болѣе въ краснорѣчіи, требующемъ обширныхъ познаній; они не должны щадить ни труда, ни ученія, ниже другихъ какихъ нибудь средствъ, которыя могутъ доставить имъ отличіе и почести.

СУЛЛА ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТЪ ДИКТАТОРСТВА. СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНІЕ ЕГО.

(673, 674 и 675 годъ отъ основанія Рима).

Сулла въ то самое время, когда воля сограждан, казалось, утвердила его насильственную власть, отказался непринужденно самъ собою отъ высочайшей степени, до каковой прежде него никто не достигалъ; онъ не принялъ Диктаторства. Весь народъ удивился толь неожиданному происшествію. Нынѣ даже говорятъ о томъ съ удивленіемъ. Не льзя понять того, чтобъ человѣкъ, взошедши на высочайшую степень съ великими опасностями, добровольно сложилъ съ себя всѣ почести, и не страшился безчисленнаго множества враговъ, проливъ рѣки крови въ Италіи и Римѣ, убивъ сто тысячь Римлянъ на сраженіи, и погубивъ въ ссылкѣ девяносто

Сенаторовъ, и болѣе двухъ тысячь всадниковъ, и наконецъ показавъ свое ужасное мщеніе надъ цѣлыми городами; въ однихъ разоривъ крѣпости, другіе совершенно истребивъ такъ, что онъ думалъ, что дѣлаетъ милость тѣмъ, у кого только отнималъ земли, или разрушалъ крѣпости.

Обрядъ его отказа происходилъ самымъ простѣйшимъ образомъ. Онъ пришелъ на мѣсто народныхъ собраній съ своими чиновниками и тѣлохранителями, взошелъ на каѳедру, и оттуда произнесъ предъ собравшимся народомъ, что онъ отказывается отъ Диктаторства. Онъ осмѣлился даже присовокупить, что готовъ дать отчетъ въ своемъ управленіи, кто бы только ни потребовалъ онаго. Потомъ сошелъ съ каѳедры, отпустилъ своихъ чиновниковъ и тѣлохранителей, и спокойно прохаживался съ небольшимъ числомъ друзей своихъ. Народъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ и ужасомъ, и едва могъ вѣрить своимъ глазамъ въ толь странной перемѣнѣ.

Одинъ юноша, который, при удаленіи Суллы, дозволилъ себѣ сказать ему обидныя слова, и поелику никто не хотѣлъ заставить его молчать, преслѣдовалъ его до самаго дома, осыпая упреками. Сулла, который неоднократно показывалъ ужасныя дѣйствія своего гнѣва величайшимъ людямъ и могущественнѣйшимъ городамъ, переносилъ съ совершеннымъ равнодушіемъ оскорбленія дерзкаго юноши. Однакожъ пришедши въ домъ свой, сказалъ: *этотъ молодой человѣкъ заставитъ другаго, кто займетъ мѣсто мое, впредь не отказываться отъ онаго.*

Потомъ онъ заблагоразсудилъ посвятить Геркулесу десятую часть своего имѣнія. По сему случаю сдѣлалъ праздникъ, на которомъ давалъ пиръ народу въ продолженіи нѣсколькихъ дней съ такою щедростію, что множество оставшейся пищи каждой день бросали въ Тибръ, и пили сороколѣтнее вино, сбереженное послѣ консульства Опиміева.

Не долго наслаждался Сулла спокойствіемъ, которое онъ доставилъ себѣ отреченіемъ отъ Диктаторства. Спустя послѣ того годъ, онъ умеръ. Онъ удалился въ загородной Кумскій домъ свой, и забавлялся въ праздное время невинными увеселеніями, то звѣриною охотою и рыбною ловлею, то пышными и роскошными обѣдами. Среди сихъ забавъ онъ пораженъ былъ ужасною болѣзнію, которая отъ невоздержанія со дня на день умножалась и укоренялась. Сія болѣзнь называется *вшивою*. Внутренность его испортилась, и тѣло было покрыто вшами въ такомъ обиліи, что чѣмъ болѣе очищали ихъ, тѣмъ болѣе ихъ раждалось. Его мыли, перемѣняли на немъ бѣлье; но все было безполезно. Его одежда, полотенца, коими терли его въ банѣ, самая пища его были наполнены вшами, коихъ множество и скорое размноженіе сверхъ всякаго чаянія превозмогали дѣйствіе всѣхъ старанiй, объ немъ употребляемыхъ.

На канунѣ смерти своей онъ услышалъ, что Граній судья Пуцеольской и должникъ его отсрочивалъ уплату въ ожиданіи его смерти, дабы обмануть согражданъ его. Въ сіи послѣднія минуты онъ еще не забылся, велѣлъ привести Гранія въ свою комнату, и приказалъ слугамъ своимъ удавить его. Отъ гнѣва и волненія прорвался у него внутренній нарывъ, наполненный множествомъ крови и гноя. Силы его пришли въ изнеможеніе; онъ весьма худо спалъ ночь и умеръ на другой день шестидесяти лѣтъ отъ рожденія.

Тѣло его несено было изъ дома Кумскаго, въ которомъ онъ умеръ, до Рима на одрѣ обитомъ золотомъ. Онъ обвѣшенъ былъ торжественными украшеніями. Двадцать четыре чиновника шли напередъ съ факелами и копьями. Великое множество всадниковъ и трубачей сопровождали его. Служившіе нѣкогда подъ его начальствомъ со всѣхъ сторонъ стекались отдать послѣдній долгъ своему полководцу, и по прибытіи сво-

емъ занимали по чину мѣста, шли строемъ, и составляли болѣе многочисленное полчище, нежели погребальной обрядъ. Въ день похоронъ несли болѣе двухъ тысячь вѣнковъ, подаренныхъ отъ тѣхъ городовъ и областей, въ которыхъ Сулла предводительствовалъ или велъ войну; за тѣломъ его слѣдовали легіоны, служившіе при немъ, и многіе частные люди. Соборъ жрецовъ и весталокъ окружалъ тѣло его; потомъ шли Сенаторы съ судьями, облеченные въ приличное званію ихъ одѣяніе, всадники, легіоны съ золотыми орлами; наконецъ заключалъ шествіе народъ, слѣдовавшій многочисленными толпами. Послѣ надгробной рѣчи, молодые и мощные Сенаторы подняли на плеча свои одръ и понесли его на Марсово поле, гдѣ сдѣланъ былъ костеръ. Не льзя повѣрить, какое количество ароматъ употреблено было въ семъ случаѣ. Всадники и старшіе воинскіе чиновники зажгли костеръ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ СЕРТОРІЯ.

Серторій, послѣдній полководецъ со стороны Марія, который съ великою славою продолжалъ войну въ Испаніи противъ Метелла и Помпея, былъ истинно великой человѣкъ, презиралъ роскошь и не страшился опасностей; былъ непоколебимъ въ несчастіи и умѣренъ въ счастіи. Ни одинъ полководецъ въ его время не имѣлъ подобной ему отважности въ открытыхъ сраженіяхъ, и ни одинъ не могъ равняться съ нимъ въ хитрости, въ искусствѣ, въ проворствѣ проходить дефилеи. Въ семъ родѣ онъ былъ другой Аннибалъ, и Испанцы не забывъ еще славы Карѳагенскаго полководца, назвали Серторія именемъ сего великаго человѣка. Онъ умѣлъ также управлять духомъ воиновъ, награждать щедро за храбрость, наказывать съ состраданіемъ и толь легко, сколь было можно.

Тѣлесныя качества Серторія соотвѣтствовали душевнымъ. Отъ природы онъ одаренъ былъ чрезвычайною силою и проворствомъ, кои старался поддерживать простою и умѣренною жизнію; никогда не предавался излишеству вина, даже въ самое праздное время: напротивъ пріучалъ себя, употребляя обыкновенную и въ маломъ количествѣ пищу, сносить величайшія трудности, долговременные походы, безпрестанные и неусыпные труды. Въ минуты отдохновенія онъ занимался охотою, которая также была ему полезна въ разсужденіи войны, потому что тѣмъ онъ снискивалъ совершенное познаніе о мѣстахъ.

ЮНОСТЬ ЦЕЗАРЯ.

Извѣстно, что Цезарь былъ изъ дома Юліевъ, древнѣйшаго въ Римѣ и знаменитѣйшаго; отецъ его былъ преторомъ, и умеръ скоропостижно, обуваясь по утру;

онъ оставилъ послѣ себя Цезаря шестнадцати лѣтъ. Мать его называлась Авреліею, и была женщина сколько просвѣщенная, столь же и добродѣтельная. Она великое прилагала стараніе о воспитаніи сына своего; но болѣе успѣла въ усовершенствованіи его талантовъ, нежели нрава. Цезарь на осмнадцатомъ году подвергся нѣкоторымъ опасностямъ въ диктаторство Суллы, который имѣлъ на него подозрѣніе; онъ ушелъ въ Азію, гдѣ показалъ первые воинскіе опыты подъ начальствомъ Ѳерма. Тамъ во время пребыванія своего помрачилъ онъ славу свою дружескою связью съ Никомедомъ, царемъ Виѳинскимъ, государемъ весьма испорченнаго нрава. Напослѣдокъ онъ отличился своею храбростію, и заслужилъ отъ своего полководца гражданскій вѣнокъ при взятіи Митилены. Какъ скоро онъ узналъ о смерти Суллы, то немедленно отправился въ Римъ; но въ республикѣ всё было спокойно, и онъ не могши возбудить въ ней мятежей, пошелъ тѣмъ путемъ, которымъ обыкновенно слѣдо-

вали молодые люди, стремившіеся прославить имя свое, и сдѣлалъ доносъ на Долабеллу, человѣка знаменитаго и могущественнаго, прежде бывшаго нѣсколько лѣтъ консуломъ. На двадцать первомъ году онъ предъ судомъ обвинялъ его; но Гортензій и Котта, защитники Долабеллы, одержали надъ нимъ верьхъ, сколь ни было право его дѣло.

Послѣ сей неудачи, онъ вознамѣрился ѣхать въ Родосъ, брать уроки у Аполлонія Молона, славнаго ритора, коего тонкость ума и познанія весьма были полезны для Цицерона; но на пути попался къ морскимъ разбойникамъ, грабившимъ на Средиземномъ морѣ. Цезарь, попавшись къ нимъ въ плѣнъ, велъ себя съ ними, какъ было прилично начальнику. Когда они громко говорили: то онъ заставлялъ ихъ молчать; принималъ участіе въ играхъ ихъ и упражненіяхъ; но всегда показывалъ властолюбивый видъ, и соблюдалъ предъ ними столь хорошо свое достоинство, что грозилъ имъ смертію. Морскіе разбойники довольны были сво-

бодным обращенiемъ юнаго плѣнника, и не могли думать, чтобъ угрозы его были истинны. Однакожъ Цезарь доказалъ то на самомъ дѣлѣ; ибо получивъ для выкупа своего деньги, съ свойственною ему дѣятельностiю немедленно велѣлъ отвести себя въ Милетъ; тамъ собралъ и снарядилъ небольшiя суда, находившiяся въ пристани сего города, напалъ на разбойниковъ, стоявшихъ еще на якорѣ близь острова Формакузы, и побѣдилъ ихъ; одну часть кораблей потопилъ, другую взялъ въ плѣнъ съ морскими разбойниками, посадилъ ихъ въ темницу, и частною властiю своею спустя нѣсколько дней отрубивъ имъ головы, велѣлъ тѣла повѣсить на крестахъ. Оттуда проѣхалъ въ Родосъ, гдѣ прожилъ нѣкоторое время у Аполлонiя Молона; потомъ отправился въ Азiю, и набравъ тамъ войско, выгналъ намѣстника Митридатова и утвердилъ многiе города въ союзѣ съ Римлянами. По возвращенiи своемъ въ Римъ, онъ употребилъ всѣ способы къ прiобрѣтенiю любви народной и сдѣлался другомъ народа

посредствомъ частыхъ защитительныхъ рѣчей, ласковаго и учтиваго обхожденія съ простолюдимами, великолѣпнымъ нарядомъ и пышнымъ столомъ. Враги его предузнавали, что отъ великихъ издержекъ онъ скоро придетъ въ упадокъ. Онъ дѣйствительно разорился, и не получивъ никакого преторскаго мѣста, задолжалъ уже три милліона восемь сотъ тысячь рублей на наши деньги; но при всемъ томъ, его власть такъ глубоко укоренилась, что не возможно было уничтожить ея.

Честолюбивыя намѣренія, въ умѣ его предначертанныя, обнаруживались среди удовольствій и распутства, коимъ онъ предавался. Первая должность, доставленная ему голосами народа, была военное трибунство, во время котораго онъ употребилъ всѣ свои силы, дабы возвратить народнымъ трибунамъ отнятую у нихъ власть правленіемъ Суллы. Спустя нѣсколько времени, онъ посланъ былъ квесторомъ въ Испанію. Въ сей странѣ увидѣвъ статую Александра, онъ испустилъ тяжкій вздохъ, и порицалъ самаго

себя, что еще ничего не сдѣлалъ въ такія лѣта, въ которыя царь Македонскій покорилъ большую часть вселенной. Смущаемый сими мыслями онъ прежде времени выпросилъ отставку и оставилъ Испанію.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

Сей знаменитый Римлянинъ, который одержалъ множество блистательныхъ побѣдъ надъ Митридатомъ, царемъ Понтійскимъ, и Тиграномъ, царемъ Армянскимъ, похвальными своими добродѣтелями обязанъ былъ не домашнимъ примѣрамъ. Отецъ его сдѣлавшись претопромъ въ Сициліи, осужденъ за похищеніе казны государственной; и первое отличное дѣяніе, прославившее Лукулла, было то, что онъ еще въ совершенной молодости, въ свою очередь обвинилъ Сервилія, который осудилъ отца его. Мать Лукулла, сестра Метелла Нумидійскаго,

поведенiемъ своимъ не соотвѣтствовала своему роду; и Лукуллъ потому только заслужилъ особенную похвалу, что могъ устранить себя отъ заразы порока, находившагося предъ глазами его.

Подобно многимъ великимъ людямъ своего времени, онъ соединялъ въ себѣ воинское познанiе съ познанiемъ изящныхъ наукъ. Цицеронъ превозноситъ въ сильныхъ выраженiяхъ великость генiя его, ревность къ наукамъ и обширныя его познанiя. Къ сему прилежанiю онъ присоединялъ еще и отличную память. Такимъ образомъ Лукуллъ, понимая съ легкостiю, и памятуя то, что однажды слышалъ, много украсилъ умъ свой, хотя и не упражнялся въ томъ, какъ ученый. Не имѣя краснорѣчiя, свойственнаго для общественныхъ дѣлъ, онъ былъ способенъ хорошо говорить и писать на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ. Сулла, который умѣлъ о томъ судить, оказывалъ столь великое уваженiе его достоинствамъ, что ввѣрилъ ему свои записки, дабы проходя чрезъ его руки, они получили лучшiй

видъ, нежели каковой онъ самъ могъ бы дать онымъ. Лукуллъ также сочинилъ на Греческомъ языкѣ военную исторію. Сіе сочиненіе было плодомъ заклада, въ которой желательно, чтобы вступали и наши молодые воины. Еще въ юности, разговаривая въ шутку съ ораторомъ Гортензіемъ и историкомъ Сизенною, обязался онъ написать сію исторію какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ на Латинскомъ или на Греческомъ языкѣ. Подобные заклады не разстроиваютъ имущества, но утверждаютъ славу.

Изображеніе Лукулла было бы недостаточно, если бы мы не сказали о качествахъ его сердца. Онъ имѣлъ весьма благородное и великодушное сердце, совершенно расположенное къ благотворительности. Вѣрность его къ Суллѣ и Аристократіи доказываетъ твердый и высокій характеръ; чтожъ касается до денегъ, то онъ загладилъ родительское преступленіе безкорыстіемъ, превышающимъ всякое подозрѣніе. Правда онъ чрезмѣрно обогатился во время войны;

но это было на счетъ враговъ республики. Союзники прославляли его правленіе. Въ бытность свою квесторомъ и проконсуломъ въ Азіи, онъ столь удалялся отъ всякаго хищничества, что строго наказывалъ жадныхъ казначеевъ за несправедливость; онъ управлялъ въ Африкѣ также съ великимъ правосудіемъ.

БОГАТСТВО КРАССА.

Всѣ говорили о богатствѣ Красса; но одинъ Плутархъ даетъ намъ объ немъ справедливое и точное понятіе. Сей писатель увѣряетъ, что онъ посвятилъ Геркулесу десятую часть своего имѣнія, сдѣлалъ обѣдъ для всего Римскаго народа, и роздалъ всѣмъ гражданамъ ржи на три мѣсяца; но когда, отправляясь на войну противъ Пароянъ, вздумалъ счесть самаго себя, то нашлось у него семь тысячь сто талантовъ, т. е. около двадцати одного милліона трехъ сотъ тысячь рублей.

Онъ много присовокупилъ къ полученному отъ своихъ предковъ имуществу. Наслѣдство его простиралось первоначально до трехъ сотъ тысячь ефимковъ. Но чрезмѣрная алчность, соединенная съ экономіею, на постоянствѣ и разчетливости основанною, доставили ему сіе чудесное богатство. Для него годилось всякое средство. Онъ не только обогащался общественными бѣдствіями и имѣніемъ осужденныхъ въ ссылку, но былъ нѣкогда обвиненъ предъ Суллою и въ присвоеніи себѣ важной добычи, силою полученной въ городѣ Омбрѣ, а въ другомъ случаѣ по частной власти сослалъ въ ссылку богатаго Бруттіена, дабы завладѣть его имуществомъ. Сіи черты, обнаруживающія подлое и безчеловѣчное корыстолюбіе, привели Красса въ омерзѣніе предъ Суллою, который и не велѣлъ опредѣлять его ни къ какой должности. Сія немилость его не исправила, и ежели въ томъ можно повѣрить Цицерону: то онъ употреблялъ всякаго рода несправедливости и постыдные способы во всю свою

жизнь, дабы безпрестанно умножать свое имѣніе.

Онъ образовалъ новую науку, обогащаться, и успѣлъ въ томъ. Такимъ образомъ примѣтивъ, что домы въ Римѣ часто подвержены пожарамъ и землетрясенію, онъ накупилъ себѣ слугъ, архитекторовъ и каменьщиковъ числомъ болѣе пяти сотъ; и когда сгаралъ у кого нибудь домъ, или приходилъ въ ветхость: то онъ покупалъ его дешевою цѣною съ сосѣдними оскудѣвшими домами, и перестроивалъ ихъ такъ, что мало по малу сдѣлался владѣльцемъ величайшаго числа домовъ въ Римѣ. Кромѣ домовъ, онъ владѣлъ имуществомъ всякаго рода, серебряными рудниками, пахатными землями; но главное богатство его состояло въ невольникахъ, коихъ у него было невѣроятное множество. Они отправляли у него различныя должности: чтецовъ, секретарей, управителей, банкировъ и дворецкихъ; онъ чрезмѣрное прилагалъ стараніе о наученіи каждаго ремеслу и прилежно смотрѣлъ за ихъ успѣ-

хами. Обучившихся ремеслу употребляль въ свою пользу, и такимъ образомъ обогащался.

Довольно извѣстно, что сіи безчисленныя богатства доставили Крассу великое довѣріе. Его дружественное обращеніе и склонность къ благодѣянію еще болѣе къ тому способствовали. Онъ давалъ деньги въ заемъ друзьямъ своимъ безъ процентовъ; сіе почиталось великимъ добродушіемъ у Римлянъ, старавшихся отдавать свои деньги въ ростъ. Правда, что онъ строго требовалъ въ срочное время должной суммы и его строгость по сему предмѣту такъ была велика, что иногда лучше хотѣли прибѣгнуть къ ростовщикамъ. Домъ его былъ открытъ всякому и за столъ его всегда садилось великое множество людей. Онъ былъ не богато убранъ, но служили при немъ съ пріятною простотой; ласковое и вѣжливое обращеніе хозяина, веселость и свобода тамъ царствовавшія, были такими приправами, кои должно предпочитать отличнѣйшимъ яствамъ.

НѢКОТОРЫЯ ПОДРОБНОСТИ ОБЪ ОРАТОРѢ ГОРТЕНЗІѢ.

Гортензій прославился своимъ краснорѣчіемъ. Онъ отличался съ самой нѣжной юности, и первое дѣло, которое защищалъ на двадцатомъ году своего возраста, доставило ему вдругъ особенное уваженіе. Онъ имѣлъ всѣ качества великаго оратора; но память и тѣлодвиженіе, сіи два дарованія, были въ немъ рѣдкія.

Память его столь была вѣрна, что онъ приготовлялъ наизусть рѣчь, не написавъ ни одного слова, и произносилъ оную тѣми же словами, въ какихъ она была приготовлена. Онъ ничего не забывалъ: всё, что располагалъ въ умѣ своемъ, всё что писалъ, всё что говорили его противники, у него твердо содержалось въ памяти. Сія способность показывала въ немъ нѣчто чудесное. Чтожъ касается до тѣлодвиженій его, то онѣ были столько совершенны, что когда онъ защищалъ дѣ-

ло, то столько же любопытно было смотрѣть на него, сколько слушать; удивительнымъ образомъ движенія тѣла его соединены были съ его словами.

Езопъ и Росцій два славнѣйшіе актера, одинъ трагической, другой комической, приходили слушать его рѣчи, дабы усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ. Однакожъ надобно признаться, что онъ простиралъ талантъ сей весьма далеко, даже за предѣлы важности, приличной его званію, и часто почитали его болѣе актеромъ, нежели ораторомъ.

Къ счастливымъ способностямъ, полученнымъ отъ природы, онъ присоединялъ невѣроятную ревность къ трудамъ, безъ коей подлинно, по замѣчанію Цицерона, не возможно сдѣлать ничего превосходнаго ни въ какомъ родѣ, а особливо въ краснорѣчіи. Гортензій не проводилъ ни одного дня, чтобъ не говорить рѣчи въ публичномъ мѣстѣ, или чтобъ не заниматься чѣмъ нибудь въ своемъ кабинетѣ: часто даже онъ исполнялъ сіи два дѣла въ одинъ день, и тѣмъ самымъ превосхо-

дилъ своихъ предшественниковъ, и долгое время заслуживалъ первое мѣсто между всѣми ораторами. Съ нимъ случилось то, чему и многіе бываютъ подвержены; онъ соединялъ со вкусомъ противоположенія блистательныя мысли, и съ красивымъ слогомъ очаровательное произношеніе. Такова была участь сочиненій Гортензіевыхъ, кои Квинтиліянъ имѣя всегда предъ глазами, находилъ гораздо ниже той славы, которую приписывали имъ при его жизни.

Гортензій наблюдалъ столь удивительную опрятность вразсужденіи себя, что одѣвался предъ зеркаломъ, расправляя сгибы на платьѣ своемъ, дабы придать имъ болѣе пріятности, и потомъ, сжимая ихъ своимъ поясомъ, коего узелъ, искуснымъ образомъ завязанный, сокрытъ былъ подъ полою его платья. Утверждаютъ, что нѣкогда, какъ онъ такимъ образомъ съ великимъ стараніемъ и искусствомъ убравшись, зашелъ въ узкое мѣсто, въ которомъ спутникъ нѣсколько толкнулъ его: то вмѣнилъ онъ въ важную

обиду, что испортили сгибы платья его, и позвалъ въ судъ виновника толь чрезмѣрнаго оскорбленія.

Впрочемъ онъ имѣлъ обращеніе весьма ласковое; Цицерону всегда оказывалъ нѣжную дружбу, не взирая на совмѣстничество въ славѣ краснорѣчія, а наипаче не взирая на то, что Цицеронъ всегда бралъ надъ нимъ первенство. Цицеронъ почти во всякомъ случаѣ отзывается о Гортензіѣ очень учтиво; но особенно оплакивая смерть его, онъ изъявлялъ искреннюю къ нему любовь, доказательство взаимной ихъ приверженности.

Дружба, соединявшая сихъ великихъ ораторовъ, хотя часто случалось имъ защищать противныя другъ другу стороны, доказываетъ, что зависть, сіе толь низкое чувствованіе, толь общее занимающимъ одинакую должность, была имъ неизвѣстна; но они старались соблюсти другъ къ другу взаимное уваженіе, котораго никогда не должны терять люди, упражняющіеся въ наукахъ и краснорѣчіи. Какой примѣръ для нашихъ уче-

ныхъ! Сколь они должны стыдиться сами себя, когда вмѣсто того, чтобъ стараться превзойти одному другаго твердостію доводовъ и силою краснорѣчія, и взаимно почитать другъ друга, они ссорятся, бранятся и превращаютъ святилище Музъ въ поле сраженія.

ВОЙНА ПРОТИВЪ МОРСКИХЪ РАЗБОЙНИКОВЪ. ИХЪ МОГУЩЕСТВО. ИСТРЕБЛЕНІЕ ИХЪ ПОМПЕЕМЪ.

(685 года отъ построенія Рима).

Могущество морскихъ разбойниковъ съ самаго ихъ начала безпрестанно возрастало, и они уже достигли того, что имѣли болѣе тысячи кораблей, хорошо построенныхъ, снабженныхъ отборными воинами, управляемыхъ искусными мореходцами. Къ симъ страшнымъ снарядамъ присоединялось великолѣпіе, и ежели чрезмѣрно боялись разбойниковъ: то еще болѣе гнушались ихъ пышностію и

надменностію. На корабляхъ ихъ блистало серебро и золото, занавѣсы въ каютахъ были изъ пурпура, оружія оправлены серебромъ. Ежели сходили наземлю: то для того только, чтобы тамъ приготовлять великолѣпные столы, сопровождаемые музыкою, и предаваться пьянству: такъ что, казалось, они ругались родомъ человѣческимъ и только своимъ ремесломъ гордились.

Ихъ грабежи и завоеванія изумляли умъ человѣческій. Считали болѣе четырехъ сотъ городовъ ими ограбленныхъ, и тринадцать славнѣйшихъ храмовъ во вселенной, до того времени неприкосновенныхъ, изъ коихъ они похитили всѣ сокровища. Главное ихъ желаніе было посмѣяніе Римлянамъ, и казалось, они считали за удовольствіе разорять и грабить сію гордую Италію, обладательницу народовъ. Они запирали ея пристани, и часто препятствовали проходить Римскимъ полководцамъ и ихъ войскамъ, выходили на большія дороги, и грабили сельскіе домы, лежавшіе близъ моря.

Плутархъ сообщаетъ намъ достопримѣчательную черту ихъ неистовыхъ поступковъ съ Римлянами. Когда кто нибудь изъ захваченныхъ ими сказывался, что онъ былъ Римлянинъ: то они притворялись, что приведены въ трепетъ, били себя по ляшкамъ и бросались къ ногамъ его, дабы испросить у него прощенія; потомъ получивъ помилованіе, надѣвали на него свое платье, и наконецъ говорили, что теперь легко можно узнать его, и, послѣ долговременныхъ надъ нимъ насмѣшекъ, они становили лѣстницу на краю корабля своего въ открытомъ морѣ, и совѣтовали своему плѣннику выдти вонъ, и идти куда ему заблагоразсудится; ежели онъ отговаривался: то повергали его въ море.

Бѣдность и дороговизна съѣстныхъ припасовъ, причиняемыя морскими разбойниками, болѣе всего возбуждали жалобы въ Римѣ. Такимъ образомъ народъ съ восхищеніемъ принялъ предложеніе трибуна Габинія, дать Помпею начальство надъ

морскими силами для освобожденія Рима отъ сей напасти.

Послѣ сильнаго сопротивленія со стороны Сената, препоручено было начальство сему полководцу надъ пятью стами кораблей, ста двадцатью тысячами пѣхоты, и пятью тысячами конницы, и двадцатью четырьмя Лейтенантами изъ Сенаторовъ, двумя Квесторами и въ распоряженіе его дано шесть тысячь талантовъ серебра. т. е. болѣе двадцати четырехъ милліоновъ на наши деньги.

Помпей не теряя времени для исполненія возложенной на него должности, расположилъ планъ свой, какъ надлежитъ начальнику. Онъ раздѣлилъ все пространство Средиземнаго моря на три части, опредѣливъ въ каждой одного или двоихъ Генералъ-Лейтенантовъ, коимъ далъ корабли и нарочитое число войска. Сіи Лейтенанты всѣ были равны, а Помпей, какъ ихъ начальникъ, управлялъ всѣмъ, и пошелъ въ тѣ мѣста, въ которыхъ почиталъ нужнымъ свое присутствіе. Посредствомъ сего распоряженія морскіе

разбойники нигдѣ не имѣли убѣжища. Ежели они уходили отъ одной эскадры: то попадались другой, и однажды потерянное мѣсто было для нихъ невозвратно; потому что преслѣдовавшие ихъ флоты всегда охраняли берега и гнали ихъ предъ собою къ востоку и Киликіи. Помпей сперва началъ дѣйствовать съ западной стороны. Онъ сражался съ великимъ мужествомъ; и его Лейтенанты толь удачно ему вспомоществовали, что въ сорокъ дней всѣ моря отъ узкаго прохода до самой Греціи, были очищены и не осталось тамъ ни одного разбойническаго корабля. Слѣдственно съѣстные припасы доставлены были въ Римъ въ большомъ количествѣ, рынки были наполнены, цѣна хлѣба унизилась и всѣ прославляли Помпея до небесъ.

Морскіе разбойники по мѣрѣ, какъ оставляли разныя части моря, заняли Киликію, которая была ихъ крѣпостью и безопаснѣйшимъ убѣжищемъ. И такъ Помпей, по возвращеніи своемъ изъ Рима, собравъ тамъ новыя пособія, направилъ

путь свой къ сей странѣ. На дорогѣ встрѣтилась ему большая флотилія морскихъ разбойниковъ, которая сдалась ему на честномъ словѣ. Онъ поступилъ съ ними весьма ласково и милостиво, и сей поступокъ чрезмѣрно споспѣшествовалъ его побѣдамъ.

Могущественнѣйшіе изъ морскихъ разбойниковъ соединились на берегахъ Киликіи, дабы приготовиться къ сильному сопротивленію, и, скрывъ въ безопасномъ мѣстѣ женъ своихъ, дѣтей и всѣ драгоцѣнности въ крѣпостяхъ, лежавшихъ у подошвы горы Тавра, снарядили лучшіе корабли и ожидали Римскаго полководца близъ Корацезія, приморскаго города въ Киликіи. Началось сраженіе. Помпей съ флотомъ, состоявшимъ изъ шестидесяти кораблей, хорошо вооруженныхъ, могъ удобно побѣдить морскихъ разбойниковъ. Они заперлись въ Корацезіи, и выдерживали тамъ осаду; наконецъ приняли намѣреніе покориться, отдавая Помпею самихъ себя, города свои, острова, арсена-

лы, магазины, однимъ словомъ, все, что ни находилось въ ихъ владѣніи.

Такимъ образомъ покореніемъ Киликіи кончилась война съ морскими разбойниками въ сорокъ восемь дней послѣ отъѣзда изъ пристани Бриндской; такъ что столь великимъ предпріятіемъ съ самаго начала до счастливаго конца сей великій полководецъ не занимался полныхъ трехъ мѣсяцовъ. Побѣда была толь совершенна, что изъ разъѣзжавшаго прежде флота морскихъ разбойниковъ предъ Остіею и при устьѣ Тибра, тогда не осталось ни одного корабля во всемъ Средиземномъ морѣ.

ЦИЦЕРОНОВА ПОХВАЛА ПРИВѢТЛИВОСТИ И ПРАВОСУДІЮ ПОМПЕЯ.

»Чему приписываете вы, говорилъ сей ораторъ Римлянамъ, сію чудесную быстроту, сіе плаваніе, коего скорость кажется невѣроятною? подлинно это зависѣло не отъ особенной силы веселъ, ни

отъ безпримѣрнаго искусства матросовъ, ни отъ вѣтровъ, которые перенесли Помпея въ столь короткое время къ отдаленнѣйшимъ предѣламъ; но что замедляло другихъ, то его не останавливало ни на минуту. Онъ никогда не дозволялъ себѣ удалятться отъ своей дороги ни жадностію къ богатымъ добычамъ, ни любовію къ удовольствіямъ, дабы предаться сластолюбію, ни забавами странъ прекраснѣйшихъ, дабы искать въ оныхъ увеселеній, ни славою и знаменитостію великолѣпнаго города, дабы побывать въ немъ, наконецъ ни самою усталостію, дабы имѣть нужное отдохновеніе. Его умѣренность столь далеко простирается, что картины, статуи и другія украшенія Греческихъ городовъ, которыя возбуждаютъ алчность въ другихъ, ему казались даже недостойными любопытства. Песему всѣ народы почитаютъ его нынѣ человѣкомъ необыкновеннымъ, не изъ Рима посланнымъ, но съ неба низшедшимъ. Онъ доказалъ имъ, что были нѣкогда Римляне, имѣвшіе сіе славное без-

корыстіе. Сему совершенно не вѣрили чужестранные народы. Нынѣ правосудіе нашего правленія сіяетъ предъ глазами ихъ во всемъ своемъ блескѣ. Нынѣ они понимаютъ, что ихъ предки справедливо желали, когда Римъ имѣлъ судей сколько правдивыхъ, столько и умѣренныхъ, каковымъ они видятъ Помпея, что лучше быть подданными народа Римскаго, нежели управлять другими. Что скажу я о его привѣтливости, съ какою онъ принималъ къ себѣ всѣхъ имѣвшихъ нужду въ его пособіи, или приносившихъ жалобы? сей великій человѣкъ, который своимъ возвышеніемъ превосходитъ всѣхъ занимающихъ первое мѣсто во вселенной, кажется, чрезмѣрнымъ снисхожденіемъ своимъ равняется съ низшими его. Чтожъ касается до его вѣрности въ обязательствахъ, то сколь успокоены симъ ваши союзники, поелику она и врагамъ рода человѣческаго казалась священнымъ и нерушимымъ увѣреніемъ. Наконецъ его человѣколюбіе и милосердіе толь непостижимы, что трудно рѣшить: болѣе ли

страшились враги его могущества въ брани, или болѣе любили снисхожденіе его послѣ пораженія.»

О ХАРАКТЕРѢ И ДОСТОИНСТВАХЪ МИТРИДАТА.

Сей государь, ведя войну съ Римлянами, и бывъ совершенно побѣжденъ только Помпеемъ, заслужилъ великую похвалу, хотя потерялъ много сраженій противъ Лукулла. Цицеронъ называетъ его, послѣ Александра, величайшимъ изъ царей. Не льзя подлинно отнять у него генія обширнаго, способнаго къ величайшимъ вымысламъ и преднамѣреніямъ, превосходной храбрости, твердости души, не знающей препятствій и нещастій, духа неутомимаго, умѣнья сохранять бодрость послѣ многихъ и ужасныхъ потерь. Съ сими талантами онъ соединялъ личное мужество, и раны, неоднократно полученныя имъ въ сраженіяхъ, служатъ тому доказательствомъ.

Что касается до искусства въ политическомъ правленіи, ежели скромность составляетъ существенную часть онаго: то оказываемыя имъ грубости своимъ родственникамъ обнаруживаютъ не столько его владычество, сколько тиранство. Честолюбіе, дерзость, надменность составляли всю власть его.

Митридатъ сдѣлалъ любопытныя изслѣдованія касательно врачебной науки, и повѣствуютъ, что изъ двадцати четырехъ языковъ, коими говорили въ его государствѣ, онъ зналъ каждой и говорилъ на всѣхъ свободно.

Что касается до тѣлесныхъ качествъ: то онъ имѣлъ станъ и видъ геройской; былъ ростомъ высокъ, хорошо вооружался, величественно являлся на сраженіи, и въ то же время внушалъ ужасъ непріятелямъ. Онъ исполнялъ всѣ должности своего званія чудеснымъ образомъ, и сохранилъ до самой смерти силу и искуство нужныя для метанія копьемъ, мастерски ѣздилъ верьхомъ, и съ такимъ проворствомъ, что неоднократно безъ

отдыха проскакивалъ въ одинъ день до тысячи стадій т. е. сорокъ миль. Онъ умѣлъ также ѣздить въ колесницѣ, и управлять шестнадцатью лошадьми, припряженными къ оной. Жилъ около семидесяти двухъ лѣтъ, а царствовалъ шестьдесятъ.

ПОМПЕЙ ПОКОРЯЕТЪ ІЕРУСАЛИМЪ И ВХОДИТЪ ВО СВЯТИЛИЩЕ ХРАМА.

(689 года отъ основанія Рима).

Помпей, побѣдивъ Митридата, пошелъ во Іудею, о царствѣ коея спорили Гирканъ и Аристовулъ. Онъ объявилъ свое мнѣніе въ пользу перваго, какъ старшаго лѣтами, и рѣшился осадить Іерусалимъ, въ которомъ царствовалъ Аристовулъ, разбившій прежде сего за нѣсколько времени войска брата своего: но сей царь, не дождавшись Помпея, пришелъ самъ

въ его станъ, какъ бы съ покорностію, принесши сребро и обѣщаясь отдать городъ. Помпей удержалъ его, и послалъ нѣсколько воиновъ съ Габиніемъ, дабы принять сребро и сдѣлаться обладателемъ Іерусалима. Сей чиновникъ возвратился назадъ, не получивъ ничего. Римскій полководецъ пришелъ въ великой гнѣвъ, велѣлъ заключить Аристовула въ оковы и пошелъ къ стѣнамъ города. Раздоръ жителей скоро сдѣлалъ его обладателемъ Іерусалима. Когда приверженцы Аристовуловы, укрѣпившіеся во храмѣ, рѣшились защищаться: то надобно было осадить его надлежащимъ образомъ. Помпей напалъ на него съ сѣверной стороны. Хотя ровъ былъ весьма глубокъ, однако онъ велѣлъ туда наметать столько хворосту, что сравнялъ его съ высотою стѣнъ.

Послѣ сего Помпей приказалъ поставить стѣно-битныя машины, привезенныя имъ изъ Тира, и бить съ такою силою въ стѣны, что скоро сдѣлалось большое отверстіе, въ которое войска

могли ворваться. Храмъ взятъ приступомъ въ день субботній. Не льзя довольно надивиться той твердости, каковую показали священники Іудейскіе въ семъ случаѣ. Во все время осады храма они ни на минуту не прерывали ни утреннихъ ни вечернихъ жертвоприношеній, и по вторженіи во храмъ стояли покойно, занимаясь священными обрядами. Никто не помышлялъ о бѣгствѣ, они лучше желали умереть при подножіи жертвенниковъ, нежели упустить то, что имъ предписывалъ законъ вразсужденіи богопочитанія. Что касается до прочихъ Іудеевъ, то кровопролитіе было весьма велико: сверхъ погибшихъ отъ меча непріятельскаго, многіе въ отчаяніи бросались съ высоты горъ, или зажигали зданія по близости храма, и повергались въ пламень. Іосифъ полагаетъ число умершихъ до двѣнадцати тысячь. Со стороны побѣдителей много было раненыхъ; но мало убитыхъ.

Въ толь ужасномъ бѣдствіи Іудеи ощущали чувствительную и глубочайшую пе-

чалъ отъ оскверненія святилища, съ благоговеніемъ ими почитаемаго, хотя въ ономъ не было ковчега, погибшаго во время разрушенія перваго храма Навуходоносоромъ. Извѣстно, что одинъ первосвященникъ имѣлъ только право входить туда. Помпей не знавъ сего закона, или презрѣвъ его, вошелъ съ своими главными чиновниками во Святая Святыхъ, разсматривалъ все съ любопытствомъ, и былъ удивленъ съ сопутниками своими, что не нашелъ въ ономъ никакой статуи, ни одного изображенія божества.

Впрочемъ Помпей поступилъ, какъ прилично великодушному побѣдителю. Онъ нашелъ въ храмѣ много богатства, золотой подсвѣшникъ съ седмью свѣщами, столъ хлѣбовъ предложенія, великое число золотыхъ сосудовъ, чудесное собраніе драгоцѣнныхъ благовоній, и двѣ тысячи талантовъ серебра. Всѣ сіи сокровища не привели его во искушеніе. Онъ взялъ только изъ Іудеи золотой виноградникъ, который принесенъ ему въ даръ

отъ Аристовула, дабы склонить его на свою сторону. То былъ не виноградникъ, но садъ въ видѣ четвероугольной горы съ изображеніями оленей, львовъ и плодовъ различнаго рода, окруженный со всѣхъ сторонъ виноградными вѣтьвями. Такое произведеніе искуства оцѣнено было въ пять сотъ талантовъ. Помпей не присвоилъ себѣ толь драгоцѣннаго издѣлія; а велѣлъ поставить сей виноградникъ въ Капитоліи. Онъ обнаружилъ также и тѣмъ свое великодушіе, что на другой день по взятіи храма приказалъ вычистить его со тщаніемъ, и отдать въ полное распоряженіе священникамъ, дабы они возобновили и продолжали въ немъ свои обряды и жертвоприношенія.

ХАРАКТЕРЪ КАТИЛИНЫ.

Катилина, начальникъ того ужаснаго заговора, которой Цицеронъ имѣлъ счастіе открыть и умѣлъ уничтожить, и

котораго Исторію весьма краснорѣчиво описалъ Саллюстій, былъ внукъ Сергія Сила, показавшаго во время войны противъ Аннибала блистательные опыты мужества. Но Катилина вмѣсто того, чтобъ поддержать славу толь знаменитаго имени, нанесъ только безчестіе оному. Онъ не имѣлъ недостатка въ дарованіяхъ, будучи одаренъ великимъ мужествомъ, и крѣпкимъ сложеніемъ тѣла; но отъ природы былъ худаго и развращеннаго нрава. Съ юныхъ лѣтъ, внутреннія войны, смертоубійства, грабежъ, междоусобія составляли его радость и веселіе, и были упражненіями его молодости. Будучи силенъ тѣломъ, онъ переносилъ голодъ, стужу, безсонницу и труды невѣроятнымъ образомъ. Чтожъ касается до душевныхъ качествъ, то былъ дерзокъ, хитръ, удобопреклоненъ, способенъ къ притворству, алченъ до чужаго, расточитель своего, пылокъ и чрезмѣренъ въ желаніяхъ. Онъ не былъ лишенъ дара краснорѣчія; но въ поведеніи своемъ не показывалъ мудрости. Его

обширный умъ всегда стремился къ излишеству, непостижимости, и къ понятіямъ, превышающимъ силы его. Съ самаго владычества Суллы, будучи тревожимъ сильною страстію овладѣть республикою, онъ употреблялъ всякія средства, лишь бы только удалось ему сдѣлаться Царемъ. Нищета, и угрызенія совѣсти за его прежнія злодѣянія, сугубый плодъ правилъ, коими онъ руководствовался, разгорячали и одушевляли болѣе и болѣе сей звѣрской духъ. Къ сему надобно присовокупить надежду, основанную на общемъ развращеніи нравовъ, совершенно испорченныхъ двумя гибельными, хотя противоположными, пороками: съ одной стороны роскошью и распутствомъ, съ другой алчностію къ деньгамъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ КАТОНА УТИЧЕСКАГО. НѢЖНАЯ ЕГО ЛЮБОВЬ КЪ СВОЕМУ БРАТУ.

Катонъ съ самаго младенчества своего показывалъ то, чѣмъ нѣкогда онъ долженъ быть. Черты лица его, звукъ голоса, взглядъ, и самый образъ обхожденія въ играхъ и увеселеніяхъ, приличныхъ его возрасту, предвѣщали въ немъ характеръ важной, твердой и постоянной. Желанія его были отважны и сильны; будучи непоколебимъ и чуждъ ласкательства, онъ не могъ покоряться страху; смѣялся мало и рѣдко, не подверженъ былъ тѣмъ маловажнымъ раздраженіямъ, которыя проникаютъ въ сердце младенческое толь же скоро, какъ и возбуждаются; но когда онъ сердился, то сердился подлинно, и не легко было успокоить его. Впрочемъ онъ былъ ласковъ, преклоненъ, охотно повиновался своимъ учителямъ, однако же во всемъ

требовалъ отчета, и учитель его, человѣкъ хорошаго поведенія, старался во всемъ удовлетворять его любопытству.

Сей толико твердой характеръ не былъ жестокъ и грубъ. Катонъ нѣжно любилъ брата своего; и когда въ молодыхъ лѣтахъ нѣкто спросилъ его, кого онъ болѣе всѣхъ любитъ: то онъ отвѣчалъ, что своего брата, потомъ когда хотѣли узнать, кого онъ во вторыхъ любитъ, то онъ отвѣчалъ также, что брата своего; спрашивали его снова, онъ давалъ тотъ же отвѣтъ до тѣхъ поръ, пока перестали его спрашивать. Сія любовь утвердилась съ лѣтами, и когда Катону минуло двадцать лѣтъ: то онъ никогда не ужиналъ, никуда не путешествовалъ, и ни въ какомъ публичномъ мѣстѣ не бывалъ безъ своего брата. Однакожъ отличался отъ него тѣмъ, что не употреблялъ благовоній, и во всемъ своемъ поведеніи былъ точенъ и строгъ. Сей толь любезный братъ умеръ въ Энусѣ во Ѳракіи; печаль, казалось, возтор-

жествовала надъ философіею Катона. Онъ не только проливалъ слезы, лобызалъ мертваго, впалъ въ мрачную печаль; но сдѣлалъ великія издержки на погребеніе, на благовонія, на драгоцѣнныя шелковыя матеріи, которыя съ нимъ были сожжены. Наконецъ онъ велѣлъ воздвигнуть на публичномъ мѣстѣ Энуса памятникъ, изъ дорогаго мрамора, который стоилъ ему восемь талантовъ.

Напослѣдокъ окончивъ свое путешествіе по Азіи, онъ сѣлъ на корабль, дабы возвратиться въ Римъ. Тогда друзья его совѣтовали ему поставить урну, въ которой находился прахъ брата его, на другое судно. Катонъ объявилъ имъ, что скорѣе лишится жизни, нежели толь неоцѣненной прахъ препоручить кому нибудь другому отвезти въ Италію.

Философія Стоиковъ столько сходствовала съ его характеромъ, что онъ сильно къ ней прилѣпился. Его ревность къ стоицизму до того простиралась, что въ бытность свою въ Македоніи воен-

нымъ трибуномъ, услышавъ о славномъ стоикѣ Аѳенодорѣ, который въ престарѣлыхъ лѣтахъ удалясь въ Пергамъ, никогда не хотѣлъ выходить изъ своего жилища, не взирая на усильныя просьбы царей и владыкъ, вознамѣрился склонить его къ себѣ, чего бы то ни стоило. И такъ, онъ выпросилъ увольненіе на два мѣсяца, дабы съѣздить въ Пергамъ, и, восторжествовавъ надъ сопротивленіемъ Аѳенодора, привезъ его съ собою въ лагерь. Онъ гордился своею побѣдою болѣе, нежели Лукуллъ и Помпей тріумфами Митридата. Катонъ упражнялся въ краснорѣчіи, какъ въ оружіи нужномъ для защищенія справедливости и для приведенія достаточныхъ доводовъ. Однакожъ, кажется, онъ не отличилъ себя въ семъ родѣ; ибо не занимался съ прочими молодыми людьми своего возраста, и никто никогда не слыхивалъ его рѣчей въ публичномъ мѣстѣ. Слогъ его не соотвѣтствовалъ его возрасту; въ немъ не было никакихъ украшеній, никакихъ отличныхъ пріятно-

стей; но былъ простъ и ровенъ, исполненъ дѣла и твердъ. Голосъ его былъ силенъ и пронзителенъ.

Катонъ старался не только усовершенствовать умъ свой, но также укрѣпить и тѣло. Онъ пріучалъ себя сносить теплоту и холодъ, ходить пѣшкомъ во всякое время. Когда былъ боленъ, то не зналъ другаго лѣкарства, кромѣ терпѣнія и діеты, запирался и никого къ себѣ не пускалъ до тѣхъ поръ, пока выздоровѣетъ.

Какая противоположность въ нравахъ Катилины и Катона! Ежели первый достигъ послѣдней степени злодѣянія, то безпрекословно худое воспитаніе было тому причиною: а ежели Катонъ заслужилъ общее уваженіе Римлянъ, ежели имя его произносимо было съ почтеніемъ, то посредствомъ добродѣтельнаго поведенія своей юности пріобрѣлъ онъ славу. Молодые люди! теченіе жизни вашей зависитъ отъ первыхъ шаговъ. Вамъ предоставлено быть нѣкогда или Катилинами или Катонами.

КОНСУЛЬСТВО ЦИЦЕРОНА.

(689 года отъ построенія Рима).

Консульство Цицероново должно удивить насъ чрезмѣрно. Ежели происшествія онаго были важны сами по себѣ: то лице Консула гораздо еще болѣе умножило пользу оныхъ. Мы видимъ, что сіе имя, толь знаменитое краснорѣчіемъ, прославилось мудрымъ и счастливымъ управленіемъ дѣлъ государственныхъ, и великій ораторъ показалъ себя великимъ человѣкомъ въ республикѣ. Его краснорѣчіе до сего времени почти всѣми употребляемое имѣло своею цѣлію пользу отечества. Цицеронъ явясь на прекрасномъ зрѣлищѣ вселенной, и достигнувъ власти помрачившей всѣ прочія, имѣлъ случай распространить всѣ свои таланты и добродѣтели. Ему на все доставало времени по неутомимому рвенію, и обширности ума

его. Всего удивительнѣе были его ревность къ сохраненію спокойствія Республики, его проницательность въ открытіи вредныхъ и тайныхъ ухищреній, его твердость въ наказаніи оныхъ. Его примѣромъ должно убѣдиться, что и на поприщѣ учености можно пріобрѣсть заслуги блистательнѣе заслугъ воинскихъ.

РОСКОШЬ ЛУКУЛЛА. ЧРЕЗМѢРНЫЕ РАСХОДЫ ЕГО СТОЛА.

Лукуллъ простиралъ роскошь до излишества, и находилъ въ томъ славу. Онъ имѣлъ близь Тускула загородной домъ, на прекрасномъ мѣстѣ, весь въ окнахъ и съ пространными галлереями. Помпей пріѣхавъ повидаться съ нимъ, примѣтилъ въ домѣ одинъ только недостатокъ; сей домъ, сказалъ онъ, весьма хорошъ для лѣта, но для зимы неудобенъ. Лукуллъ отвѣчалъ ему: *не уже*

ли вы думаете, что я глупѣе ласточки, и не умѣю перемѣнять жилища, принаравливаясь ко временамъ года?

Одинъ преторъ, вознамѣрившись сдѣлать великолѣпныя игры, просилъ Лукулла одолжить ему на время сто кафтановъ для своихъ акторовъ. *Гдѣ я возьму*, отвѣчалъ Лукуллъ, *такое множество кафтановъ? Впрочемъ велю пересмотрѣть свой гардеробъ, и пришлю вамъ, сколько найдется.* Спустя нѣсколько дней, онъ писалъ къ сему претору, что нашелъ пять тысячь кафтановъ въ своемъ домѣ. Столовая его представляла пышность новѣйшихъ богачей. Въ ней не только видно было великолѣпіе уборовъ, пурпуровыя ложа, буфетъ уставленной золотыми сосудами, кои блистали дорогими каменьями; но и на столѣ стояла серебряная посуда, богатыя скатерьти и салфетки, драгоцѣнные приборы, рѣдкія кушанья и закуски; тамъ гремѣла музыка и были пляски.

Помпей былъ совсѣмъ противнаго нрава и оказывалъ презрѣніе къ пышности. Врачь его приказалъ ему послѣ болѣзни ѣсть дроздовъ. Служители сказали, что лѣтомъ ихъ сыскать не льзя, а можно найти только у Лукулла, которой ихъ кормитъ. *Какъ такъ!* отвѣчалъ онъ съ живостію, *не уже ли бы Помпею должно умереть съ голода, если бы Лукуллъ не былъ обжора?* и велѣлъ себѣ подать чего нибудь обыкновеннаго, что легче и скорѣе сыскать можно.

Лукуллъ, какъ уже о томъ сказано, вмѣнялъ себѣ въ славу невоздержность и расточительность. Онъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней давалъ великолѣпные столы для Грековъ, пріѣхавшихъ въ Римъ. Наконецъ для сихъ добродушныхъ людей показалось стыдно столь хорошее угощеніе, и они просили его не звать ихъ болѣе къ своему обѣду; *мы не хотимъ*, говорили они, *быть тебѣ въ тягость и причинять столь великія издержки.* Лукуллъ отвѣчалъ

съ улыбкою: *конечно, много здѣсь дѣлается для васъ; но еще болѣе для Лукулла.*

Однажды, когда онъ былъ одинъ, и ему подали посредственной ужинъ: то онъ сердился и выговаривалъ своему дворецкому. Сей извинялся тѣмъ, что безъ гостей не нуженъ для него великолѣпной столъ: *что ты говоришь?* отвѣчалъ онъ въ гнѣвѣ, *не уже ли не знаешь, что нынѣ Лукуллъ долженъ ужинать у Лукулла.*

Въ Римѣ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о столѣ Лукулла. Цицеронъ и Помпей хотѣли о томъ узнать сами. Встрѣтясь съ нимъ въ публичномъ мѣстѣ, они сказали: *мы желаемъ нынѣ у тебя ужинать; но хотимъ, чтобъ все было обыкновенное.* Лукуллъ сперва отговаривался, и просилъ ихъ отложить намѣренiе до другаго дня, дабы онъ имѣлъ время приготовиться къ ихъ принятiю. Они настояли въ своей просьбѣ, немедленно пошли къ нему, и не отставали отъ него, дабы онъ не далъ

людямъ своимъ какого нибудь приказанія. Однакожъ онъ сказалъ своему столовому дворецкому въ ихъ присутствіи, что ему нынѣ вздумалось ужинать въ Аполлоновой залѣ, и тѣмъ обманулъ дѣятельность двоихъ гостей; ибо каждая зала у него имѣла свою особенную столовую, и когда онъ только сказывалъ своимъ людямъ, въ какой залѣ онъ намѣренъ былъ ужинать: то имъ давалъ уже знать, какія издержки должно было сдѣлать, и какую употребить услугу. Столъ въ Аполлоновой залѣ становился въ пятьдесятъ тысячь драхмъ или двадцать пять тысячь франковъ. И такъ Цицеронъ и Помпей приведены были въ чрезмѣрное изумленіе какъ великолѣпіемъ услуги, такъ и проворствомъ въ приготовленіи.

Ежели Лукуллъ достоинъ хулы за пышность, несвойственную Римлянину: то должно его хвалить за другой родъ издержекъ благороднѣйшихъ и умнѣйшихъ, то есть, за издержки, употребленныя имъ на библіотеку.

БИБЛІОТЕКА ЛУКУЛЛА.

Лукуллъ былъ охотникъ до книгъ; онъ собралъ ихъ великое множество, и ничего не жалѣлъ, чтобъ достать самые лучшіе экземпляры. Употребленіе библіотеки его гораздо еще похвальнѣе, нежели стараніе, съ какимъ онъ собиралъ. Залы, въ коихъ стояли книги, сады, къ коимъ примыкалась библіотека, кабинеты ученія были открыты для всѣхъ; и Греки, бывшіе въ Римѣ, стекались туда со всѣхъ сторонъ, какъ въ обиталище музъ, гдѣ они проводили съ пріятностію дни, и успокоивались чтеніемъ отъ мятежа и шума свѣтскаго. Лукуллъ часто прохаживался съ ними въ садахъ своихъ и разговаривалъ о нѣкоторыхъ предметахъ словесности; ибо имѣлъ умъ обогащенной обширными свѣденіями. Онъ довѣрялъ также книги свои тѣмъ изъ нихъ, которые пеклись о

пользѣ своихъ республикъ; такъ что домъ его былъ общимъ собраніемъ для всѣхъ Грековъ, пріѣзжавшихъ въ Римъ.

Какое лучшее употребленіе могутъ сдѣлать изъ своихъ богатствъ тѣ, коихъ фортуна осыпала своими щедротами, какъ не посвятивъ часть оныхъ на разпространеніе наукъ и художествъ? ихъ почитаютъ не за великолѣпіе чертоговъ, не за пышность украшеній, не за блистательность стола; ежели они хотятъ снискать славу чистѣйшую и прочнѣйшую славы, пріобрѣтаемой пустымъ блескомъ: то пусть оправдаютъ свое богатство выгодами, доставляемыми отечеству, и благодѣяніями, изливаемыми на ученыхъ и художниковъ.

СРАВНЕНІЕ ЦЕЗАРЯ СЪ КАТОНОМЪ.

»Цезарь и Катонъ, говоритъ Саллюстій, были почти равны родомъ, лѣтами, краснорѣчіемъ; равное величіе души, равная слава, но въ двухъ различныхъ родахъ. Цезарь пріобрѣлъ великое имя благотворительными и блистательными свойствами; Катонъ непорочностію нравовъ своихъ. Одинъ прославлялся привѣтливостію и щедростію, другой строгостію. Цезарь пріобрѣлъ громкую славу расточительностію и покровительствомъ, показывая себя всегда готовымъ прощать. Катонъ никому не прощалъ. Одинъ былъ помощникомъ несчастныхъ, другой бичемъ злыхъ. Хвалили чрезмѣрное снисхожденіе перваго, и непреклонность другаго. Наконецъ, Цезарь рѣшился не щадить ни трудовъ своихъ, ни здоровья; занимаясь выгодами своихъ друзей, онъ презиралъ

свои собственныя; никогда не пропускалъ случая одолжать всякаго; желалъ какой-то блистательной должности, управленія войскомъ, новой войны, въ которой заслуга его могла бы увѣнчаться славою. Катонъ, напротивъ, показывалъ себя исполненнымъ ревнія къ скромности, уваженія къ благопристойности, а наипаче строгости къ себѣ и другимъ. Онъ не имѣлъ намѣренія превзойти богатыхъ богатствомъ, мятежныхъ духомъ мятежничества и заговоровъ; но равнялся съ мужественнѣйшими въ великодушіи, съ скромнѣйшими въ воздержности, съ непорочнѣйшими въ безкорыстіи и цѣломудріи; онъ старался болѣе быть добродѣтельнымъ, нежели казаться таковымъ, и симъ поведеніемъ чѣмъ менѣе гонялся за славою, тѣмъ болѣе слава искала его.»

Саллюстій дѣлаетъ здѣсь самое справедливое описаніе Катона; но онъ показалъ только внѣшность характера и поведенія Цезарева. Для довершенія своей картины онъ долженъ былъ ска-

зать, что Цезарь направлялъ все къ своему возвышенію, что по честолюбію ничего для него не было священнаго, добродѣтель была для него одно имя, общественное благо мечта, никогда никто съ большимъ безсовѣстіемъ не попиралъ закона, стыда, нравственности, религіи, однимъ словомъ, ежели никогда не было человѣка любезнѣе въ общежитіи: то никогда не было сердца порочнѣе, и гражданина опаснѣе въ республикѣ.

ТРІУМФЪ ПОМПЕЯ ПО ЗАВОЕВАНІИ ІУДЕИ.

(691 года отъ основанія Рима).

Сокровища, украшавшія сіе торжество, имѣли нѣчто чудесное и были новымъ побужденіемъ къ роскоши и поврежденію Римскихъ нравовъ, особенно драгоцѣнные каменья, которые до того времени мало были извѣстны въ Римѣ.

При семъ несли шахматной столъ, сдѣланной изъ двухъ драгоцѣнныхъ камней, длиною въ четыре фута, а шириною въ три; золотую луну вѣсомъ въ двадцать три фунта; три ложа также золотыя, изъ коихъ одно, по мнѣнію нѣкоторыхъ, принадлежало Дарію, сыну Гистаспову; золотыя чаши, украшенныя драгоцѣнными каменьями; три золотыхъ статуи, одна Минервина, другая Марсова, а третья Аполлонова; золотой виноградникъ Аристовуловъ; тридцать три жемчужныхъ короны; жемчужную утварь, посвященную музамъ, съ солнечными на верьху часами; наконецъ портретъ самаго Помпея, унизанный также жемчугомъ. Сверьхъ того, несли ларецъ, наполненной драгоцѣнными каменьями и перстнями, принадлежавшими Митридату, кои Помпей посвятилъ Капитолію съ золотымъ виноградникомъ и другими сокровищами. Ко всѣмъ симъ драгоцѣннымъ предметамъ должно присовокупить тронъ и скиптръ самаго Митридата, и золо-

шой бюстъ сего Государя вышиною въ восемь локтей, серебряную статую Фарнація, дѣда Митридатова; золотыя и серебряныя колесницы. Между натуральными рѣдкостями въ первой разъ везено было въ семъ торжествѣ, эбеновое дерево, котораго никогда еще не видали въ Римѣ.

Ко всѣмъ симъ богатствамъ присоединенъ былъ воинскій снарядъ, колесницы, наполненныя оружіемъ всякаго рода, корабельные носы, великое множество военноплѣнныхъ, свободно шедшихъ, одѣтыхъ по образу страны своей. Непосредственно предъ колесницею побѣдителя шли цари, князья и вельможи, взятые на сраженіи или отданные въ залогъ, числомъ триста двадцать четыре.

Послѣ всего несли картины, изображавшія царей побѣжденныхъ, или выигранныя сраженія Помпеемъ и его подчиненными. Идолы варваровъ составляли сей рядъ картинъ съ народомъ почитавшимъ ихъ. Они обратили внима-

ніе зрителей страннымъ своимъ образомъ и одѣяніемъ.

Наконецъ показался самъ Помпей на колесницѣ, блиставшей дорогими каменьями, облеченный въ воинское одѣяніе, доставшееся ему, какъ говорятъ, послѣ Александра Великаго; за его колесницею слѣдовали главные чиновники его войска какъ пѣхотные, такъ и конные. Безъ сомнѣнія, все войско долженствовало находиться при семъ торжествѣ; но Помпей вступивъ въ Италію распустилъ его, которое въ отсутствіи осыпая повсюду его похвалами, болѣе ему сдѣлало чести, нежелибъ находясь при его свитѣ. Толь побудительная причина, подвигнувшая его на сію рѣшительность, казалось, сообразна была съ чувствованіями добраго Римлянина. Сіе послѣднее торжество совершенно утвердило для Помпея наименованіе *великаго*. Весь народъ собравшись, далъ ему оное при радостныхъ восклицаніяхъ. Онъ дѣйствительно былъ тогда великимъ Римляниномъ.

ОБЩАЯ ПЕЧАЛЬ ВЪ РИМѢ ПО ПОВОДУ ИЗГНАНІЯ ЦИЦЕРОНА.

(694 года отъ основанія Рима).

Цицеронъ, осужденный въ ссылку пронырствомъ тріумвировъ Цезаря, Помпея, и Красса одѣлся въ черное платье, и съ нимъ почти одѣлись всѣ всадники, и двадцать тысячь молодыхъ людей изъ отборнаго Римскаго дворянства, предводимые сыномъ Красса, всюду слѣдовали за нимъ, склоняя народъ на его сторону. Сей молодый Крассъ имѣлъ отличныя качества и любовь къ добродѣтели; науки возродили въ немъ величайшую приверженность къ Цицерону. Всѣ состоянія республики, всѣ города Италіи изъявляли печаль свою и безпокойство о несчастіи одного человѣка. Сенатъ особенно принималъ участіе въ дѣлѣ его и требовалъ отъ консуловъ защиты Цицерону.

Сіе достопочтенное сословіе со слезами умоляло консула Габинія заняться толь важнымъ происшествіемъ, разобрать дѣло Цицерона и предложить по общему желанію всѣхъ Сенаторовъ, чтобы всѣ съ нимъ вмѣстѣ надѣли черное платье. Всадники отправили также къ Габинію депутацію о семъ предметѣ, коею предводительствовали два славные бывшіе консула, Гортензій и Куріонъ. Консулъ отвергъ съ презрѣніемъ просьбу толь великихъ людей. Тогда трибунъ Муммій, по долгу своего званія, рѣшилъ то, чего не хотѣлъ предложить консулъ, и изданъ былъ указъ, чтобы всѣ сенаторы надѣли черное платье, какъ бы въ общественномъ несчастіи.

Сколь таковое рѣшеніе было почтительно для Цицерона! Заслужилъ ли какой нибудь побѣдитель подобную славу? сей общій трауръ сильнѣе всѣхъ похвалъ свидѣтельствуетъ о высокихъ добродѣтеляхъ сего великаго человѣка и объ отличныхъ заслугахъ, оказанныхъ имъ отечеству.

Величіе и слава не на сторонѣ ли сего знаменитаго изгнанника? подлость и стыдъ приписываются не тріумвирамъ ли, не консулу ли Габинію и трибуну Клодію?

ЦИЦЕРОНЪ ВЫѢЗЖАЕТЪ ИЗЪ РИМА. СЛѢДСТВІЯ ЕГО ИЗГНАНІЯ.

Цицеронъ выѣхалъ изъ Рима во время ночи, отнеся въ Капитолію Минерву, которой онъ покланялся въ своемъ домѣ до сего времени, какъ хранящему его божеству, и поставилъ ее въ семъ священномъ храмѣ съ названіемъ *градохранительницы.* Это было въ первыхъ числахъ Апрѣля. Онъ скоро достигъ до береговъ Луканіи, намѣреваясь проѣхать въ Сицилію, гдѣ надѣялся обрѣсти любовь народа и покровительство Претора.

Какъ скоро трибунъ Клодій увѣдомился о его мѣстопребываніи: то велѣлъ осо-

бенным образомъ осудить его въ ссылку, издавъ такой законъ, которымъ предписано было наложить на него пеню и отобрать даже имѣніе.

Злополучіе Цицероново достаточно было для удовлетворенія обыкновенной ненависти; но неистовая ненависть Клодіева до того простиралась, что онъ велѣлъ отнять у изгнанника домы какъ въ городѣ, такъ и за городомъ. Имѣніе Цицероново поступило въ аукціонъ, но ни одинъ честной человѣкъ не явился для покупки онаго. Одни только любимцы Клодіевы воспользовались сею постыдною добычею.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Цицеронова, зажгли домъ его въ Римѣ, которой былъ разграбленъ, и главныя украшенія отнесены были въ домъ къ тещѣ консула Пизона. Габиній присвоилъ себѣ вещи, въ Тускуланскомъ домѣ находившіяся. Клодій не забылъ и себя; онъ увеличилъ домъ свой тою землею, на которой былъ построенъ сгорѣвшій домъ Цицероновъ. Въ то время, какъ Клодій торжествовалъ, Ци-

церонъ, сей великій человѣкъ, искалъ себѣ убѣжища, и съ трудомъ могъ найти его. Пріѣхавъ въ городъ Вибону въ Лукаии, онъ провелъ нѣсколько дней во владѣніяхъ Сика, которой служилъ при немъ во время его консульства. Намѣреніе его было проѣхать въ Сицилію; но Преторъ, который подобно ему помышлялъ о дѣлахъ общественныхъ, не желая безразсудно подвергнуться опасности, отказался пустить его въ свою провинцію. Цицеронъ, потерявъ надежду на пріятное убѣжище и старайсь не отягощать долгое время своего хозяина Сика, направилъ путь свой къ Бриндизи; онъ не вступилъ въ городъ, а укрылся въ домѣ, Ленія Флакка, человѣка добродѣтельнаго и вѣрнаго друга, который презрѣвъ видимую опасность, въ продолженіи тринадцати дней, оказывалъ ему всѣ обязанности благороднаго и великодушнаго гостепріимства; въ послѣднихъ числахъ Апрѣля сѣлъ онъ на корабль въ Бриндизи и отправился въ городъ Диррахій, которой былъ подъ его покровительствомъ и со-

хранилъ къ нему приверженность. Другъ его Аттикъ просилъ его удалиться во владѣнія, которыя имѣлъ онъ въ Эпирѣ; но сіе убѣжище ему не нравилось по сосѣдству съ сообщниками Катилины, разсѣявшимися по всѣмъ частямъ Греціи. Къ счастію, ревность друга К. Планція, квестора Македонскаго, помогла ему въ семъ случаѣ. Планцій узнавъ о прибытіи его въ Диррахій, пріѣхалъ туда, забывъ свое достоинство, отвезъ Цицерона въ Ѳессалонику, и уговорилъ его пробыть тамъ въ домѣ его нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ семъ убѣжищѣ Цицеронъ долгое время ожидалъ своего возвращенія съ нетерпѣніемъ и уныніемъ, несвойственнымъ толь великому генію. Въ первыя минуты своего несчастія онъ дошелъ до такого отчаянія, что хотѣлъ лишить себя жизни. Аттикъ отклонилъ его отъ сего пагубнаго намѣренія, совѣтуя ему ожидать счастливѣйшихъ временъ. И ежели онъ согласился жить; то для того только, чтобы оплакивать свое злополучіе. Письма его къ матери, брату, Ат-

тику наполнены сѣтованіемъ, и онъ весь умъ свой употребилъ для изображенія своихъ мученій.

Прилично ли мудрому человѣку, такому философу, каковъ Цицеронъ, показывать толь великую слабость въ несчастіи, предаваться безполезнымъ страданіямъ о прошедшемъ? Религія Христіанская во всемъ своемъ блескѣ обнаруживаетъ свое торжество надъ философіею. Поставимъ на мѣстѣ Цицерона человѣка просвѣщеннаго истинами христіанскими. Истинный христіянинъ не будетъ вдаваться въ постыдную печаль, и не будетъ поражаться несчастіемъ; онъ будетъ видѣть опредѣленіе Провидѣнія въ произшествіяхъ, его унижающихъ и дѣлающихъ несчастнымъ; будетъ благословлять Отческую десницу, поражающую его, будетъ обожать виновника своей печали; будетъ любить его болѣе; будетъ просить у него силы для перенесенія своихъ злоключеній, и будетъ почитать себя счастливымъ, что гонимъ за справедливость. Философія человѣческая!.... Какое недоста-

точное знаніе, какое безсильное утѣшеніе, какая слабая подпора!

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНІЕ ЦИЦЕРОНА ВЪ РИМЪ.

Дабы лучше понять славу сего возвращенія, опредѣленнаго всѣмъ Сенатомъ, собраніемъ народа, и просимаго всею Италіею въ досаду одного Клодія, оставшагося при своемъ мнѣніи, должно видѣть подробное описаніе, сочиненное самимъ ораторомъ.

»Весь мой путь, говоритъ онъ, начиная съ Бриндъ до Рима усѣянъ былъ безпрерывными рядами различныхъ народовъ Италіи. Не было ни одного округа, ни одного города, которой не выслалъ бы меня поздравить. Чтожъ скажу я о томъ, какимъ образомъ принимали меня по прибытіи моемъ въ каждое мѣсто? какъ изъ городовъ и деревень отцы семейства съ сво-

ими женами и дѣтьми или выходили ко мнѣ на встрѣчу или дожидались меня на дерогахъ, дабы изъявить мнѣ свою радость? дни возвращенія моего праздновали не съ такимъ ли же веселіемъ и пышностію, какъ дни посвященные безсмертнымъ богамъ? Но наипаче тотъ день, въ которой я вступилъ въ Римъ, сей единый день останется для меня безсмертнымъ. Весь Сенатъ и весь народъ за городскими воротами встрѣтилъ меня: и самый Римъ, потрясаясь въ основаніяхъ своихъ, казалось, шелъ облобызать блюстителя своего. Видя сіе сказали бы, что не только мужчины и женщины всякаго возраста, всякаго чина, всякаго состоянія, но самыя стѣны, домы и храмы увидѣвъ меня, ощущали радостный восторгъ.» Изъ сей безчисленной толпы большихъ и малыхъ исключить должно только явныхъ враговъ Цицерона; ибо самый Крассъ, не взирая на прежнія ссоры, присоединился къ прочимъ по просьбѣ сына своего, достойнаго молодаго почитателя Цицеронова.

Когда сей великій человѣкъ приближился къ проходу Капенскому: то ступени близь лежащихъ храмовъ наполнены были невѣроятнымъ множествомъ народа, которой увидѣвъ его билъ въ ладоши, и наполнялъ воздухъ радостными, поздравительными криками. Все сіе сборище сопровождало его тысячью рукоплесканій до самой Капитоліи, куда онъ сперьва шелъ исполнить обязанности, предписанныя религіею. Потомъ проводили его такимъ же образомъ до того дома, въ которомъ онъ долженъ былъ остановиться.

На другой день пятаго Сентября онъ изъявилъ свою благодарность Сенату; засвидѣтельствовалъ свою признательность всѣмъ судьямъ, своимъ благодѣтелямъ, народу и въ особенности Помпею.

ДРУИДЫ, ИЛИ ЖРЕЦЫ ГАЛЛОВЪ.

Религія и всѣ обязанности, требующія познаній, находились въ распоряженіи Друидовъ: они были первосвященники, философы, стихотворцы, судьи Галловъ; ихъ долгъ былъ отправлять жертвоприношенія общественныя и частныя. Гаданія основанныя на магіи, всѣ принадлежности богопочитанія, всѣ смѣшанныя понятія о законѣ естественномъ, или заблужденія подъ именемъ религіи были ихъ пружиною.

Поезія нравственная и богословская, или похвалы древнихъ отечественныхъ героевъ составляли ихъ стихотворенія; или наконецъ изъ подлаго ласкательства они воспѣвали славу царей и вельможъ, которые содержали ихъ на своемъ иждивеніи. Философія ихъ основывалась не на однихъ правилахъ нравственности; она вникала въ глубину Природы. Но намъ

лучше всего извѣстно мнѣніе ихъ о безсмертіи душъ, коихъ перемѣнному переселенію въ различныя тѣла они вѣрили подобно Пиѳагору. Они разсѣвали сіе ученіе между людьми непросвѣщенными, дабы поощрить ихъ къ добродѣтели и вселить въ нихъ презрѣніе къ смерти.

Наконецъ Друиды присвоили себѣ судейскую власть. Они разбирали общественныя и частныя жалобы; опредѣляли часто миръ и войну между гражданами. Уголовныя дѣла, а особенно смертоубійственныя, тяжбы о наслѣдствѣ, о размежеваніи земель поступали въ ихъ судилище. Они соединяли власть религіи съ властію судей, такъ, что ежели человѣкъ частной или даже цѣлой народъ отрицался покоряться имъ, то они произносили противъ мятежниковъ нѣкоторой родъ отлученія, по которому почитали ихъ за невѣждъ, запрещали имѣть съ ними сообщеніе, и лишали всѣхъ правъ общественныхъ.

Чтобъ быть приняту въ ихъ общест-

во, надобно было съ юныхъ лѣтъ пользоваться ихъ уроками. Ученики ихъ по способу ученія обязаны знать удивительное число стиховъ. Они содержали ихъ иногда въ семъ занятіи лѣтъ двадцать; ибо ничего не писавъ, скрывали таинства своего ученія, дабы удивить чернь, не выводя ее изъ невѣжества. Друиды избирали начальника изъ самихъ себя и сами собою, человѣка отличнаго. Такимъ образомъ мѣсто сіе, когда было праздно, возраждало толь сильное желаніе въ честолюбцахъ, что часто происходили отъ того междоусобія.

Они дѣлали свое общее собраніе въ извѣстное время года между рѣками Евромъ и Луаромъ, которое мѣсто почиталось у Галловъ срединою и сердцемъ Галліи. Тамъ-то судимы были всѣ важныя общественныя дѣла.

РЕЛИГІЯ ГАЛЛОВЪ.

Касательно религіи, Галлы были чрезвычайно суевѣрны. Цезарь въ своихъ запискахъ повѣствуетъ съ крайнею подробностію о гнусныхъ жертвоприношеніяхъ ихъ, въ которыхъ они умерщвляли людей для укрощенія гнѣва боговъ своихъ. Сіи ужасныя беззаконія составляли часть публичнаго богопочитанія. Сверьхъ того частные люди, находясь въ какой нибудь опасности, давали обѣтъ принести въ жертву людей, ибо были увѣрены, что жизнь человѣческая могла искупиться только жизнію другаго человѣка.

Обрядъ заколенія сихъ несчастныхъ жертвъ не всегда былъ одинаковъ. Иногда жрецы вонзали кинжалъ въ спину опредѣленнаго на жертву богамъ ихъ и трепетаніемъ умирающаго хотѣли узнать или предсказать будущее. Другихъ пора-

жали они спрѣлами, или пригвождали ко кресту. Но самое торжественное обыкновеніе у нихъ было сооружать простниковые колоссы, въ которыхъ запирали живыхъ людей съ домашнимъ скотомъ и дикими животными, потомъ зажигали ихъ. Сими несчастными жертвами были часто преступники, а за недостаткомъ ихъ умерщвляли невинныхъ.

Главные боги почитаемые у Галловъ были Меркурій, Аполлонъ, Марсъ, Юпитеръ и Минерва.

Не льзя сказать, чтобъ они знали издревле сіи имена, которыя происходятъ или отъ Грековъ, или отъ Римлянъ; но они покланялись подъ именами своего отечества тѣмъ божествамъ, коимъ приписывали исполненіе свойственныхъ имъ должностей и проч. *Тевтъ* былъ у нихъ Меркурій; *Гезъ* богъ войны; *Таранисъ* богъ неба; *Беленъ* богъ врачевства, и они почитали богиню присутствующую, подобно Минервѣ, при издѣліяхъ льна и шерсти.

Таково было заблужденіе предковъ

Французовъ! благословимъ провидѣніе, даровавшее религію всесвятую, которая налагая на всѣхъ долгъ кротости и любви, истребила сіи кровавыя явленія, сіи человѣкоубійственныя жертвы, кои приносимы были отъ многихъ народовъ. Христіянство освободило страны отъ великихъ кровопролитій.

СЛАВА ЦЕЗАРЕВА ПРЕИМУЩЕСТВЕННѢЕ СЛАВЫ ВСѢХЪ ПРОЧИХЪ ПОЛКОВОДЦЕВЪ РИМСКИХЪ. ЕГО ХАРАКТЕРЪ.

Разсуждая о Цезарѣ только по отношенію воинскому, говоритъ Плутархъ, ежели желаютъ сравнить съ нимъ Сципіоновъ и Фабіевъ, Маріевъ и Силловъ, и наконецъ Помпея, коего слава въ то же самое время возвысилась до небесъ, то увидятъ, что они всѣ должны уступить ему пер-

вое мѣсто. Онъ превосходитъ одного трудностію мѣстъ, въ которыхъ велъ войну, другаго обширностію странъ имъ завоеванныхъ, инаго числомъ и мужествомъ непріятелей имъ покоренныхъ, того жестокостію и непостоянствомъ умовъ и характеровъ имъ смягченныхъ и образованныхъ; однихъ милосердіемъ оказываемымъ къ побѣжденнымъ; другихъ щедростію къ своимъ воинамъ, а наипаче числомъ выигранныхъ сраженій, и умерщвленныхъ непріятелей; ибо онъ, во время восьми войнъ, взялъ восемь сотъ городовъ, покорилъ триста народовъ, и сражаяся въ различныхъ случаяхъ противъ трехъ миліоновъ человѣкъ, убилъ изъ нихъ миліонъ, захвативъ въ плѣнъ равное число.

Плиній присовокупляетъ къ сему, что Цезарь сражался пятьдесятъ разъ въ боевомъ порядкѣ, и убилъ непріятелей миліонъ сто девяносто четыре тысячи человѣкъ, не считая тѣхъ, которые погибли въ междоусобныхъ браняхъ.

Изъ воинскихъ талантовъ Цезаря одинъ

заслуживаетъ вящшую похвалу; онъ умѣлъ не только заставить своихъ воиновъ любить себя до обожанія, но вдохнуть въ нихъ всю свою пылкость и все благородство своихъ чувствованій. Для сего онъ употреблялъ два средства: награждалъ, щедрою рукою, распредѣляя свои сокровища каждому по достоинству; во всемъ подавалъ примѣръ, и, когда нужно было, подвергался всякимъ опасностямъ, переносилъ всякія трудности.

Неустрашимость его въ опасныхъ случаяхъ была удивительна. Не льзя было понять, какимъ образомъ онъ могъ при своемъ слабомъ сложеніи тѣла переносить всякаго рода труды; ибо былъ не здоровъ, и подверженъ часто головной боли и припадкамъ падучей болѣзни. Однако худое его здоровье не было для него предлогомъ предаваться нѣгѣ; но онъ хотѣлъ, чтобъ война служила ему лѣкарствомъ. Онъ стѣснялъ болѣзнь свою трудными походами, простою и воздержною жизнію, проводя ночи на открытомъ воздухѣ, привыкъ весьма часто

спать въ повозкѣ. Когда онъ путешествовалъ днемъ, то имѣлъ при себѣ секретаря привыкшаго писать съ словъ его, и назади воина; въ семъ-то состояла вся его свита. Будучи дѣятеленъ до чрезвычайности, и дорого цѣнивъ каждую минуту, не хотѣлъ заниматься большими снарядами, дабы не опоздать или не замедлить.

Сія скорость, подобная грому и молніи, сей умъ, коего пружины были въ безпрестанномъ дѣйствіи, суть отличительныя черты характера Цезарева. Его вдругъ на все доставало. Увѣряютъ, что онъ въ одно и тоже время писалъ и читалъ, диктовалъ секретарю и разговаривалъ съ пришедшими къ нему. Касательножъ писемъ его, относившихся до важнѣйшихъ дѣлъ, когда онъ занимался единственно ими, то диктовалъ вдругъ четыре письма четыремъ писцамъ.

Къ сей чрезвычайной скорости, къ сему обширному генію присоединялъ онъ гибкость и скромность нравовъ, дѣлавшихъ его весьма любезнымъ. Однажды

въ походѣ худая погода принудила его удалиться въ такую хижину, въ которой одному человѣку едва помѣститься было можно. Онъ сказалъ тогда друзьямъ своимъ, которые съ нимъ были, что отличныя почести принадлежали тѣмъ, кои занимали первое мѣсто, но нужныя пособія слабымъ. И такъ предоставилъ хижину больному Оппію: чтожъ касалось до себя, то онъ провелъ ночь съ прочими подъ кровлею. Кто бы могъ сравниться съ Цезаремъ, ежели бы онъ соединилъ съ столь великими качествами уваженіе къ правосудію, и любовь къ добродѣтели?

ТЕАТРЪ ПОМПЕЕВЪ.

(697 года отъ построенія Рима.)

До втораго Помпеева консульства не было въ Римѣ долговременныхъ и продолжительныхъ театровъ, и они существовали столько времени, сколько продолжались представляемыя въ оныхъ игры.

Помпей велѣлъ построить домъ и опредѣлить оный всегдашнимъ жилищемъ, въ коемъ онъ сдѣлалъ великое отверстіе по древнему постановленію.

Театръ сей былъ чрезвычайно обширенъ, потому что можно было помѣстить въ ономъ до сорока тысячь человѣкъ. Такимъ образомъ издержки на такое зданіе долженствовали быть весьма велики. Совершенно же кончилась работа въ третье консульство Помпеево; основаніе онаго положено во второе консульство. Онъ для сего праздника далъ народу великолѣпныя игры всякаго рода, театральныя представленія, сраженія борцовъ и бойцевъ, травли львовъ и слоновъ. Но великолѣпіе оныхъ не имѣло вкуса, и Цицеронъ, который присутствовалъ на сихъ играхъ, дѣлаетъ онымъ такое описаніе, которое пріятнѣе всякаго зрѣлища.

« Снарядъ игръ нашихъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ другу, былъ величественъ; но сомнѣваюсь, чтобъ онѣ доставили тебѣ большое удовольствіе. Вопервыхъ

въ честь Помпею актеры вышли на театръ, и опять сошли съ онаго весьма благопристойно. Только Езопъ, славный трагикъ, игралъ такимъ образомъ, что всякій зритель желалъ уйти. Произнося клятву, онъ совершенно лишился голоса. Что скажу тебѣ о прочемъ? ты часто видалъ игры; сіи не имѣли даже той пріятности, какую имѣютъ общія и обыкновенныя; ибо пышность снаряда отнимала у оныхъ всю веселость. Подлинно къ чему выведены были на театръ шесть сотъ лошаковъ во время представленія трагедіи *Клитемнестера*, или выставлены при тысячи сосудовъ въ піесѣ *Троянская лошадь*? Все сіе можетъ удовлетворить любопытству невѣждъ и удивить простолюдимовъ, но не можетъ доставить удовольствія людямъ просвѣщеннымъ. Чтожъ касается до деревенскихъ представленій: то ты не долженъ объ нихъ жалѣть, поелику можешь видѣть съ нихъ сколокъ въ собраніяхъ Сената. На сраженія бойцовъ, по признанію самаго Помпея, потеряны

деньги. Напослѣдокъ представлена была травля и продолжалась дней пятнадцать. Надобно согласиться, что сіи представленія великолѣпны. Шесть сотъ львовъ, осьмнадцать слоновъ. Есть чему подивиться. Но человѣкъ умный какое удовольствіе можетъ найти, видя слабаго человѣка, раздираемаго великимъ и сильнымъ звѣремъ, или прекраснаго звѣря пронзеннаго дротикомъ? Въ послѣдній день появились слоны, которые въ народѣ произвели удивленіе, но никакого удовольствія: самой народъ пронутъ былъ сожалѣніемъ, что сіе животное имѣетъ понятіе, и умомъ сходствуетъ съ человѣкомъ.»

Надобно признаться, что Помпею весьма худо заплатили за его труды и чрезвычайныя издержки, ежели многіе зрители думали такъ, какъ Цицеронъ. Однако же онъ былъ вознагражденъ почтеніемъ глупцевъ, составляющихъ всюду великое число, такимъ почтеніемъ, въ коемъ часто вельможи имѣютъ болѣе

нужды, нежели въ одобреніи малаго числа людей просвѣщенныхъ.

ВЫСАДКА ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ ВЪ БРИТАНІЮ.

(697 года отъ построенія Рима).

Послѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ военныхъ дѣяній въ Германіи, Цезарь, имѣя непреоборимую наклонность къ блистательнымъ подвигамъ, принялъ намѣреніе пройти въ Британію, и внести войну въ новый свѣтъ (тогда Британію почитали новымъ свѣтомъ). Англія столь мало извѣстна была въ сіи времена, что многіе Географы сомнѣвались назвать ее островомъ, и по мнѣнію Тацита, совершенно увѣрились въ томъ спустя сто лѣтъ, когда Римской флотъ, по приказанію Агриколы, вокругъ нее объѣхалъ. Однако Цезарь всегда говоритъ объ ней, какъ объ островѣ; оди-

накагожъ былъ мнѣнія и Страбонъ, которой писалъ въ началѣ царствованія Тиверія.

Въ половинѣ весны возродилось въ Цезарѣ намѣреніе, о которомъ мы теперь говоримъ. Это было новое побужденіе его естественной пылкости. И такъ, онъ пришелъ въ скоромъ времени въ страну Мориновъ — народъ обитавшій между рѣками Соммою и Шельдою — откуда, какъ онъ зналъ, есть ближайшій проѣздъ въ Британію. Въ сосѣдственныхъ странахъ онъ собралъ сколько можно болѣе корблей и велѣлъ приплыть флоту, которой сооруженъ по его приказанію противъ Велетовъ.

Слухъ о намѣреніи Цезаря скоро распространился по всей Британіи. Нѣкоторые народы устрашась сего, отправили къ нему пословъ съ покорностію, и предложили ему аманатовъ.

Флотъ Цезаря состоялъ въ линейныхъ карабляхъ, или галерахъ, снаряженныхъ по военному, и въ перевозныхъ судахъ. Онъ посадилъ два легіона

на восемдесяпть судовъ; а для конницы назначилъ восьмнадцапть. Сѣдши на корабль, самъ оспавилъ начальника съ войсками для охраненія приспани, а оспапокъ войска послалъ во владѣнія Моринова, копорые не были еще покорены.

Цезарь сдѣлавъ всѣ сіи распоряженія, дождался благопріяпнаго вѣтра. Онъ выѣхалъ въ полночь и за конницею послалъ въ другую приспань съ пакимъ приказаніемъ, чпобы слѣдовали за нимъ въ самой скоросппи. Но въ семъ случаѣ худо его послушались. Плывучи впереди своего флота, онъ примѣтилъ землю въ четвертомъ часу по полуночи. Берегъ, копорой увидѣлъ онъ, не удобенъ былъ для высадки; попому что его покрывали песчаные пригорки, а сіи пригорки наполнены были дикими. И пакъ Цезарь велѣлъ бросипь якорь, ожидая, чпобы всѣ его корабли съ нимъ соединились. Въ девяпомъ часу при благополучномъ вѣтрѣ подошелъ онъ еще на восемь пысячь шаговъ; погда пока-

зался ровной берегъ, на которой и рѣшился онъ сдѣлать высадку.

Дикіе не теряли изъ виду Римскаго флота, и напередъ пославъ свою конницу, пустили пѣхоту съ чрезвычайною скоростью, чтобы всѣми силами воспрепятствовать высадкѣ. Корабли Римскіе столь удалились отъ берега, что воинамъ надобно было бросаться въ море. Извѣстно, что между воинами тяжело вооруженными и не привыкшими сражаться въ водѣ, и между дикими проворными и легкими, не имѣвшими никакихъ неудобствъ, сраженіе долженствовало быть не равное. Такимъ образомъ мужество начинало уменьшаться въ Римлянахъ, какъ знаменоносецъ десятаго легіона ободрилъ ихъ, показавъ имъ собою примѣръ, и бросился съ своего корабля въ море.

Между тѣмъ Цезарь посажавъ воиновъ на легкія суда, дабы идти на помощь тѣмъ, кои сражались стоя въ водѣ; но всего болѣе поспѣшествовало успѣшной высадкѣ то, что онъ велѣлъ двинуться

галерамъ, дабы зайти съ боку непріятелю и пустить въ нихъ тучу стрѣлъ машинами, совершенно имъ неизвѣстными. Наконецъ послѣ великихъ трудовъ и опасностей достигли берега, и какъ скоро вышли на твердую землю: то напали на дикихъ съ такимъ мужествомъ, что совершенно ихъ разсѣяли. Сіи самые народы, которые издавна сопротивлялись съ толикимъ мужествомъ высадкѣ Римскаго войска, не получивъ въ томъ успѣха, послали къ Цезарю депутатовъ съ изъявленіемъ совершенной своей покорности. Цезарь выслушалъ ихъ съ тихостію и потребовалъ отъ нихъ заложниковъ. Все по видимому клонилось къ миру; но одинъ страхъ руководствовалъ варварами, и они ожидали только случая возобновить непріятельскія дѣйствія.

Къ несчастію Цезаря, корабли нагруженные его конницею, были разбиты сильною бурею и многіе принуждены были выдти на твердую землю. Въ туже самую ночь случилось полнолуніе, и на-

ступило равноденствіе; отъ стеченія сихъ двухъ обстоятельствъ сдѣлался приливъ. Цезарь по невѣдѣнію не принялъ въ томъ никакой предосторожности для спасенія кораблей своихъ; почему многіе претерпѣли кораблекрушеніе, разбиты и поглощены волнами. Сіе произшествіе повергло его въ крайнее смущеніе; ибо мало у него осталось людей и съѣстныхъ припасовъ.

Варвары, видѣвъ враговъ своихъ въ толь затруднительномъ положеніи, возимѣли надежду истребить ихъ. И такъ, они начали соединяться, тайнымъ образомъ собирать свои войска, дабы при первомъ удобномъ случаѣ напасть на Римлянъ. Но Цезарь, какъ человѣкъ осторожный, готовился ко всему. Онъ посылалъ ежедневно жать рожь въ поляхъ и возить оную въ свой лагерь, употребивъ неспособные корабли на починку мало поврежденныхъ. Симъ способомъ онъ починилъ двѣнадцать кораблей и велѣлъ быть всѣмъ прочимъ въ готовности. Между тѣмъ варвары нашли бла-

топріятный случай къ нападенію. Они замѣтили, что Римляне должны были придти на жатву и засѣли въ лѣсу. Когда седьмой легіонъ вышелъ въ поле, то они вдругъ выбѣгаютъ изъ лѣсу, нападаютъ на него, и хотятъ окружить его своими военными колесницами. Безъ сомнѣнія, легіонъ не имѣлъ бы силъ сопротивляться, ежели бы не подоспѣли къ нему на помощь. Цезарь извѣстясь о такой крайности, не промедлилъ ни одной минуты. Онъ присутствіемъ своимъ привелъ все въ порядокъ; однако не разсудилъ за благо преслѣдовать варваровъ, а доволенъ былъ тѣмъ, что обратно отвелъ легіоны свои въ лагерь. Спустя нѣсколько дней, было сраженіе близъ укрѣпленій Римскихъ, въ которомъ островитяне были опрокинуты, и въ слѣдъ за симъ нѣкоторыя деревни обращены въ пепелъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ варвары послали депутатовъ къ Цезарю просить о мирѣ. Онъ воспользовавшись симъ благопріятнымъ случаемъ, выговорилъ двой-

ное число заложниковъ прошивъ прежняго, и потребовалъ, чтобы ихъ прислали къ нему въ Галлію. Вскорѣ по заключеніи мирнаго договора, онъ при первой хорошей погодѣ обрашился въ свое опечество.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И НРАВЫ ПАРѲЯНЪ.

Въ продолженіи многихъ вѣковъ, Парѳяне находились въ совершенной неизвѣстности. Въ 502 году отъ основанія Рима въ царствованіе Антіоха, Царя Сирійскаго, Арзасъ, человѣкъ низкаго произсхожденія, возсталъ противъ тираніи правителей Македонскихъ, и сдѣлался такимъ образомъ основателемъ Имперіи, съ начала которой считается эра Арзасидовъ. Арзасъ даровалъ націи своей свободу, разпространилъ свои завоеванія,

которыя еще болѣе умножены были его преемниками, находившимися всегда въ войнѣ съ царями Сирійскими, со Скиѳами, Бактріянами и Армянами. Наконецъ они такъ усилились, что во время несчастія Красса и его войска, завладѣли почти всѣми странами между Оксомъ и Ефратомъ. Столичные города были у нихъ Ктезифонъ на Тигрѣ и Екватана въ Мидіи.

Нравы сей націи, отъ Скиѳовъ происшедшей, сперва показывали прежнюю жестокость и грубость своего климата. Но когда они учинили великія завоеванія и покорили страны, привыкшія къ забавамъ; тогда богатства и удовольствія смягчили нравы ея. Парѳяне начали пышно одѣваться и распутная жизнь вошла у нихъ въ обыкновеніе. О семъ можно судить по Суренѣ, побѣдившемъ Красса. Его военные снаряды везены были на тысячи верблюдахъ, а за нимъ ѣхали двѣсти колесницъ съ его наложницами. Оружія они сохраняли тѣ же, какія заимствовали отъ Скиѳовъ. Другія ихъ войска

имѣли только при себѣ лукъ и стрѣлы, и сражались всегда на коняхъ. Всѣмъ извѣстно, что они столько же были страшны во время бѣгства, сколько во время сопротивленій непріятелю.

Лошади были у нихъ въ общемъ употребленіи, не только на войнѣ, но и во всякое время. На обѣдъ, въ гости, за общественными и частными дѣлами, въ городъ и въ деревню, на рынокъ, на гулянье всегда ѣздили верьхомъ. Однимъ словомъ, въ томъ состояло у нихъ различіе, что люди свободные всюду показывались на лошадяхъ, а невольники пѣшіе. Однакожъ сіе различіе наблюдаемо только было въ мирное время, а въ военное все войско, составленное по большой части изъ невольниковъ, было на коняхъ. Такимъ образомъ они пеклись объ нихъ, какъ о своихъ собственныхъ дѣтяхъ, учили ихъ ѣздить верьхомъ и стрѣлять изъ лука.

Парѳяне были горды, мятежливы и и склонны къ обману. Они почитали скромность женскою добродѣтелью; а

насиліе по ихъ мнѣнію дѣлало честь мущинамъ. Они столько были всегда безпокойны, что имѣли нужду во внѣшней войнѣ, или внутреннихъ мятежахъ. Будучи отъ природы молчаливы, болѣе дѣйствовали, нежели говорили; ни счастіе, ни несчастіе не нарушали ихъ молчаливости; царямъ своимъ повиновались только изъ страха, а не по обязанности, и не льзя было надѣяться на ихъ слова и обѣщанія.

ОСАДА АЛИЗЫ ЦЕЗАРЕМЪ.

(700 года отъ основанія Рима).

Осада Ализы есть произшествіе достопамятнѣйшее изъ всѣхъ сраженій Цезаря въ Галліи, и произшествіе такое, въ которомъ сей великій полководецъ показалъ самые блистательные знаки отважности и искусства, совершенно заслуживающіе наше удивленіе. Подлин-

но кажется невѣроятнымъ, чтобы съ десятью легіонами, состоявшими не болѣе, какъ изъ шестидесяти тысячь пѣхоты, и можетъ быть, изъ двѣнадцати тысячь конницы, полагая въ томъ числѣ иностранную конницу, полководецъ могъ окружить восемдесять тысячь непріятелей, и съ тыла сопротивляться войску, составленному изъ двухъ сотъ сорока тысячь человѣкъ, пришедшихъ на помощь къ осажденному мѣсту. Цезарь примѣтивъ, что Галлы опечалились пораженіемъ конницы своей въ сраженіи, которое онъ далъ Версингеториксу, лучше рѣшился на отважное предпріятіе, нежели на осаду великаго и укрѣпленнаго города, въ стѣнахъ котораго дѣйствительно находилось войска восемьдесять тысячь человѣкъ. Городъ Ализа стоялъ на верху горы, которую нынѣ называютъ Авксіею; Версингеториксъ расположился лагеремъ на скатѣ горы. И такъ Цезарь началъ протягивать линію противъ вылазки осажденныхъ, которою и окружилъ городъ и ла-

теръ Галловъ на одиннадцать тысячѣ шаговъ; Версингеториксъ передъ укрѣпленіемъ велѣлъ сразиться конницѣ, но безъ успѣха. Сей полководецъ, полагаясь только на сильное и многочисленное войско, конницѣ приказалъ отступить въ другое мѣсто, а пѣхотѣ войти въ городъ, и разослалъ повелѣнія по всѣмъ городамъ и селамъ, чтобъ записывать въ воины всѣхъ тѣхъ, кои въ состояніи владѣть оружіемъ.

Когда линіи протянутыя противъ вылазки осажденныхъ были кончены и мѣсто довольно было окружено: тогда Цезарь окопался въ полѣ рвами, и сдѣлалъ укрѣпленія на четырнадцать тысячь шаговъ. Сіи новыя линіи противопоставлены вспомогательному войску, котораго ожидалъ Версингеториксъ.

Вся Галлія стремилась приготовить сіе вспомогательное войско. Соединенныя силы каждаго народа составили войско изъ двухъ сотъ сорока тысячь человѣкъ пѣхоты, и изъ осмнадцати тысячь конницы. Страна Едуенская была об-

щимъ сборищемъ. Сдѣлали войску сему смотръ, назначили четырехъ начальниковъ, произвели военный совѣтъ; послѣ сего всѣ пошли къ Ализѣ съ духомъ мужества и самонадѣянности, и расположились лагеремъ на холмѣ въ пяти стахъ шагахъ отъ Римскаго укрѣпленія.

На другой день Галльская конница остановилась въ пространной долинѣ, которая видна была изъ города. Осажденные почувствовавъ неизъяснимую радость, вышли немедленно изъ крѣпости, дабы содѣйствовать въ сильномъ нападеніи пришедшимъ къ нимъ на помощь; но надежда ихъ была тщетна; они сами собою мало успѣли, а конница опрокинутая Римлянами, отступила съ потерею. Чрезъ сутки Галлы сдѣлали новое покушеніе и вознамѣрились сбить съ мѣста войско, по долинѣ разположенное. Въ то же время Версингеторриксъ сдѣлалъ вылазку. Римляне прибѣжали на шумъ и бросились къ защищенію. Приступъ былъ жестокъ на про-

странствѣ поля. Римляне защищались съ мужествомъ, и сверьхъ того укрѣпленія Цезаря оборонялись сами собою. Въ слѣдующій день наступавшіе не могли разбить ни одной части войска, устрашась тогда, чтобъ Римскія войска не напали на нихъ съ боку, оставили свое предпріятіе.

Два безполезныя покушенія не привели въ отчаяніе Галловъ. Они искали слабѣйшаго мѣста въ укрѣпленіяхъ и нашли его. Съ сѣверной стороны города находился холмъ столь великой окружности, что можно было въономъ сдѣлать окопы, размѣстить Римлянъ по скату и оставить на возвышенности. Тамъ расположились лагеремъ два легіона подъ начальствомъ двухъ Генералъ-Лейтенантовъ. Галлы узнавъ обо всемъ подробно отдѣлили пятьдесятъ пять тысячь человѣкъ, которые, идучи во время ночи, и остановившись по утру позади горы для роздыха, вдругъ показались въ половинѣ дня, и съ яростію напали на лагерь двухъ легіоновъ. Въ

то же время конница шла долиною, и все войско показалось передъ лагеремъ. Версингеторiксъ изъ крѣпости Ализы видѣвъ сiи движенiя, сдѣлалъ вылазку сильнѣе прежней.

Римляне, окруженные со всѣхъ сторонъ, во всемъ имѣли недостатокъ. Цезарь избралъ себѣ такое мѣсто, откуда ему видно было все сраженiе. Онъ раздавалъ повелѣнiя, и подкрѣплялъ приходившихъ въ изнеможенiе.

Съ одной стороны Версингеториксъ, а съ другой Галлы нападавшiе на два легiона, въ сей день показали чудесную храбрость. Чуть было Римскiя войска не приведены были въ безпорядокъ; но Цезарь успѣлъ остановить; онъ велѣлъ идти изъ разныхъ мѣстъ свѣжимъ войскамъ, предводительствовалъ лично съ той и другой стороны, и его присутствiе всюду одерживало побѣду. Пораженiе отряда Галловъ было совершенно. Римляне взяли семьдесятъ четыре знамя, и изъ толь великаго числа вои-

новъ весьма не многіе могли спастися. Всѣ обратились въ бѣгство; и ежели бы усталость не воспрепятствовала преслѣдовать бѣглецовъ, то многочисленное войско совершенно было бы истреблено. Въ самую полночь Цезарь отрядилъ свою конницу, которая догоняя оставшихъ, производила ужасное кровопролитіе, и не малое число захватила въ плѣнъ.

Осажденные будучи лишены всѣхъ способовъ продолжать войну, принуждены были сдаться непріятелю. Версингеторіксъ собралъ совѣтъ и сдѣлалъ оному предложеніе о сдачѣ. На всё согласились, бросили свои оружія въ ровъ, и предали Цезарю въ руки всѣхъ своихъ военачальниковъ. Версингеториксъ вооружившись съ ногъ до головы, сѣлъ на богато убранную лошадь, подъѣхалъ къ побѣдителю, и, объѣхавъ его кругомъ, сошелъ съ лошади, снялъ свое вооруженіе и повергся къ ногамъ Цезаря, который оставилъ его въ плѣну для торжественнаго шествія.

Цесаръ переходитъ за Рубиконъ.

И ты противъ меня, сынъ мой!

ПЕРЕХОДЪ ЦЕЗАРЯ ЧРЕЗЪ РУБИКОНЪ. ПОМПЕЙ И СЕНАТЪ ОСТАВЛЯЮТЪ РИМЪ.

(705 года отъ построенія Рима.)

Честолюбіе соединило Цезаря съ Помпеемъ; оно же и раздѣлило ихъ. Помпей съ начала своего третьяго консульства имѣлъ почти совершенную власть въ Римѣ; но Цезарь не хотѣлъ ни повиноваться ему, ни даже имѣть его своимъ совмѣстникомъ, и, слѣдовательно, укоренился въ своемъ управленіи Галліею, не взирая на всѣ усилія, употребляемыя въ Римѣ для униженія его въ глазахъ народа. Римъ и вся Италія находились въ опасномъ состояніи, которое долженствовало произвести великой шумъ при первомъ случаѣ. Два легіона, отнятые у Цезаря и отданные Помпею, повелѣніе защищать отечество противъ Цезаря, данное Кон-

суломъ Марцелломъ послѣднему, были предзнаменованіемъ междуусобной брани, и той непримиримой ненависти, которая была столь гибельна для Помпея.

Цезарь находился тогда въ Италіи съ однимъ легіономъ, которой опредѣленіемъ Сената велѣно было распустить; Цезарь приготовлялся къ открытой войнѣ съ отечествомъ своимъ, подъ предлогомъ отмщенія за право трибунства, нарушенное въ особахъ Антонія и Кассія. Небольшая рѣка, называемая *Рубиконъ*, служила предѣломъ его управленія; онъ не могъ перейти черезъ нее, не сдѣлавшись ослушникомъ законовъ и не обнаруживъ своего намѣренія. Сколько онъ ни былъ рѣшителенъ, какъ человѣкъ самой отважнѣйшій своего времени; но мысль о злополучіяхъ, которыя хотѣлъ причинить вселенной, и опасности, коимъ подвергался, представлялись уму его въ сію нещастную минуту, устрашали, и удерживали нѣсколько его дѣятельность. Онъ остановился на берегу и, обратясь къ друзь-

ямъ своимъ сказалъ: *мы еще можемъ обратиться назадъ, но ежели перейдемъ за сей дикой макъ, то надобно будетъ довершить предпріятіе силою оружія. . . .* И помысливъ съ минуту, вскричалъ: *Пойдемъ, куда призываютъ насъ воля боговъ, и несправедливость враговъ нашихъ, жребій брошенъ.* Такимъ образомъ онъ пустился на сей рѣшительной и отважной поступокъ, предугадывая пагубныя слѣдствія онаго. Цезарь перешедши чрезъ Рубиконъ, пошелъ къ Риминамъ, и овладѣлъ оными. Ужасное уныніе распространилось въ Римѣ при извѣстіи о сихъ двухъ происшествіяхъ. Ежеминутно ожидали Цезаря, который явится у воротъ городскихъ съ десятью своими легіонами и множествомъ Германцевъ и Галловъ. Самъ Помпей не зналъ что дѣлать, хотя имѣлъ при себѣ болѣе войска, нежели его соперникъ.

По данной ему отъ Сената власти онъ приказалъ всѣмъ Сенаторамъ выдти изъ Рима и слѣдовать за собою, съ яснымъ

объявленіемъ, что тотъ почтется сообщникомъ Цезаря, кто останется въ городѣ. Можно имѣть понятіе о мятежѣ и безпорядкѣ происшедшемъ отъ сего побѣга. Но въ этомъ обстоятельствѣ достойно примѣчанія то, что въ то же самое время, въ которое находившіеся въ Римѣ старались выдти изъ онаго скорыми шагами, изо всѣхъ сосѣдственныхъ городовъ удалялись съ таковою же поспѣшностію, дабы не попасться въ руки Цезаря и войска его во всей этой части Италіи дороги были покрыты безчисленнымъ множествомъ мужчинъ и женщинъ, которые давали другъ друга.

Консулы оставили Римъ, не сдѣлавъ жертвоприношеній, и не исполнивъ тѣхъ обрядовъ религіи, коихъ требовали ихъ должность и званіе, чего никогда неслучалось. Преторы, народные трибуны, Консулы, и всѣ почти Сенаторы слѣдовали за Помпеемъ. Такимъ образомъ все дворянство республики находилось на сторонѣ Помпея, но вся сила была съ Цезаремъ.

Помпей выступивъ изъ Рима, прошелъ мимо Кампаніи и рѣшился занять Пуиллу. Его цѣль была утвердиться въ Италіи, собравъ тамъ подать и рать воиновъ, а въ случаѣ нужды переѣхать чрезъ море и взбунтовать восточную страну. Цезарь не далъ долго пробыть ему въ Бриндахъ, откуда Консулы отправились въ Эпиръ; онъ пошелъ осаждать сей городъ, и принудилъ Помпея сѣсть на корабль и оставить Италію.

ЗНАМЕНИТОЕ ФАРСАЛЬСКОЕ СРАЖЕНІЕ МЕЖДУ ЦЕЗАРЕМЪ И ПОМПЕЕМЪ.

(704 года отъ основанія Рима.)

Съ нѣкотораго времени Греція учинилась театромъ войны между Цезаремъ и Помпеемъ; но сколь ни велико было желаніе перваго сдѣлать генеральное и рѣшительное сраженіе, онъ не

могъ къ тому принудить своего соперника. Наконецъ Лабіенъ уговорилъ Помпея кончить однимъ сраженіемъ ссору, на которую весь свѣтъ взираетъ открышыми глазами. Двѣ арміи стояли въ долинахъ Фарсальскихъ въ Македоніи. Помпей устроилъ свои войска съ благоразуміемъ и искусствомъ; онъ поставилъ въ центрѣ и на двухъ крылахъ старыхъ воиновъ, и размѣстилъ новыхъ въ разстояніи между крылами и мѣстомъ сраженія. Сципіонъ занималъ центръ съ легіонами, которые онъ привелъ изъ Сиріи. Надъ крылами начальствовали съ одной стороны Лентулъ, а съ другой Домицій Агеноборбъ. Самъ Помпей сталъ на лѣвомъ крылѣ, потому что съ сей стороны устремивъ свои силы, надѣялся одержать вдругъ побѣду. По сей причинѣ онъ соединилъ въ томъ же мѣстѣ всю свою конницу, всадниковъ своихъ и стрѣльцовъ.

Цезарь раздѣлилъ также свою армію на три корпуса подъ предводительствомъ трехъ начальниковъ. Домицій Каль-

винъ начальствовалъ въ центрѣ, Маркъ Антоній на лѣвомъ крылѣ, а Публій Сулла на правомъ. Цезарь сталъ напротивъ Помпея съ десятымъ легіономъ, который былъ имъ весьма любимъ. Дабы не допустить до дѣйствія многочисленную конницу Помпееву, онъ выбралъ изъ послѣдней линіи шесть полковъ, и поставилъ ихъ какъ бы въ засадѣ позади своего праваго крыла. Онъ приказалъ воинамъ крѣпче держать копья въ рукахъ, и ударять оными прямо въ лице и глаза всадниковъ; думая, что сіе отборное, красивое и прелестное юношество Помпеево болѣе всего устрашится такихъ ранъ, и такимъ образомъ легко приведено будетъ въ безпорядокъ.

Число воиновъ, составлявшихъ двѣ арміи, было весьма не равное. Помпеева конница была гораздо многочисленнѣе конницы Цезаревой; Римская пѣхота, состоявшая изъ сорока пяти тысячь человѣкъ, вдвое превосходила пѣхоту непріятеля. Вспомогательныя войска превышали, можетъ быть, число

Римлянъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Два полководца, по окончаніи рѣчей своихъ къ воинамъ, приступили къ сраженію.

Старый чиновникъ Цезарева войска, по имени *Крастинъ*, который отличился множествомъ знаменитыхъ дѣяній, началъ нападеніе; онъ имѣлъ у себя подъ начальствомъ сто двадцать человѣкъ волонтеровъ, всюду за нимъ слѣдовавшихъ, и посмотрѣвъ на Цезаря, сказалъ: *почтенный полководецъ! нынѣ ты будешь доволенъ мною; умру ли я, останусь ли живъ, но удостоюсь похвалъ твоихъ.*

Между двумя арміями разстояніе было весьма велико. Помпей отдалъ приказъ своимъ воинамъ стоять на одномъ мѣстѣ, и дать дорогу войскамъ Цезаревымъ. Мысль его была та, что непріятели, шедши съ жаромъ, разстроятъ ряды свои; отъ чего онъ будетъ имѣть большую выгоду предъ ними.

Воины Цезаревы своимъ великимъ искусствомъ совершенно обманули его въ надеждѣ; ибо они увидѣвъ, что ихъ сопротивники стоятъ на одномъ мѣстѣ, остановились на бѣгу своемъ, и взявъ отдыхъ, двинулись впередъ, дошли до своихъ непріятелей въ хорошемъ порядкѣ, сперва ударили въ копья, потомъ взяли въ руки мечи. Войска Помпеевы дѣлали то же самое, и отражались съ мужествомъ.

Въ то же время конница Помпеева устремилась на конницу Цезареву и опрокинула ее. Она потянулась, чтобы напасть съ тыла на пѣхоту; между тѣмъ шесть полковъ, о коихъ было сказано, бросались впередъ съ такою яростію, что тотчасъ остановили сію конницу, которая почитала себя побѣдительницею. *Воины*, вскричалъ Цезарь *разите непріятеля въ лице.* Смущеніе, блескъ оружія сверкавшаго предъ глазами ихъ, ужасъ ранъ причинявшихъ имъ безобразіе, всё сіе поселило такой страхъ между отборными Помпеевыми всадни-

ками, что они зажимая лице свое руками, разбѣжались въ горы.

Шесть полковъ не долго оставались на своемъ мѣстѣ; они обратились на лѣвое крыло непріятеля, и напали на него сзади. Цезарь велѣлъ двинуться третей линіи, не бывшей еще въ дѣлѣ. Пѣхота Помпеева, стѣсненная въ то же время спереди свѣжими войсками, а сзади побѣдоносными полками, не могла противиться сему двойному нападенію. Всѣ были разбиты, всѣ обратились въ бѣгство и искали себѣ убѣжища въ лагерѣ. Цезарь видѣвъ совершенную побѣду, велѣлъ щадить сограждан своихъ и переколоть чужеземцевъ. Помпей со времени пораженія своей конницы не зналъ, что дѣлать. Вмѣсто того, чтобъ поправить разстройку, онъ удалился въ лагерь и заперся въ шатрѣ своемъ; но Цезарь и тамъ не далъ ему покоя, повелѣвъ взять приступомъ лагерь.

Помпей извѣстясь о семъ, скинулъ съ себя военные доспѣхи, надѣлъ платье

приличное его злополучію и скрылся тайнымъ образомъ. Лагерь въ скорости былъ взятъ, не взирая на упорную защиту гарнизона. Цезарь вшедъ въ оной, всюду увидѣлъ знаки безумной надмѣнности и ослѣпленія непріятелей. Всюду представлялись взору его шатры, украшенные лилеями и миртами, кравати обитыя пурпуровыми матеріями, буфеты наполненные золотою и серебреною посудою. Все обнаруживало роскошь, и казалось, что болѣе готовились къ торжеству и веселію послѣ побѣды, нежели къ битвѣ.

Потеря со стороны Цезаря въ сей великой день простиралась до тысячи двухъ сотъ воиновъ и тридцати чиновниковъ. Изъ сихъ послѣднихъ Цезарь чрезвычайно сожалѣлъ о Крастинѣ, которой еще до сраженія показалъ свою горячность. Онъ велѣлъ отыскать его тѣло и воздвигъ ему памятникъ.

Совершенно было разбитіе войска Помпеева. Все истреблено или разсѣяно. Число убитыхъ считалось до пятнадцати

тысячь какъ Римлянъ, такъ и вспомогательныхъ воиновъ. Взяли сто восемьдесятъ знаменъ и девять орловъ; двадцать четыре тысячи здались послѣ побѣды, и многіе пожелали служить подъ знаменами побѣдителя.

Цезарь послѣ своей побѣды поступалъ великодушно и милостиво, чѣмъ снискалъ любовь побѣжденныхъ, и до того простеръ свое снизхожденіе, что множество писемъ, подписанныхъ на имя Помпея сжегъ, не читавши.

БѢГСТВО И СМЕРТЬ ПОМПЕЯ.

Помпей ушедши изъ лагеря съ малымъ числомъ провожатыхъ нѣсколько времени бѣжалъ во всю мочь; примѣтивъ же, что его не преслѣдовали, пошелъ тихо и спокойно, предавшись печальнымъ и болѣзненнымъ размышленіямъ. Будучи тревожимъ скорбными мыслями, онъ прибылъ въ Лариссу, откуда прошелъ

въ долину Темпейскую, идучи внизъ по рѣкѣ Пенсѣ, нашелъ рыбачью хижину, въ которой и провелъ ночь. На разсвѣтѣ онъ сѣлъ въ небольшую лодку, и такимъ образомъ съ провожатыми своими приплылъ къ морю. Продолжая плаваніе свое вдоль берега, увидѣлъ судно съ грузомъ, готовое пуститься въ море. Начальникъ сего судна, нѣкогда видѣвшій Помпея во снѣ, тотчасъ узналъ его; онъ съ почтеніемъ и ласкою принялъ къ себѣ на корабль его, двоихъ Лентуловъ и Фавонія. Подняли якорь, но чрезъ минуту должно было приплыть къ берегу, дабы принять Деіотара царя Галатскаго, который призывалъ ихъ. Начальникъ корабля приготовилъ по возможности обѣдъ знаменитымъ бѣглецамъ, уважая права гостепріимства.

Помпей приближась къ Амфиполю, не вошелъ въ городъ; остановивъ корабль на якорѣ; онъ далъ приказаніе всѣмъ молодымъ людямъ вооружиться. Созвавъ друзей своихъ, находившихся въ городѣ, и собравъ сколько можно болѣе денегъ,

онъ поспѣшно отправился въ Митилену, гдѣ имѣла пребыванiе супруга его Корнелiя.

Корнелiя послѣ различныхъ сраженiй, съ успѣхомъ происходившихъ близь города Диррахiи, ожидала прiятнаго извѣстiя о рѣшительной и совершенной побѣдѣ. Но въ какое она пришла изумленiе, какою объята была печалiю, когда вѣстникъ со слезами объявилъ ей, что Помпей дожидается ее у морскаго берега на чуждомъ кораблѣ! Она упала въ обморокъ, и долгое время находилась безъ чувствъ. Наконецъ опамятовавшись, побѣжала на берегъ. Помпей взялъ ее въ свои объятiя, не сказавъ ни слова, и когда она приписывала самой себѣ нещастiе своего супруга, онъ старался утѣшить ее, напоминая ей о непостоянствѣ дѣлъ человѣческихъ.

Помпей взявъ Корнелiю съ собою, продолжалъ путь свой къ полуденнымъ странамъ. Онъ приплылъ въ Родосъ; но Родосцы, которые во время его счастiя прислали ему отборный флотъ, не хо-

тѣли его знать во дни его нещастія. И такъ онъ направилъ путь свой въ Аттилію, гдѣ нашелъ Секста сына своего, нарочитое число Сенаторовъ, и около двухъ тысячь воиновъ. Сіе было для него слабою подпорою противъ неутомимой дѣятельности врага его. Ему нужно было такое убѣжище, въ которомъ бы онъ имѣлъ время сдѣлать новыя приготовленія. Ѳеофанъ, коего онъ во всемъ слушался, совѣтовалъ ему удалиться въ Египетъ къ юному царю Птоломею. Помпей принялъ сей пагубной совѣтъ; онъ выѣхалъ изъ Киликіи со всею свитою, составленною изъ нѣсколькихъ галеръ и кораблей, присталъ къ острову Кипру, для умноженія своихъ военныхъ силъ. Узнавъ, что Птоломей находился въ Пелузѣ, онъ поплылъ въ ту сторону. По прибытіи своемъ сталъ на якорѣ, и послалъ извѣстить молодаго царя о своемъ пріѣздѣ и просить у него безопаснаго убѣжища.

Птоломей будучи еще малолѣтенъ, не самъ управлялъ Государствомъ. Евнухъ

Фотинъ, первый Министръ, собралъ совѣтъ, въ коемъ главными членами были Θеодотъ, урожденецъ острова Хіо, которой училъ молодаго Государя риторикѣ, и Ахилла военачальникъ его.

Въ совѣтѣ мнѣнія были различны. Риторъ Θеодотъ подалъ мнѣніе, убить Помпея. Сіе ужасное мнѣніе было одобрено. Ахилла обязался привести оное въ исполненіе, взявъ съ собою двоихъ сотниковъ Римскихъ и трехъ или четырехъ воиновъ, и поплылъ къ кораблю Помпееву. Всѣ знатнѣйшіе люди, сопровождавшіе въ бѣгствѣ Помпея, вышли на поверхность корабля, дабы быть свидѣтелями того, что будетъ происходить. Увидѣвъ простое судно съ пятью или шестью человѣками, они возымѣли подозрѣніе, и совѣтовали Помпею уйти въ каюту; но онъ рѣшился подвергаться всѣмъ опасностямъ.

Одинъ изъ сотниковъ приближившись къ нему, говорилъ съ нимъ по Латинѣ, какъ съ своимъ полководцемъ. Въ то же самое время, Ахилла говорилъ съ нимъ

по Гречески, прося его перейти къ нимъ на судно. Помпей обнявъ Корнелію, проливающую слезы, взялъ со собою на судно одного изъ своихъ отпущенниковъ, по имени Филиппа, и одного слугу.

Твердая земля еще далеко отъ нихъ отстояла. Помпей во время переѣзда, такъ какъ никто съ нимъ не говорилъ ни слова, вздумалъ прервать молчаніе, и посмотрѣвъ на сотника Септимія сказалъ: «Думаю, ты нѣкогда служилъ подъ моимъ начальствомъ.» Септимій отвѣчалъ только ему наклоненіемъ головы, не оказывая ни малѣйшаго къ нему уваженія. Такимъ образомъ доѣхали до твердой земли; и въ то самое время какъ Помпей вставъ, оперся на своего отпущенника, Септимій нанесъ ему сзади ударъ мечемъ; Сальвій и Ахилла обнаживъ мечи присоединились къ Септимію. Помпей, окруженный сими убійцами, взялъ въ руки полу платья своего, закрылъ оною лице, и претерпѣвалъ наносимые ему удары При семъ зрѣлищѣ Корнелія и всѣ спутники его произноси-

ли плачевные вопли, которые слышны были даже на берегу. Они съ поспѣшностію подняли якорь, и распустивъ парусы, удалились.

Помпей былъ убитъ на пятьдесятъ восьмомъ году отъ рожденія своего. Убійцы отрубили ему голову, и набальзамировавъ ее, отослали къ Цезарю. Обнаженное туловище его выброшено было изъ судна на берегъ. Филиппъ, его отпущенникъ, не оставилъ на поруганіе сего драгоцѣннаго тѣла, и какъ скоро толпа зрителей разошлась, онъ обмылъ его морскою водою, и покрылъ собственнымъ своимъ плащемъ. Потомъ сжегъ его на кострѣ, имъ сдѣланномъ изъ обломковъ рыбачей лодки.

Между тѣмъ какъ Филиппъ исполнялъ сей печальной и благочестивой долгъ, тогда же пришелъ къ нему одинъ престарѣлый Римлянинъ, поселившійся въ Египтѣ и служившій подъ начальствомъ Помпея. Онъ пособилъ Филиппу воздать послѣднія обязанности сему великому человѣку. Собранный ими прахъ

его былъ засыпанъ землею на томъ же самомъ мѣстѣ. По мнѣнію Плутарха сей драгоцѣнный прахъ доставленъ былъ Корнеліи, и она поставила его въ своемъ домѣ.

Спустя нѣсколько времени, по прибытіи Цезаря въ Александрію, пришелъ къ нему Ѳеодотъ, тотъ злополучный риторъ, которой присовѣтовалъ убить Помпея, и надѣялся получить награду за свое злодѣяніе; онъ поднесъ ему голову и кольцо его непріятеля. При семъ печальномъ зрѣлищѣ Цезарь залился слезами, и изъявилъ свое негодованіе противъ ужаснаго убійства. Приказавъ сжечь Помпееву главу натиранную драгоцѣннѣйшими благовоніями, онъ съ честію поставилъ прахъ въ храмѣ, посвященномъ богинѣ Немезисѣ.

КАТОНЪ ЛИШАЕТЪ СЕБЯ ЖИЗНИ ВЪ УТИКѢ.

(706 года отъ основанія Рима.)

Цезарь послѣ сраженія Ѳансійскаго, выиграннаго имъ у Метелла Сципіона, не желая дать побѣжденнымъ времени опомниться, пошелъ на покореніе Утики, гдѣ Катонъ заперся для ея защищенія. При угрожающей опасности не надѣясь имѣть успѣха въ городѣ, въ которомъ умы раздѣлены были на разныя партіи, Катонъ рѣшился умереть, уговоривъ къ бѣгству Сенаторовъ, приверженныхъ къ Помпею.

Въ такихъ безпокойствахъ онъ провелъ цѣлую ночь и часть слѣдующаго дня. Наконецъ пришедши домой собралъ все свое семейство, то есть, своихъ друзей и сына своего, и между прочими словами, кои говорилъ имъ, запретилъ послѣд-

нему вмѣшиваться въ дѣла общественныя. Потомъ пошелъ въ баню, послѣ которой сѣлъ ужинать со своими друзьями и Утическими судьями. Долго сидѣли за столомъ; разговоръ былъ пылкой, живой, веселой, благоразумной, касавшійся нравственной философіи. Но нѣкто обратилъ рѣчь на парадоксы стоическіе, говоря, *что токмо мудрый совершенно свободенъ, что всѣ порочные суть невольники.* Димитрій, перипатетической Философъ, вознамѣрился опровергнуть сіи парадоксы по правиламъ своей секты. Катонъ чрезвычайно разгорячился противъ него, и разсуждалъ основательно, съ жаромъ, силою и выраженіемъ, чѣмъ обнаружилъ намѣніе, принятое имъ вразсужденіи своей смерти. Такимъ образомъ, когда онъ кончилъ рѣчь свою, тогда воцарилось глубое молчаніе между собесѣдниками. Катонъ понялъ ихъ мысли, и, дабы сдѣлать оборотъ, говорилъ о нещастномъ положеніи тѣхъ, которые выѣхали.

Такъ кончился ужинъ, послѣ котораго

онъ имѣлъ привычку пройтиться нѣсколько времени. Когда онъ затворился въ своей комнатѣ: то оказалъ къ сыну своему и друзьямъ своимъ нѣжности болѣе противъ обыкновенія, сіе утвердило ихъ въ мнѣніи, что онъ рѣшился предать себя смерти. Катонъ оставшись одинъ въ своемъ покоѣ, легъ на постелю, взявъ въ руки разговоръ Платона о безсмертіи души. Болѣе половины прочитавъ его, онъ посмотрѣлъ на свое изголовье, и удивился, что не видно было на немъ кинжала. Позвавъ своего слугу онъ спросилъ, гдѣ дѣвался кинжалъ. Слуга не далъ ему на то никакого отвѣта. Онъ опять началъ читать, потомъ хладнокровно позвалъ другаго слугу. Окончивъ чтеніе и видя, что никто не хотѣлъ слушаться его, онъ перекликалъ всѣхъ своихъ слугъ одного за другимъ, объявляя имъ, что ему надобенъ кинжалъ. Въ гнѣвѣ своемъ онъ ударилъ одного изъ нихъ такъ сильно, что рука его обагрилась кровію. Тогда вошли къ нему сынъ и друзья его, обливаясь слезами, и обнявъ его съ нѣж-

ностію, заклинали смягчить гнѣвъ свой. Катонъ всталъ, посмотрѣлъ на сына съ негодованіемъ, и говорилъ ему съ такимъ напряженіемъ и твердостію духа, что молодой человѣкъ отъ страха убѣжалъ, испуская вопли.

Катонъ оставшись наединѣ съ философами Аполонидомъ и Димитріемъ, разговаривалъ тихо и кротко; они ничего не отвѣчали ему, и удалились съ плачемъ и рыданіемъ. Наконецъ молодой слуга подалъ ему кинжалъ. Катонъ вынулъ его изъ ноженъ, разсматривалъ, и видя, что весьма прямъ и остръ, сказалъ: *теперь то я господинъ надъ самимъ собою.* Онъ положилъ кинжалъ, опять взялъ книгу и прочиталъ ее съ начала до конца. Въ часъ полночи онъ призвалъ двоихъ отпущенниковъ, одного врача своего, а другаго своего повѣреннаго въ дѣлахъ; послалъ послѣдняго на морскую пристань съ повелѣніемъ, узнать, всѣ ли отправились на корабляхъ. Другой нуженъ ему былъ для лѣченія руки, на которой отъ удара, даннаго

имъ слугѣ своему, сдѣлалось воспаленіе. Между тѣмъ повѣренной возвратившись сказалъ ему, что всѣ отправились на корабляхъ, изключая Красса, и что море сильно волновалось. Отъ сихъ послѣднихъ словъ онъ тяжко вздохнулъ. Отпущенникъ пошелъ въ другой разъ къ пристани по его приказанію. Когда онъ возвратился назадъ, то Катонъ велѣлъ ему затворить дверь, и при немъ легъ на свою постелю, какъ бы хотѣлъ провести спокойно остатокъ ночи.

Оставшись одинъ, онъ вонзилъ себѣ кинжалъ пониже груди, однако не скоро умеръ и, бившись на своей постели, упалъ на землю и опрокинулъ столикъ, на которомъ онъ чертилъ Геометрическія фигуры. Домашніе его услышавъ стукъ, испустили великой крикъ; сынъ и друзья вошли къ нему; и нашли его плавающаго въ крови своей, внутренность у него вышла изъ чрева въ отверстіе раны. Однако онъ еще былъ живъ, и смотрѣлъ глазами. Врачь

подошелъ къ нему, и, видѣвъ, что кишки были не повреждены, хотѣлъ вправить ихъ и зашить рану. Но когда Катонъ пришелъ самъ въ себя, и примѣтилъ, что старались оказать ему пособіе, то оттолкнулъ врача и съ ужасною жестокостію схвативъ руками за рану, разодралъ такимъ образомъ внутренность свою — и скончался.

Смерть Катонову древніе превозносили похвалами; но правила нашей религіи осуждаютъ ее, и самой разсудокъ не можетъ одобрить ее. Законы природы убѣждаютъ насъ, что самоубійство есть злодѣяніе.

НЕСЛЫХАННЫЯ ПОЧЕСТИ, ОКАЗАННЫЯ ОТЪ СЕНАТА ЦЕЗАРЮ.

(707 года отъ основанія Рима).

Цезарь, истребивъ въ Африкѣ и Испаніи остатки войска Помпеева, казалось, достигъ высочайшей степени ве-

личія и могущества. Будучи единственнымъ победителемъ, единственнымъ обладателемъ, онъ имѣлъ толко нужду въ титлахъ, которые увѣковѣчили бы власть имъ похищенную; и былъ провозгзашенъ *Императоромъ*, отцемъ отечества, десятилѣтнимъ Консуломъ, безсмѣннымъ Диктаторомъ. Первый титулъ *Императора* давалъ ему главное нучальство надъ всѣми войсками въ республикѣ.

Особа его объявлена была священною, неприкосновенною. Въ честь ему перемѣнили также имя мѣсяца, которой назывался до того времени Квинтиліемъ quintilis, и дали ему наименованіе Julius, откуда произошло слово Іюль. Граждане истощевали силы воображенія своего въ вымышленіи особенныхъ, новыхъ и неслыханныхъ почестей. Ему дали право носить торжественное одѣяніе въ праздничные дни; для него были отверсты отличныя мѣста на всѣхъ зрѣлищахъ; ему воздвигнуты были статуи, изъ коихъ одну поставили въ Капито-

ліи противъ статуи Юпитера. Но самое пріятнѣйшее отличіе было для него то, что ему дозволено было всегда носить лавровой вѣнецъ. Онъ былъ плѣшивъ и насмѣшки вразсужденіи сего безобразія крайне его мучили; и онъ съ восхищеніемъ принялъ поднесенный ему вѣнецъ для прикрытія сего маловажнаго недостатка; хотя ему тогда было пятьдесятъ пять лѣтъ, но онъ еще занимался украшеніемъ своей наружности.

Онъ гордился тѣмъ, что пріятная мина и прелести достались ему отъ Венеры, мнимой родоначальницы фамиліи его. Подлинно, онъ былъ бѣлъ и полонъ лицемъ, имѣлъ прекрасные, черные, быстрые глаза, высокой и ровной станъ, притомъ отличнымъ убранствомъ чрезмѣрно старался придавать симъ природнымъ качествамъ, какъ можно болѣе блеска.

Кто повѣритъ, что Цезарь побѣдитель Галловъ и Помпея, обладатель свѣта, почти долженъ быть поставлены. наряду съ молодыми щеголями?

Правда, что и великіе люди, по природѣ человѣческой, всегда имѣютъ какой нибудь недостатокъ, и въ самыхъ высокихъ почестяхъ не могутъ не обнаружить онаго.

ЦЕЗАРЬ УМЕРЩВЛЕНЪ ВЪ ПОЛНОМЪ СОБРАНІИ СЕНАТА.

(708 года отъ основанія Рима).

Гордые надменные поступки Цезаря, особливо же намѣреніе, которое онъ не однократно обнаруживалъ, чтобы получить діадиму и сдѣлаться царемъ, вооружили противъ него Римлянъ и подали поводъ къ заговору. Начальниками онаго были Брутъ, племянникъ и зять Катона, и Кассій. Заговорщиковъ щиталось болѣе шестидесяти человѣкъ, отличныхъ званіемъ, всадниковъ и Сенаторовъ. Между ими не было ни вѣро-

ломцевъ, ни измѣнниковъ, ни доносчиковъ, хотя они не обязали другъ друга никакою клятвою.

Сдѣлавъ небольшой совѣтъ Брутъ собралъ въ ночное время всѣхъ тѣхъ которые должны были находиться при исполненіи своего заговора. Тогда-то приняли они свои послѣднія мѣры, и опредѣлили умертвить Цезаря въ полномъ собраніи Сената. Мѣсто, въ которомъ должны были собраться заговорщики, показалось имъ выгоднымъ и удобнымъ. Для сего назначена была зала, построенная Помпеемъ близъ его театра, названная Помпеевою; въ ней стояла его статуя и заговорщикамъ казалось, что самые боги привели къ Помпею жертву его.

Ежели бы Цезарь вѣрилъ предсказаніямъ и чудесамъ; то, какъ повѣствуютъ историки, рачличныя приключенія могли бы произвести въ немъ ужасъ и заставили бы его взять предосторожности. На пути своемъ въ Сенатъ Цезарь встрѣтился съ гадателемъ Спури-

ною, который предсказывалъ ему, что онъ подвергнется великимъ опасностямъ въ продолженіи тридцати дней а особливо въ послѣдній день идусовъ Марта. Цезарь съ насмѣшливою улыбкою тогда сказалъ ему, *что Мартъ пришелъ*; правда, отвѣчалъ гадатель, *однакожъ не прошелъ*. Цезарь наканунѣ своей смерти ужиналъ у Лепида: нѣкто изъ собесѣдниковъ спросилъ: *какой должно желать смерти?* Цезарь предупредивъ всѣхъ сказалъ: *непридвидѣнной*. Съ нимъ то и случилось чего онъ желалъ.

Его супруга Кальпурнія видѣла во снѣ, что онъ весь былъ израненъ и обагренъ кровію; пробудясь, она обливалась слезами, и испуская тяжкія вздохи умоляла его въ этотъ день не ходить въ Сенатъ. Цезарь пораженный боязнію супруги своей, совѣтовался съ жрецами, которые объявили ему, что знаки внутренностей отъ закланныхъ жертвъ ничего добраго не предвѣщаютъ. Онъ немедленно отдалъ приказаніе Антонію, распустить Сенатъ; но Децимъ Брутъ,

тогда у него находившійся, настоялъ подъ такимъ предлогомъ, что Сенаторы собрались, дабы дать ему титулъ царя! Разговаривая съ нимъ, онъ взялъ его за руку, и упросилъ его выдти изъ дома, и дойти съ нимъ до Сената. Цезарю на дорогѣ вручено было много записокъ, въ которыхъ предваряли его о томъ, что съ нимъ должно случиться; но множество просьбъ, ему поданныхъ, воспрепятствовали ему заглянуть въ нихъ. Между прочимъ одинъ Греческій филисофъ подалъ въ собственныя его руки записку касательно заговора, и принуждалъ его прочитать оную. Цезарь взялъ записку, но не разсмотрѣвъ ея, вошелъ въ Сенатъ, держа ее въ рукѣ.

Бывшіе въ заговорѣ Сенаторы спрятавъ у себя подъ платьемъ кинжалы, встали, окружили его и повели къ курульному его стулу. Тиллій Цимберъ, явился напереди злоумышленниковъ, и съ притворствомъ просилъ за своего брата, сосланнаго въ ссылку, чтобы

позволено ему было возвратиться въ Римъ; всѣ прочіе неотступно просили съ нимъ, схватили Цезаря за руки, и старались умилостивить его; но онъ отринулъ ихъ прозьбу, и, будучи стѣсненъ окружавшими его, хотѣлъ встать со стула. Въ ту минуту Цимберъ стащилъ съ плеча его тогу, что было условленнымъ знакомъ къ нападенію. Каска, стоявшій за его стуломъ первый поразилъ его въ плечо кинжаломъ, но слабо. Цезарь оборачивается и говоритъ ему. *Нещастной что ты дѣлаешь?* и стилемъ своимъ прокалываетъ ему правую руку (*). Каска призвалъ къ себѣ на помощь брата своего. Тогда всѣ заговорщики обнажили кинжалы, и Цезарь съ усиліемъ обороняясь, получилъ въ грудь смертельной ударъ. Не взирая на текущую изъ себя кровь, и сверкаю-

---

(*) Стилемъ (Stylus) называлась у древнихъ игла, служившая имъ вмѣсто грифеля, которою они писали на дощечкахъ навощенныхъ.

щіе кинжалы, онъ всѣми силами защищался, какъ левъ среди ловчихъ. Но когда увидѣлъ Брута, коего почиталъ сыномъ своимъ, шедшаго къ нему съ кинжаломъ въ рукѣ: то сдѣлавъ ему сей нѣжный упрекъ: *Какъ! и ты сынъ мой*, накрылъ голову, упалъ на землю, и предался въ руки убійцамъ своимъ. Цезарь пораженный двадцатью тремя ударами, на пятьдесятъ шестомъ году отъ рожденія остался мертвъ на мѣстѣ предъ статуею Помпеевою, къ подножію, которой притащили его заговорщики.

Великія качества Цезаря возбудили въ нѣкоторыхъ сильное негодованіе на убійцъ. Враги несправедливости, честолюбія и похищенія власти превозносили похвалами Брута и его соучастниковъ. Впрочемъ разсудивъ о такомъ смертоубійствѣ, не льзя не признаться, что Цезаря заслужившаго смерть за пахощеніе власти, не частнымъ людямъ должно было наказывать. Преступникъ можетъ подвергнуться нака-

занію только по повелѣнію правительства, которое сохранитъ при томъ всѣ обряды, предписанные закономъ. И такъ Брутъ виновенъ въ присвоеніи себѣ власти, которая принадлежала республикѣ. Онъ наказалъ преступника, но тѣмъ нарушилъ долгъ гражданина, и законную власть; слѣдовательно его должно почитать вѣроломнымъ убійцею, а не защитникомъ отечества.

СОСТОЯНІЕ РИМСКИХЪ ВОЙСКЪ, И РАЗПОЛОЖЕНІЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИХЪ ПО СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ.

Въ послѣдовавшемъ году по смерти Цезаря, всѣ силы Рамскаго владѣнія защищали республиканское правленіе. Корнифицій въ Африкѣ старался о тѣхъ же выгодахъ, и привержен былъ къ Сенату, къ Цицерону, Бруту и Кассію. Секстъ Помпей овладѣвъ Сициліею, помышлялъ болѣе о своемъ собственномъ

могуществѣ, нежели о возстановленіи свободы. Но такъ какъ онъ былъ явный врагъ Цезарю: то и его должно причислить къ сообщникамъ Брута и Кассія. Таковы были войска и начальники заговора республиканскаго. Ежели бы всѣ сіи силы могли соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ въ Италіи, то бы свобода была сохранена. Но онѣ не были готовы къ нужному времени, и неизбѣжная просрочка причинила паденіе ихъ и уничтожила свободу. Съ Западной стороны, изъ трехъ полководцевъ, предводительствовавшихъ тремя арміями, занимавшими Галлію и Испанію, двое были не твердаго и не основательнаго характера, а третій по отдаленности не могъ имъ дать скораго пособія. Лепидъ, проконсулъ Нарбонской Галліи, и ближайшей Испаніи, имѣлъ въ себѣ много честолюбія и мало способностей. Онъ былъ безъ правилъ, безъ твердости духа, мало приверженъ къ республикѣ и не способенъ играть роль свою. Планкъ, проконсулъ великой Галліи,

имѣлъ умъ и таланты, но не хотѣлъ подвергаться опасности за дѣло общественное. Полліонъ, проконсулъ дальнѣйшей Испаніи, имѣлъ благородныя чувства и мужество, при всей приверженности къ Цезарю, былъ духа республиканскаго; но дѣла и безъ него кончились; для спасенія своего, онъ послѣдовалъ за знаменами Антонія.

ТРІУМВИРСТВО ОКТАВІЯ, АНТОНІЯ И ЛЕПИДА.

(709 года отъ основанія Рима)

Всѣ войска, стоявшія въ Италіи, Галліи и Испаніи были во власти Октавія, Антонія и Лепида. Всѣ трое имѣвъ въ предметѣ только собственное могущество, смотрѣли другъ на друга завистливыми глазами; въ сердцахъ ихъ гнѣздилось желаніе ко взаимной пагубѣ, но они видѣли общихъ

себѣ враговъ въ сторонѣ восточной. Надобно было истребить Брута и Кассія прежде, нежели обратятъ свое оружіе одинъ противъ другаго.

Антоній спасшись бѣгствомъ чрезъ Алпійскія горы послѣ сраженія Моденскаго, на которомъ онъ былъ побѣжденъ Октавіемъ, обратно прошелъ чрезъ нихъ съ семнадцатью легіонами, щитая въ томъ числѣ и войска Лепидовы. Сіи два полководца соединясь пошли съ своею ужасною арміею къ Булони, куда Октавій пришелъ съ равнымъ числомъ войскъ. Три начальника рѣшились соединиться. Они просили только другъ друга объ условіяхъ и безъ посредниковъ сами собою заключили оныя.

Неподалеку отъ Булони протекала небольшая рѣчка, среди которой былъ островъ весьма удобной для переговоровъ. Во отвращеніе всякаго подозрѣнія и обмана, они взяли всѣ возможныя предосторожности. Октавій и Антоній вели каждой по пяти легіоновъ въ равномъ и ограниченномъ разстояніи

съ той и другой стороны. Лепидъ вступилъ первой на островъ, дабы осмотрѣть, нѣтъ ли тамъ сѣтей, разставленныхъ непріятелемъ. Наконецъ по данному знаку туда пришли Октавій и Антоній; сошедшись другъ съ другомъ они такъ были осторожны, что обыскивали и ощупывали другъ друга. Три стула поставлены были среди острова, на которыхъ сѣли всѣ трое, а Октавій сѣлъ между обоими, какъ Консулъ. Самое величайшее затрудненіе которое удерживало ихъ въ продолженіи трехдневнаго переговора, состояло въ выборѣ людей, которые долженствовали быть жертвами ихъ мщенія. Такъ какъ Антоній и Октавій вели войну изъ взаимной непримиримой ненависти: то друзья одного были неминуемо врагами другаго. Особенно они спорили долго и съ жаромъ вразсужденій Цицерона, коего головы требовалъ Антоній за свою обиду, какъ необходимый залогъ примиренія. Того же мнѣнія былъ и Лепидъ. Октавій въ первые два дни

не соглашался съ нимъ, въ трепій день склонился на ихъ спорону; въ замѣну же головы Цицерона, Антоній отдалъ ему голову дяди своего Л. Цезаря, а Лепидъ голову своего брата Павла.

Промѣнявъ смертоубійство на смертоубійство, друзей своихъ на враговъ, они заключили между прочимъ, чтобы имъ сдѣлаться верховными судьями на пять лѣтъ подъ названіемъ тріумвировъ преобразователей республики, съ Консульскою властію. Они раздѣлили между собою, какъ наслѣдство, всѣ народы, находившіеся въ ихъ власти, и даже тѣхъ, коими завладѣть надѣялись. Италія не входила въ составъ сего раздѣла, будучи общимъ отечествомъ, коего они почитались защитниками. Такъ какъ лежавшія по ту спорону моря провинціи, были покорны Бруту и Кассію: то они рѣшались противъ нихъ идти войною. Соглашено было, чтобъ Антоній и Октавій взяли подъ свое начальство каждой по двадцати легіоновъ, а Лепидъ съ тремя легіонами

остался бы въ Римѣ, дабы содержать Италію въ повиновеніи. Они условились размѣстить своихъ воиновъ колоніями въ восмнадцати городахъ Италіи. Города сіи, коихъ жители долженствовали такимъ образомъ лишиться домовъ своихъ, были самые прекраснѣйшіе и богатѣйшіе. Кремона по сосѣдству съ Мантуею, отечествомъ Виргилія, вовлекла и ее въ свое злополучіе; сіе произшествіе послужило сему стихотворцу предметомъ его первой эклоги.

СМЕРТЬ ЦИЦЕРОНА.

Тріумвиры вошли въ Римъ съ нѣкоторымъ числомъ воиновъ, коимъ приказано было предать смерти двѣнадцать или семнадцать главнѣйшихъ враговъ ихъ, въ числѣ коихъ былъ и Цицеронъ. Сей великій ораторъ былъ изгнанъ съ братомъ, сыномъ и племянникомъ, со

всѣми друзьями и родственниками своими. Онъ не ожидалъ ничего для себя хорошаго со стороны Антонія, и такимъ образомъ выѣхалъ изъ Рима при вступленіи тріумвировъ. Его намѣреніе было отправиться въ Македонію, въ станъ Брута съ братомъ своимъ Кеинтомъ. Послѣдній возвратился назадъ за съѣстными припасами, а Цицеронъ направилъ путь свой къ Гаетѣ. Не дождавшись никакого извѣстія отъ брата своего, онъ сѣлъ на корабль. Противные вѣтры, морскіе труды, коихъ изнуренное отъ смущенія духа тѣло его не могло перенести, принудило его остановиться. Наконецъ бѣгство и жизнь наскучили ему, и онъ рѣшился отправиться въ свой лѣтній домъ, находившійся въ сей странѣ на милю отъ моря, и дожидаться тамъ смерти. Служители насильно вытащили его изъ дома; но уже было поздно. Искавшіе убить его догнали на дорогѣ. Убійцы начальникомъ своимъ имѣли военнаго трибуна, по имени Попилія, котораго нѣ-

когда Цицеронъ оправдалъ въ весьма сомнительномъ дѣлѣ, и которой, въ награду за сію услугу, просилъ настоятельно, чтобъ препоручили ему убить своего благодѣтеля. Рабы Цицероновы хотѣли было защищать своего господина; но онъ велѣлъ имъ остановить коляску, и спокойно сносить жестокость неизбѣжнаго жребія. Въ то же время посмотрѣвъ пристально на убійцъ, онъ высунулъ голову изъ коляски и сотникъ Геренній, отрубилъ ее. Между тѣмъ самые воины тронутые нещастіемъ и твердостію человѣка толь достойнаго почитанія, потупили глаза и закрыли лица свои. Сіе недостаточно было для удовлетворенія безчеловѣчнаго сотника; онъ отрубилъ еще ему руки, и упрекалъ его даже мертваго въ томъ, что онъ говорилъ противъ Антонія. Попилій отнесъ голову и двѣ руки Цицероновы ко врагу его, которой не устрашился обратить взоръ свой на толь ужасное зрѣлище, и разсмотрѣвъ со вниманіемъ и улыбкою сіи пла-

чевные остатки, приказалъ положить ихъ на ораторское мѣсто. Всѣ зрители приведенные въ жалость, не смѣли поднять глазъ своихъ, омоченныхъ слезами, на предметы поразившие ихъ печалію. Антоній думалъ посрамить память такого человѣка, коего ненавидѣлъ, не примѣчая, что самъ подлымъ мщеніемъ безчеститъ себя даже въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ.

Цицеронъ убитъ былъ на шестдесятъ четвертомъ году отъ рожденія.

Высокій талантъ Цицероновъ прославился безсмертными сочиненіями, и заслужилъ величайшія почести. Щастіе долго ему благопріятствовало; но, въ теченіе продолжительнаго благополучія, онъ испыталъ жестокія оскорбленія, ссылку, паденіе людей, къ коимъ былъ приверженъ, потерю дочери своей, торжество личнаго врага своего. Изо всѣхъ сихъ нещастій онъ перенесъ смерть съ большею твердостію. Впрочемъ совершенно заглаждая свои недостатки добродѣтелями, онъ является предъ потом-

ствомъ великимъ человѣкомъ, исполненнымъ пылкости и высокаго духа, достойнымъ незабвенной памяти, и если бы кто вздумалъ восхвалить его по заслугамъ, тому Панегирику надобно бы быть другимъ Цицерономъ.

ЗНАМЕНИТОЕ СРАЖЕНІЕ ФИЛИППЕЙСКОЕ, НА КОТОРОМЪ БРУТЪ ПОБѢЖДЕНЪ АНТОНІЕМЪ И ОКТАВІЕМЪ. СМЕРТЬ БРУТА.

(710 года отъ основанія Рима.)

Брутъ и Кассій послѣ щастливаго окончанія дѣлъ своихъ въ Азіи, ни о чемъ болѣе не заботились, какъ только пройти въ Европу; дабы застать на половинѣ дороги Антонія и Октавія, которые готовились сдѣлать на нихъ нападеніе, что и удалось имъ исполнить безо всякаго препятствія. Пришедши въ Сесту, они сдѣлали смотръ своимъ войскамъ, составленнымъ изъ восьмидеся-

ч. 4. стр. 200.

Смерть Брута.

ч. 4. стр. 221.

Смерть Клеопатры.

ти тысячъ рядовыхъ , не считая болѣе двадцати тысячъ вспомогательныхъ воиновъ разныхъ націй. Потомъ видѣвъ свободный проходъ, по отступленіи преторовъ опредѣленныхъ отъ тріумвировъ, пошли по ту сторону Филиппеевъ на границы Ѳракіи , гдѣ нашли выгодное мѣсто стать лагеремъ и ожидать тамъ своихъ непріятелей, остановившихся разстояніемъ отъ нихъ на милю со стами тысячьми человѣкъ пѣхоты , и принадцатью тысячами конницы. Октавій расположился противъ Кассія.

Мнѣніе Кассія было , находиться въ оборонительномъ положеніи и тѣмъ самымъ мало по малу истощить войско Тріумировъ , которое съ трудомъ только могло получать пособія ; но желаніе Брута дать сраженіе , одержало верьхъ.

Дѣйствіе началось стремительнымъ и нечаяннымъ нападеніемъ Антонія на линіи Кассія. Брутовы воины оказали чудеса. Они бросились стремглавъ на войско Октавія , и разбили его съ перваго натиска. Легіоны составлявшіе правое

крыло, опрокинули лѣвое крыло непріятельское и проникли даже въ лагерь; коимъ овладѣвъ пустились грабить. Самъ Брутъ, разгоряченный своими воинами, пробился до палатки Октавія истребивъ центръ лагеря. Тутъ онъ сдѣлалъ непростительную ошибку, думая, что такой же успѣхъ оружія былъ и на сторонѣ Кассія.

Но случилось совсѣмъ противное. Линіи сего нещастнаго полководца были сбиты, и его конница со стыдомъ обратилась въ бѣгство. Собственнымъ мужествомъ онъ не могъ ободрить воиновъ такъ, что его войско совершенно было разсѣяно, и лагерь былъ взятъ Антоніемъ. Онъ принужденъ былъ удалиться на холмъ не въ дальномъ разстояніи лежавшій, гдѣ велѣлъ одному изъ своихъ отпущенниковъ умертвить себя.

Тріумвиры получили побѣду въ сей счастливой день единственно отъ скоропостижнаго отчаянія Кассія. Впрочемъ всё было равно, и таковая же была выгода и на сторонѣ республиканцевъ, взяв-

нихъ оба лагеря, Октавіевъ и Антоніевъ. Но смерть искуснаго полководца Кассія склонила перевѣсъ на сторону Тріумвировъ.

Брутъ сдѣлавшись одинъ военачальникомъ, наипаче старался собрать воиновъ Кассія, и возбудить въ нихъ храбрость. На другой день войска ставъ въ боевой порядокъ, долгое время находились безъ всякаго движенія въ виду одно у другаго. Брутъ видѣлъ изъ лицъ воиновъ своихъ, что не получитъ побѣды. Въ девятомъ часу по полуночи данъ имъ знакъ къ нападенію. Онъ имѣлъ успѣхъ на сторонѣ, которою лично предводительствовалъ: но лѣвое крыло, будучи слишкомъ разтянуто, сдѣлалось столь слабо, что не могло противиться сильному натиску войскъ Тріумвирскимъ. И такъ съ сего мѣста начали поражать армію Брута. Тріумвиры тогда раздѣлились: Октавій проникъ въ лагерь непріятелей, а Антоній зашелъ Бруту съ тыла и окружилъ его.

Брутъ въ такой крайности долгое вре-

мя сражался съ храбрѣйшими чиновниками. Тутъ-то показалъ онъ себя достойнымъ той крови, отъ которой происходилъ. Но, послѣ великихъ и отважныхъ усилій, надобно было уступить необходимости и видѣвъ, что всё потеряно, онъ обратился въ бѣгство и скрылся въ лѣсу за рѣкою.

Такъ какъ уже наступила ночь, то онъ не пошелъ далѣе, и сѣлъ въ ямѣ, прислонившись спиною къ большому камню. При немъ находились нѣкоторые изъ друзей его и изъ первыхъ чиновниковъ его арміи. Тутъ онъ поднявъ глаза на небо, прочиталъ два стиха изъ Греческаго стихотворца, хулящія добродѣтель. *Несчастная добродѣтель*, говоритъ отчаянный Геркулесъ въ семъ стихотворцѣ, *ты одно только слово, а я почиталъ тебя за существенность; ты раба счастія.* » Въ слѣдующую ночь видѣвъ, что Статилій не возвращался, онъ почелъ его погибшимъ, и самъ не помышлялъ ни о чемъ болѣе, какъ о смерти. Онъ отошелъ въ сторону съ Стра-

тономъ, своимъ наперсникомъ и другомъ, услугу котораго рѣшился употребить на умерщвленіе себя. Когда они остались на единѣ: то Стратонъ взялъ за рукоятку обнаженный мечь, и отвратив лице, держалъ его твердо. Брутъ положивъ лѣвую руку на голову, а правою ухвативъ за остріе меча, и приставивъ его къ сердцу, пронзилъ себя и такимъ образомъ чрезъ минуту скончался.

Брутъ имѣлъ весьма ложное понятіе о добродѣтели, предпологая, что она всегда должна находиться въ союзѣ со щастіемъ. Такая философія не согласна ни съ Платоновою, ни со стоическою, но съ философіею Эпикура, съ коимъ Кассій часто бесѣдовалъ о добродѣтели. Мы чувствуемъ ту внутреннюю силу и ту покорность духа и сердца къ велѣніямъ провидѣнія, которую внушилъ намъ Самъ Богъ, и которой учитъ насъ Евангеліе.

ЛЮБОВЬ АНТОНІЯ КЪ КЛЕОПАТРѢ, ЦАРИЦѢ ЕГИПЕТСКОЙ.

Послѣ сраженія Филиппейскаго, на которомъ республиканцы были уничтожены, Октавій возвратился въ Италію, а Антоній пошелъ въ Азію воевать съ Парѳянами. Пришедши въ Тарсу, что въ Киликіи послалъ повелѣніе къ Клеопатрѣ, чтобъ она явилась оправдаться предъ нимъ въ томъ, что подавала помощь его непріятелямъ.

Клеопатра была тогда молода, прекрасна, и съ красотою соединяла блистательный умъ, и очаровательную ловкость. Она приготовила богатые дары для Антонія и друзей его, и взяла съ собою всѣ сокровища великаго и могущественнаго царства.

Чрезъ городъ Тарсу протекала рѣка Циднъ, которая на двѣ или на три мили ниже впадала въ море. Клеопатра чрезъ

сіе устье рѣшилась въѣхать въ городъ. Она плыла рѣкою въ суднѣ, у коего кормило было вызолочено. Пурпуровые парусы развѣвались по вѣтру, серебряныя весла соглашались со звукомъ флейтъ и титаръ. Она сама лежала подъ сводомъ усѣяннымъ серебреными звѣздами, съ украшеніями, какими стихотворцы и живописцы описываютъ Венеру. Подлѣ Клеопатры стояли юные дѣти наподобіе амуровъ, которые опахалами вокругъ ея колебали воздухъ. Ея прекраснѣйшія женщины одѣтыя по образцу Нереидъ и Грацій были разставлены, иныя у кормила, другія у веревокъ. По обоимъ берегамъ рѣки безпрестанно курились дорогія благовонія. На такое зрѣлище собралось безчисленное множество народа. Городъ сдѣлался пустъ, и Антоній, дававшій тогда аудіенцію, остался совершенно одинъ, на своемъ стулѣ.—Какъ скоро пріѣхала Клеопатра: то онъ послалъ пригласить ее ужинать; но она въ отвѣтъ сказала, что для нее пріятнѣе бы было видѣть его у себя.

Антоній изъ учтивости долженъ былъ согласиться на ея предложеніе. Столъ былъ величественъ, зала убрана великолѣпно, и дѣйствіе освѣщенія произведено было съ такимъ искусствомъ, что Римской полководецъ пришелъ въ крайнее удивленіе. Клеопатра соединила съ роскошью тонкій вкусъ и пышное пиршество было неоднократно повторяемо, всегда съ новыми украшеніями, и каждой разъ дарила Антонія золотою чашею на пирахъ употребляемою и пурпуромъ шитымъ золотомъ, коимъ украшалась зала. Равнымъ образомъ его друзей награждала богатыми подарками, и хотѣла, чтобъ они брали съ собою тѣ ложа, на которыхъ возлежали за столомъ и золотые сосуды, которые имъ были подаваемы. Антоній въ свою очередь хотѣлъ ее угостить; но не могъ ни превзойти ее, ниже сравниться съ нею.

Хитрая Египтянка принаровилась къ поступкамъ Антонія, и примѣтивъ, что шутки его были грубые, подражала его вкусу. Красота Клеопатры была необык-

новенна; но болѣе всего плѣняла она своимъ разговоромъ, каждой звукъ голоса доходилъ до сердца; при семъ драгоцѣнномъ преимуществѣ, она имѣла еще и то, что говорила на восьми или десяти языкахъ, почему безъ переводчика могла давать аудіенціи посланникамъ всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ ея Государству.

Антоній не могъ сопротивляться толикимъ прелестямъ, и предался склонности своего сердца. Изъ судьи Клеопатры онъ сдѣлался ея жертвою и невольникомъ; и сія хитрая Государыня, которая умѣла возбудить любовь, сама оной не чувствуя, начала употреблять силу прелестей своихъ, и пользоваться страстію судіи своего, дабы водворить себѣ свободное и спокойное владѣніе въ царствѣ Египетскомъ. Получивъ всё желаемое, она возвратилась во Египетъ, куда Антоній не замедлилъ за нею слѣдовать, дабы предаться сластолюбію и презрить дѣла свои.

АГРИППА И МЕЦЕНАТЪ НАПЕРСНИКИ И МИНИСТРЫ ОКТАВІЯ.

Сіи два человѣка были главными орудіями возвышенія Октавіева. Онъ полагалъ на нихъ совершенную надежду. Такъ какъ онъ имѣлъ двѣ печати, вырѣзанныя на камнѣ, изображающіе Сфинкса, и совершенно одинаковые: то одну хранилъ при себѣ, а другую отдалъ въ ихъ распоряженіе съ тѣмъ, чтобъ они могли писать и приказывать его именемъ все, что почтутъ за нужное. Когда онъ самъ писалъ къ Сенату: то его письма сперва были къ нимъ приносимы. Они ихъ распечатывали, читали, перемѣняли въ нихъ по своему желанію, и потомъ опять запечатавъ, отсылали, куда слѣдуетъ.

Особливо на Мецената возложены были дѣла Рима и Италіи. Хотя онъ никогда не хотѣлъ быть выше званія про-

стаго кавалера, впрочемъ ему весьма легко было достигнуть высочайшихъ степеней въ Государствѣ; однако же онъ имѣлъ болѣе власти, нежели первые Сенаторы, и старшіе Консулы. Онъ былъ Префектомъ Римскимъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, и посредствомъ власти сего званія, нарочно для него сдѣланнаго, сохранялъ миръ и тишину въ столицѣ и въ Италіи во времена мятежныя, въ которыя весьма трудно было повелѣвать безпокойнымъ народомъ. Меценатъ заслужилъ самую блистательную и прочную славу покровительствомъ и дружбою, оказываемыми ученымъ людямъ, а особливо Горацію и Виргилію.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ВОЙНѢ МЕЖДУ АНТОНІЕМЪ И ОКТАВІЕМЪ.

(720 года отъ основанія Рима.)

Съ того времени, какъ Лепидъ лишенъ былъ тріумвирства, а Секстъ Помпей выгнанъ изъ Сициліи, произошло несогласіе между двумя полководцами, въ разпоряженіи которыхъ находились всѣ силы Римскія. Антоній неудачнымъ походомъ противъ Парѳянъ, а особливо глупою и слѣпою любовію къ Клеопатрѣ, на которой онъ женился, сдѣлавъ разводъ съ добродѣтельною Октавіею, сестрою Октавія, предоставилъ симъ молодому сопернику своему Октавію все преимущество, какого только онъ желать могъ; презреніемъ и негодованіемъ, которое навлекъ на себя, Антоній побудилъ всю Италію обязаться клятвою воевать противъ него.

Ни въ какую войну какъ въ посторонною, такъ и внутреннюю, не собиралось столько сухопутнаго и морскаго войска, сколько Антоній и Октавій приготовляли на междоусобную брань. Антоній имѣлъ сто тысячь пѣхоты и двѣнадцать тысячь конницы. Въ семъ числѣ не должно полагать тѣхъ войскъ, кои присланы были къ нему на помощь, отъ царей, его союзниковъ, или приведены самими. Флотъ его простирался до пяти сотъ военныхъ кораблей, богато украшенныхъ сообразно съ его великолѣпнымъ и роскошнымъ вкусомъ.

У Октавія было менѣе войска. Восемьдесятъ тысячь легіонныхъ воиновъ, и число конницы равное съ непріятельскимъ, составляли его сухопутное войско. Флотъ его состоялъ не болѣе, какъ изъ двухъ сотъ пятидесяти кораблей, которые легче и лучше были устроены, нежели Антоніевы. Вся Римская Имперія потрясена была въ сію войну. Востокъ вооружался противъ Запада. Октавій велъ на сраженіе всю Италію въ

сопровожденіи Сената и народа, домашнихъ и общественныхъ боговъ. Антоній влекъ за собою варварскія націи, тысячи различныхъ оружій, Египетъ, Востокъ, Бактріану и — къ большему поношенію — супругу, Египтянку, которая слѣдовала за нимъ, или лучше сказать надъ нимъ владычествовала.

ЗНАМЕНИТОЕ СРАЖЕНІЕ ПРИ АКЦІИ, НА КОТОРОМЪ АНТОНІЙ ПОБѢЖДЕНЪ ОКТАВІЕМЪ.

—

(721 года отъ основанія Рима.)

Войска Антонія и Октавія встрѣтились близь мыса Акція у Іоническаго моря. Съ обнаружившимся недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ обнаружились и побѣги въ сухопутномъ войскѣ Антонія и онъ рѣшился противъ совѣта нѣкоторыхъ своихъ чиновниковъ, и противъ

желанія самыхъ легіоновъ своихъ, дать морское сраженіе.

Октавій съ своей стороны приготовлялся и чувствовалъ на своей сторонѣ всю выгоду; но, не взирая на расположеніе обоихъ полководцевъ къ началію битвы, въ продолженіи четырехъ дней въ томъ препятствовала имъ буря. Наконецъ въ пятый день, втораго Сентября, погода сдѣлалась ясная и тихая, и заставила ихъ рѣшить, кому изъ двухъ остаться обладателемъ вселенной.

Антоній выстроилъ свой флотъ предъ устьемъ залива Амбрикійскаго. Онъ не обременилъ себя ни какимъ особеннымъ начальствомъ, а старался переходить туда, гдѣ присутствіе его было нужно.

Октавій пустившись въ открытое море, растянулся предъ флотомъ Антоніевымъ. Агриппа былъ главнымъ военачальникомъ и отъ него зависѣло всё дѣйствіе. Чтожъ касается до Октавія, то онъ окруженъ былъ малымъ числомъ судовъ, управляемыхъ чиновниками,

опредѣленными для исполненія нужныхъ его приказаній.

Обѣ сухопутныя арміи, будучи выстроены по берегамъ, только смотрѣли на сраженіе: это было сильнымъ ободреніемъ для обоихъ флотовъ, готовившихся къ битвѣ.

Съ обѣихъ сторонъ не было никакого дѣйствія до половины дня. Тогда поднялся вѣтеръ съ моря; чиновники и воины Антоніевы, нетерпя медленности, раздражавшей ихъ мужество, двинули свое лѣвое крыло, и пошли на непріятеля. Октавій весьма тому обрадовался, и дабы выманить ихъ изъ залива, и удалить отъ береговъ, велѣлъ своему правому крылу отойти въ открытое море для того, чтобъ его корабли, будучи весьма легки и проворны, могли удобнѣе напасть на тяжелые и неповоротливые корабли Антоніевы.

Вскорѣ потомъ сблизились, смѣшались; однако не вступали въ бой, по обыкновенію, ударяясь корабельными носами о противуположные корабли. Дѣй-

ствіе происходило такъ, какъ бы на сухомъ пути. Это похоже было на крѣпости, приступомъ взятыя; ибо три или четыре корабля Октавіевы окружали одинъ Антоніевъ, и воины употребляли пики, щиты, длинные желѣзные крючья, горшки съ огнемъ и проч. Такъ какъ у Антонія на корабляхъ поставлены были деревянныя башни: то дѣйствовали машинами, сдѣланными для бросанія камней и пусканія стрѣлъ.

Между тѣмъ, какъ сраженіе происходило такимъ образомъ на правомъ крылѣ, Агриппа протянулъ лѣвое крыло, дабы окружить непріятелей. Публикола, стоявшій противъ него, принужденъ былъ сдѣлать то же самое, и растянувшись, отдѣлился мало по малу отъ центра, которой началъ приходить въ разстройство. Впрочемъ тогда только рѣшено было сраженіе, когда увидѣли, что шестьдесятъ кораблей Клеопатры обратились въ бѣгство, и распустивъ парусы, направили путь къ Пелопонесу. Страхъ, безъ сомнѣнія,

овладѣлъ сею Государынею, которая однакожъ заблаговременно все приготовила, и поклавъ на свои корабли всѣ драгоцѣнности, удалилась отъ мѣста сраженія.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но не понятенъ поступокъ Антонія въ семъ случаѣ. Онъ сдѣлался будто бы тѣнію Клеопатры, и будучи принужденъ повиноваться всѣмъ ея движеніямъ, оставилъ воиновъ за него сражавшихся и умиравшихъ, сѣлъ въ галеру и поспѣшно поплылъ за нею. Клеопатра примѣтивъ его, велѣла раскинуть палатку на кораблѣ своемъ. Онъ приплылъ къ нему, и вошелъ на него, не видавъ Клеопатры; ибо она была на кормѣ, а онъ удалился къ корабельному носу, гдѣ сидѣлъ одинъ, держа себя за голову обѣими руками.

Между тѣмъ воины его сражались съ удивительнымъ мужествомъ. Но Октавій не замедлилъ увѣдомить ихъ о побѣгѣ ихъ полководца, и какъ отъ сей причины, такъ и отъ волнъ, которыя, на-

чиная подниматься, причиняли вредъ кораблямъ ихъ, они покорились побѣдителю въ десятомъ часу по полудни.

Сухопутная армія многочисленностію и силою своею могла еще изторгнуть побѣду изъ рукъ Октавія. Чиновники и воины не хотѣли вѣрить, чтобъ Антоній убѣжалъ. Наконецъ Канидій, начальствовавшій надъ ними, убѣжалъ также въ ночное время, и такимъ образомъ сія нещастная армія, во всемъ имѣвъ недостатокъ, положила оружіе въ седмый день послѣ сраженія, и перешла подъ знамена Октавія.

МИЛОСЕРДІЕ ОКТАВІЯ: АНЕКДОТЪ.

После своей побѣды Октавій неусыпное прилагалъ стараніе разбирать просьбы побѣжденныхъ, которые толпами стекались подъ его покровительство для рѣшенія своей участи. Можно сказать, что

онъ сдѣлалъ честь побѣдѣ своей оказываемою имъ благосклонностію. Цари и народы, приверженные къ Антонію, не испытали никакого личнаго оскорбленія съ его стороны. Онъ доволенъ былъ наложеніемъ подати на народъ, и лишеніемъ владѣній тѣхъ царей, которые поднимали на него оружіе; но не пролилъ ни капли крови ихъ. Что касается до знаменитыхъ Римлянъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ Антонія: то Октавій почти всѣхъ простилъ. Онъ показалъ въ одномъ случаѣ, сколь много уважалъ просьбы сына, ходатайствующаго за отца своего.

Во время пребыванія своего въ Самосѣ ему надобно было разсмотрѣть дѣла плѣнниковъ, державшихъ сторону Антонія. Къ нему былъ приведенъ Метеллъ, старикъ удрученный лѣтами и злополучіемъ, обезображенной длинною бородою, растрепанными волосами, и написаннымъ на лицѣ его несчастіемъ. Сынъ сего Метелла былъ одинъ изъ назначенныхъ судей. Съ трудомъ онъ могъ узнать отца своего въ толь плачевномъ состояніи.

Наконецъ распознавъ черты его, со слезами облобызалъ его. Потомъ, обратясь къ сулилищу, сказалъ: «Цезарь, мой
» отецъ былъ твоимъ врагомъ; а я твой
» чиновникъ. Онъ заслуживаетъ наказаніе,
» я достоинъ твоего награжденія. Умо-
» ляю тебя, спаси его ради меня, или
» прикажи умертвить меня съ нимъ вмѣ-
» стѣ.» Всѣ присутствовавшіе приведены были въ сожалѣніе. Самъ Октавій, почувствовавъ жалость, даровалъ жизнь и свободу Метеллу отцу, хотя имѣлъ причину почитать его непримиримымъ и опаснымъ врагомъ.

СМЕРТЬ КЛЕОПАТРЫ.

(722 года отъ основанія Рима.)

По смерти Антонія, который умертвилъ самъ себя въ Александріи, дабы не попасться въ руки Октавія, Клеопатра опасаясь, чтобъ торжественно не

повели ее въ Римъ, рѣшилась предать себя смерти. И такъ она просила позволенія у Октавія отправить жертвоприношеніе надъ гробомъ Антонія, и получивъ оное, пришла на могилу его съ служанками своими. Послѣ печальныхъ воплей она увѣнчала цвѣтами могилу, и тысячекратно облобызала ее, потомъ возвратилась домой и вымылась въ банѣ. Послѣ бани сдѣлала большой обѣдъ, въ продолженіи котораго пришелъ въ ея чертоги поселянинъ съ покрытою корзинкою. Караульные спросили его, что было у него въ корзинкѣ; онъ разкрылъ ее и показалъ имъ смоквы. Они удивились красотѣ и величинѣ смоквъ, и крестьянинъ съ чистосердечнымъ видомъ просилъ взять ихъ нѣсколько себѣ; они безъ всякаго подозрѣнія пропустили его.

Клеопатра по окончаніи обѣда послала къ Октавію запечатанное письмо, и выславъ отъ себя всѣхъ, изключая двухъ женщинъ, ея вѣрныхъ прислужницъ, велѣла затворить двери. Она въ письмѣ своемъ просила Октавія похоронить ее

подлѣ Антонія. Онъ понялъ, что это значило, и тотчасъ послалъ развѣдать о томъ, что происходило во дворцѣ ея. Все было кончено, Клеопатра подпустила къ себѣ аспида, спрятаннаго подъ смоквами, и прожила только нѣсколько минутъ послѣ уязвленія. Посланные нашли караульныхъ, спокойно стоявшихъ на своихъ мѣстахъ, и ни о чемъ не имѣли подозрѣнія. Но войдя въ комнату Царицы увидѣли, что она мертвая распростерта была на золотой постелѣ, и одѣта въ царскія украшенія свои. Изъ двухъ женщинъ, которыя ей служили, одна, по имени Ира, умирала у ногъ своей обладательницы, а другая Шарміона, едва стояла на ногахъ, надѣвая діадиму на голову Клеопатры. Одинъ изъ посланныхъ Октавіемъ сказалъ ей съ гнѣвомъ. «*Вотъ прекрасно, Шарміона!*— *Да*, отвѣчала она, *прекрасно и достойно Государыни, происшедшей отъ толь великихъ царей!* произнесла сіи слова и упала бездыханна.

Клеопатра погибла на тридцать де-

вятомъ году отъ рожденія. Она царство-вала двадцать два года. Она по желанію своему погребена была подлѣ Антонія, и даже Октавій велѣлъ докончить ту гробницу, которую она сама для себя начала сооружать. Онъ хотѣлъ также, чтобы женщины, служившія Клеопатрѣ при самой смерти ея, съ честію были погребены.

Смертію сей Государыни кончилось царство Лаговъ, которое, считая съ царствованія Александрова, продолжалось двѣсти девяносто четыре года.

Антоній умертвилъ себя на пятьдесятъ третьемъ или пятьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія.

ИЗОБРАЖЕНІЕ И ХАРАКТЕРЪ АНТОНІЯ.

М. Антоній велъ жизнь не сообразную съ заслугами такого человѣка, коего пороки одерживали преимущество надъ

талантами. Онъ былъ способенъ снискивать власть; но не сохранять ее; и имѣлъ нужду болѣе всякаго въ злополучіи, дабы показаться достойнымъ почтенія. Всѣ пороки, раждающіеся отъ излишней благосклонности счастія, въ то же время господствовали надъ нимъ, и дѣлали безполезными храбрость и знаніе воинское, коими онъ отличался предъ всѣми полководцами своего времени. По характеру своему онъ былъ добръ, человѣколюбивъ и щедръ. Но сіи добрыя начала, не подкрѣпляемыя здравымъ, твердымъ, просвѣщеннымъ умомъ, иногда помрачались жестокостію, и превращались въ слабость. Онъ рожденъ раболѣпствовать женщинамъ, и явилъ намъ достопамятнѣйшій примѣръ ослѣпленія и бѣдствій, которыя влекутъ за собою буйныя страсти. Однимъ словомъ, онъ заслужилъ, чтобы родъ человѣческій радовался пораженію его, и справедливо можно сказать, что Антоній побѣжденъ Октавіемъ для пользы вселенной.

ГЛАВНЫЯ ЭПОХИ ВЪ ИСТОРІИ РИМСКОЙ ОТЪ ОСНОВАНІЯ РИМА ДО СРАЖЕНІЯ ПРИ АКЦІИ.

Отъ Ромула до Августа, все время Римской исторіи, заключающееся въ семи стахъ двадцати трехъ годахъ, можетъ раздѣлиться на пять частей.

Первая содержитъ въ себѣ царствованіе семи царей Римскихъ; и продолжается двѣсти сорокъ четыре года.

Вторая начинается отъ учрежденія Консуловъ, до взятія Рима Галлами; и продолжается двѣсти двадцать лѣтъ, т. е. отъ 245 года отъ основанія Рима до 365 го. Она содержитъ въ себѣ учрежденіе Консуловъ, народныхъ Трибуновъ, Децемвировъ, Трибуновъ военныхъ, имѣвшихъ Консульскую власть, осаду и взятіе Вейевъ.

Третія отъ взятія Рима до первой Пунической войны; и продолжается

двѣсти двадцать три года, отъ 365 года отъ основанія Рима до 488. Въ ней содержится взятіе Рима Галлами, война съ Самнитянами и Пирромъ.

Четвертая простирается съ начала первой войны Пунической, до конца третей, и продолжается сто осьмнадцать лѣтъ т: е: отъ 488 года отъ основанія Рима до 607 и заключаетъ первую и вторую Пуническую войну; противъ Филиппа, царя Македонскаго, противъ Антіоха, царя Азійскаго, противъ Персея, послѣдняго царя Македонскаго, противъ Нумантиновъ въ Испаніи; и потомъ послѣднюю Пуническую войну, окончившуюся взятіемъ и разрушеніемъ Карѳагены, за которою послѣдовало разрушеніе Коринѳа.

Пятая начинается отъ разрушенія Карѳагены до перемѣненія Римской республики въ Монархію при молодомъ Цезарѣ Октавіи, послѣ получившемъ наименованіе Августа и продолжается сто шестнадцать лѣтъ т. е. отъ

607 до 725 года. Она заключаетъ въ себѣ взятіе Нуманціи, мятежи возбужденные Гракхами; войны съ Югуртою, съ союзниками Митридата; междоусобныя войны между Маріемъ и Силлою, между Цеза-ремъ и Помпеемъ, между тріумвирами и республиканцами. Сія послѣдняя война оканчивается сраженіемъ при Акціи, и постановленіемъ верховной и монархической власти въ лицѣ Октавія, названнаго Августомъ и признаннаго отъ Сената Императоромъ.

СЛѢДСТВІЕ ВОЙНЫ ПРИ АКЦІИ.

(723 года отъ основанія Рима.)

Октавій пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Азіи, возратился въ Грецію, оттуда въ Италію, и съ торжествомъ вошелъ въ Римъ. Ему должно было праздно-

вать при торжества: первое за покореніе Далматовъ, Панонянъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ, второе за побѣду при Акціи, третіе за пріобрѣтеніе Египта, которой имъ сдѣланъ былъ Римскою провинціею. Ничто не могло сравняться съ пышностію сихъ торжествъ; потому, что весь тогда извѣстный міръ содѣйствовалъ къ совершенному украшенію оныхъ. Вмѣстѣ съ добычами, полученными отъ побѣжденныхъ, несли вѣнцы и дары, поднесенные отъ союзныхъ народовъ въ знакъ поздравленія. Отборное юношество наполнявшее колесницу побѣдителя придавало блескъ его тріумфу; ибо Октавію наступилъ тогда тридцать пятой годъ.

Изъ трехъ торжествъ самое великолѣпнѣйшее было послѣднее, украшенное всѣми богатствами Египта. Октавій вмѣсто Клеопатры велѣлъ нести картину, которая изображала ея лежащею на постели съ зміею, обвившеюся около правой руки ея. Дѣти сей царицы,

Александръ и Клеопатра, ведены были плѣнниками.

Двери храма Янусова затворились въ знакъ всеобщаго мира. Сенатъ узаконилъ чрезъ каждые пять лѣтъ давать игры въ честь Октавія. На всю жизнь его опредѣлили ему трибунскую власть; къ большей чести дали ему титулъ Императора, повелѣли имя его присоединять къ именамъ Сената и народа въ общественныхъ молитвахъ, пріобщили его къ богамъ, и между именами ихъ узаконено было помѣщать и его имя въ гимнахъ, пѣтыхъ въ высокоторжественные праздники, и приносить жертвы въ честь его.

Въ провинціяхъ сооружали ему храмы. Азія и Виѳинія первыя въ томъ подали примѣръ. Всюду видны были жертвоприношенія, торжественныя игры, и жреческія сословія, учрежденныя въ честь обладателя вселенной.

Городъ Римъ проводилъ цѣлый мѣсяцъ Августъ въ забавахъ, пиршествахъ и рѣлищахъ игръ всякаго рода, давае-

мыхъ Октавіемъ, такъ, что Римъ отъ самаго своего основанія не былъ никогда столько спокоенъ, столько счастливъ.

Вскорѣ надлежало сойти на землю и Мессіи, болѣе 4 тысячь лѣтъ ожиданному, и всѣ произшествія на оной произходившія служили приготовленіемъ къ сей вожделѣнной эпохѣ, дабы споспѣшествовать проповѣданію и разпространенію ученія Его. Обширное пространство Римской Имперіи, соединивъ удобнымъ и непрерывнымъ сообщеніемъ всѣ части міра тогда извѣстнаго, отверзало повсюду путь проповѣдникамъ слова Божія. Надлежало, чтобы Владыка вселенныя, *Царь міра*, родился въ нѣдрѣ мира. Богъ возбудилъ Октавія, въ послѣдствіи названнаго Августомъ, положить конецъ всѣмъ безпорядкамъ и водворить продолжительное, прочное спокойствіе въ Государствѣ. Даже возстановленіе Монархическаго правленія входило въ Высочайшій планъ Всемогущаго касательно церкви Его. Христіанская религія вела бы вѣчную вражду съ Сенатомъ,

приверженнымъ къ древнимъ обычаямъ своимъ, если бы Государственная власть осталась въ рукахъ его. Обращеніе одного Константина великаго навсегда даровало миръ церкви Хрістовой, преслѣдуемой и притѣсняемой въ теченіи трехъ столѣтій. Однакожъ не смотря на всѣ гоненія, прочный міръ, коимъ въ сіе время наслаждались части Имперіи, много способствовалъ къ умноженію вѣрующихъ и обращенію народовъ. — Судьбы Всемогущаго неисповѣдимы.

КОНЕЦЪ.

Оик и 4082

46

50

